

Текст взят с психологического сайта <http://psylib.myword.ru>

На данный момент в библиотеке MyWord.ru опубликовано более 2500 книг по психологии.

Библиотека постоянно пополняется. Учитесь учиться.

Удачи! Да и пребудет с Вами.... :)

Сайт psylib.MyWord.ru является помещением библиотеки и, на основании Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ), копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных в данной библиотеке, в архивированном виде, категорически запрещен.

Данный файл взят из открытых источников. Вы обязаны были получить разрешение на скачивание данного файла у правообладателей данного файла или их представителей. И, если вы не сделали этого, Вы несете всю ответственность, согласно действующему законодательству РФ. Администрация сайта не несет никакой ответственности за Ваши действия.

53.58
Ш147
615.34

СТИВ ШЕНКМАН

ФЕНОМЕН КАШПИРОВСКОГО

Издательство Агентства «ЯХТСМЕН»

Москва — 1992 г.

СТИВ ШЕНКМАН

Ф Е Н О М Е Н
КАШПИРОВСКОГО

Издательство Агентства «ЯХТСМЕН»

Москва— 1992 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Эта книга уже история. Увы, чисто советская история. Тоталитарная система и ее адепты в очередной раз «сожрали» талант, навредив своему народу. Народ был, как всегда, «за».

Да простит издателя читающий этот абзац, но коль скоро книга внушении, то и речь начата с него.

Человек открыл электричество. Создал паровоз, самолет, радио, телевидение. Раскрыл секрет атома. Обычными стали погружения на дно океана или полеты в космос. Изобретательный человеческий ум измерил все, кроме самого человека. Это удивительно, но люди до сих пор не научились управлять собой и жить мирно в гармонии друг с другом и природой.

Посмотрите, сколько вокруг необычного: один владеет ясновидением, другой ходит босиком по углям, третий может остановить «Биг Бен» не прикасаясь к нему, четвертый подымается в воздух, пятый может видеть сквозь стены, шестой общается с животными или понимает язык цветов, седьмой может лечить людей...

Если объединить эти и многие другие качества в одном человеке, мы получим то, что утеряно им за всю драматическую историю человечества. Люди стали слабее и незащищеннее, чем были с самого начала, человек рождается совершенным. Таков Божий замысел. Эволюция человека должна начинаться с его личного усилия, его веры в свои неограниченные возможности.

Эта книга о феномене Кашпировского. Человеке, который сумел раскрыть заложенные от природы способности. Феномен раскрывается не случайно. Не случайно и страстное желание почти каждого понять, разъяснить его, разгадать суть. Феномен среди нас предназначен для осмысления нового. Это пример работы над собой. Он заставляет задавать вопросы, делать выводы, искать ответы.

Никто не сможет понять своих настоящих возможностей, если не осознает, что человек — это частица Вселенной. И только подчиняясь ее законам можно обрести в себе самого себя. С неограниченными возможностями.

М. Ю. Ефимов
директор издательства
«ЯХТСМЕН»

Октябрь, 1992

ГЛАЗА — В ГЛАЗА

Говорят, в США, согласно статистике, психотерапевтов столько же, сколько всех остальных врачей. На каждого лечащего врача по психотерапевту. Потому что большинство заболеваний носит сейчас явный или скрытый психогенный характер. А наша медицина все еще предпочитает с помощью лекарств лечить симптомы болезни, подавлять ее проявления, а не искоренять, изгоняя ее через те же каналы психики, которые привели к заболеванию.

Об этом я подумал, когда весной 1989 года попал на сеанс киевского психотерапевта Анатолия Михайловича Кашпировского, который к тому времени уже успел обрести большую популярность после обезболивания при полостной хирургической операции. Тогда вместо наркоза он использовал внушение, причем оперировали в Тбилиси, а сам находился в Киеве и общался с больной по телеканалу. Вернее, сразу с двумя больными женщинами, которым делали операции одновременно. Одна операция длилась около полутора часов, а другая — почти три часа.

Так вот сеанс. Зал на восемьсот мест, огромная толпа на улице, запись на абонементы с ночи. Я попал на сеанс группы, уже собиравшейся несколько раз. В ней были те, кто рассчитывал с помощью внушения сбросить лишний вес.

Есть просто чрезмерно упитанные люди, но большинство — с огромным перебором. Рассаживаются, едва уместаясь в креслах, рассказывают друг другу, кто сколько сбросил.

Буднично и деловито выходит на сцену доктор Кашпировский. Невысокий, ладно сбитый человек в темном свитере. Спокойное лицо, внимательный взгляд. Ведет себя совершенно естественно, спокойно. Никакой театральности, которой можно было бы ожидать от человека, рассчитывающего как-то необыкновенно сильно подействовать на психику находящихся в зале.

Молча сел за стол, взял одну из записок, лежавших на столе, стал читать в микрофон: «Татьяна Бородай, город Стаханов. За месяц похудела на 10 кг. Из-за деформирующего артроза ходила, как утка. Сейчас походка исправляется, начала бегать». Без всяких эмоций отложил записку в сторону. Мол, ничего удивительного. Взял следующую: «Светлана Токаревская. Киев. Гипертония, давление 200 на 70. После первого сеанса давление нормализовалось». Опять никаких эмоций. Подумал,

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Эта книга уже история. Увы, чисто советская история. Тоталитарная система и ее адепты в очередной раз «сожрали» талант, навредив своему народу. Народ был, как всегда, «за».

Да простит издателя читающий этот абзац, но коль скоро книга о внушении, то и речь начата с него.

Человек открыл электричество. Создал паровоз, самолет, радио, телевидение. Раскрыл секрет атома. Обычными стали погружения на дно океана или полеты в космос. Изобретательный человеческий ум изменил все, кроме самого человека. Это удивительно, но люди до сих пор не научились управлять собой и жить мирно в гармонии друг с другом и природой.

Посмотрите, сколько вокруг необычного: один владеет ясновидением, другой ходит босиком по углям, третий может остановить «Биг Бен» не прикасаясь к нему, четвертый подымается в воздух, пятый может видеть сквозь стены, шестой общается с животными или понимает язык цветов, седьмой может лечить людей...

Если объединить эти и многие другие качества в одном человеке, мы получим то, что утеряно им за всю драматическую историю человечества. Люди стали слабее и незащищеннее, чем были с самого начала. Человек рождается совершенным. Таков Божий замысел. Эволюция человека должна начинаться с его личного усилия, его веры в свои неограниченные возможности.

Эта книга о феномене Кашпировского. Человеке, который сумел раскрыть заложенные от природы способности. Феномен раскрывается не случайно. Не случайно и страстное желание почти каждого понять, объяснить его, разгадать суть. Феномен среди нас предназначен для осмысления нового. Это пример работы над собой. Он заставляет задавать вопросы, делать выводы, искать ответы.

Никто не сможет понять своих настоящих возможностей, если не осознает, что человек — это частица Вселенной. И только подчиняясь ее законам можно обрести в себе самого себя. С неограниченными возможностями.

М. Ю. Ефимов
директор издательства
«ЯХТСМЕН»,

Октябрь, 1992

ГЛАЗА — В ГЛАЗА

Говорят, в США, согласно статистике, психотерапевтов столько же, сколько всех остальных врачей. На каждого лечащего врача по психотерапевту. Потому что большинство заболеваний носит сейчас явный или скрытый психогенный характер. А наша медицина все еще предпочитает с помощью лекарств лечить симптомы болезни, подавлять ее проявления, а не искоренять, изгоняя ее через те же каналы психики, которые привели к заболеванию.

Об этом я подумал, когда весной 1989 года попал на сеанс киевского психотерапевта Анатолия Михайловича Кашпировского, который к тому времени уже успел обрести большую популярность после обезболивания при полостной хирургической операции. Тогда вместо наркоза он использовал внушение, причем оперировали в Тбилиси, а сам находился в Киеве и общался с больной по телеканалу. Вернее, сразу с двумя больными женщинами, которым делали операции одновременно. Одна операция длилась около полутора часов, а другая — почти три часа.

Так вот сеанс. Зал на восемьсот мест, огромная толпа на улице, запись на абонементы с ночи. Я попал на сеанс группы, уже собиравшейся несколько раз. В ней были те, кто рассчитывал с помощью внушения сбросить лишний вес.

Есть просто чрезмерно упитанные люди, но большинство — с огромным перебором. Рассаживаются, едва уместаясь в креслах, рассказывают друг другу, кто сколько сбросил.

Буднично и деловито выходит на сцену доктор Кашпировский. Невысокий, ладно сбитый человек в темном свитере. Спокойное лицо, внимательный взгляд. Ведет себя совершенно естественно, спокойно. Никакой театральности, которой можно было бы ожидать от человека, рассчитывающего как-то необыкновенно сильно подействовать на психику находящихся в зале.

Молча сел за стол, взял одну из записок, лежавших на столе, стал читать в микрофон: «Татьяна Бородай, город Стаханов. За месяц похудела на 10 кг. Из-за деформирующего артроза ходила, как утка. Сейчас походка исправляется, начала бегать». Без всяких эмоций отложил записку в сторону. Мол, ничего удивительного. Взял следующую: «Светлана Токаревская. Киев. Гипертония, давление 200 на 70. После первого сеанса давление нормализовалось». Опять никаких эмоций. Подумал,

сказал в микрофон: «Товарищи, я же просил писать только о необыкновенных проявлениях. А здесь я вижу совершенно обычные дела». Поднимается пожилой мужчина: «У меня необыкновенное. Жена мучилась от артроза тазобедренного сустава, лекарства не помогали. Я скептически отнесся к ее надеждам избавиться от болей с помощью внушения. Но действительно избавилась. Я тоже нездоров — позвоночник не в порядке. Все время лежал, а теперь вот пришел своими ногами, хорошо пришел».

Кашпировский помолчал. Видно, ждет услышать нечто невероятное, а тут опять «боли прошли», «поднялся с постели». Но для пожилого человека, у которого весь трагизм жизни свелся к болям в спине или суставах, когда и лекарства не помогают, и в медицину не веришь, и свет белый не мил, для такого человека нет большего чуда, чем внезапное исчезновение болей. Потом он быстро привыкнет к жизни без боли, у него появятся другие проблемы, а пока он наслаждается чудеснейшей из форм существования, когда нигде ничего не болит.

Поднимается довольно молодой крупный мужчина. Он говорит, что у него лимфогранулематоз, называет цифры СОЭ и другие показатели, недавно прошел курс химиотерапии, потом началось обострение. Был на четырех сеансах Кашпировского. Почувствовал себя лучше, проверился у врача, показатели приблизились к норме, узлы заметно уменьшились.

Кашпировский оживился. Спросил у мужчины, документированы ли данные о его состоянии. Да, отвечал тот, все зафиксировано и подписано лечащим врачом, Это Кашпировскому очень понравилось. Он говорит, что такое случилось впервые и что обязательно постарается довести больного до полного выздоровления.

Опять записка. Молодой человек слышал о том, что Кашпировский способен, не прикасаясь к человеку, заставить его упасть. Он в это не может поверить. «Где этот молодой человек?»—спрашивает Кашпировский. Выходит худощавый паренек, усатенький, чубатенький. «Подойдите сюда, повернитесь ко мне лицом!» Паренек стоит в полутора метрах от стола. Кашпировский взглянул на него искоса, сделал в его сторону резкое движение правой рукой, словно выбросил нечто невидимое. Парень постоял секунду, потом, ровный, как палка, медленно отклонился назад и плашмя рухнул на пол. Зал ахнул. А парень лежал пластом, едва ли не до конца сеанса, иногда приподнимая голову и поглядывая, что происходит вокруг.

Включили запись, фортепианный концерт. Не берусь описывать волшебство этой музыки, но волшебство было — закрыл глаза и захотелось взлететь на крыльях звуков, кружиться в их вихре, следовать за ними взмахами рук, движениями головы. Многие не сдерживали себя: сильно раскачивались на стульях, вращали головами, дирижировали. Одни делали это закрыв глаза, другие размахивали руками, с любопытством поглядывая на окружающих. Такого мне видеть еще не приходилось! Массовый транс? Кашпировский не спеша ходил между рядами. Кого-

то слишком энергичного, сдерживал. С кем-то разговаривал. «Ты меня слышишь? — спросил он девушку. — Как тебя зовут?» Та, отчаянно жестикулируя, спокойным голосом назвала себя.

Ощущение некоторой неловкости. Будто узнал что-то, о чем не принято говорить на людях. Но никто из только что пребывавших в транс не чувствовал себя смущенным. Может, такой транс — необходимое условие для излечения?

Мы обсуждаем с Кашпировским сеанс, его работу, случаи исцеления.

— То, что вы видели, — говорит он, — это не гипноз, а сильное внушение.

— Но я что-то ни разу за весь сеанс не услышал от вас слов о необходимости похудения, о том, что надо сдерживать себя в еде. И вообще, как можно внушить себе нормализацию артериального давления или тем паче рассасывание лимфогранулем?

— Наша мысль, наш разум сопротивляются внешнему воздействию, мы критически воспринимаем любые наставления. Поэтому для того, чтобы внушение было эффективным, надо усыпить критическое, мыслительное начало, снять сопротивление. Исходя из этих соображений, я даю установку на излечение очень скрытно, одним-двумя словами за весь сеанс. Вы на них даже внимания не обратили, а организм зафиксировал. По крайней мере я на это рассчитываю.

...После первой встречи с Кашпировским я углубился в литературу по психокоррекции и нашел там немало примечательного. В одной из недавно вышедших книг написано: «Возбуждающие танцы шамана, ритмичные звуки его бубна призваны отключить высшие отделы мозга, приглушить сознание, держащее под своим контролем подсознательную сферу с ее буйным воображением, эмоциями и аффектами». Значит, шаманы отключали сознание. А разве не то же делают некоторые рок-ансамбли?

— Конечно, — соглашается Кашпировский, — способов взвинтить людей, «завести» их — немало. Особенно велика в этом роль музыки, прежде всего — ритмической. Однако самое важное в таком возбуждающем действии — цель, установка. Можно дать возбужденной толпе установку на вандализм, драку, даже убийство. Ведь запреты, налагаемые высшими отделами мозга, сняты, а подсознательная сфера делает то, что ей прикажут. В результате — разгромленные залы после рок-концертов, массовые драки после фут_бола. Все зависит от установки. Что плохого, если доктор Довженко на групповом сеансе дает установку на отказ от алкоголя? Или если я ставлю задачу похудеть, бросить курить? Мои пациенты знают меня, они видят, что я стремлюсь помочь в их беде, они мне доверяют. Вот на стадии принятия решения относительно своего собственного поступка критическая роль разума необходима. Человек решает, идти ему туда, где сознание будет отключено, или не идти. При этом он обязательно должен прежде всего задуматься об установке, которая будет дана при отключении поведенческих запретов.

— Вы внушаете людям отвращение к курению, сбиваете чрезмерный аппетит, налаживаете сон и т. п. Это понятно, речь идет здесь о физиологических сдвигах, поддающихся поведенческой коррекции. Воздействие психотерапевта в подобных случаях общепризнанно. Но как быть с лимфогрануломатозом? Я слышал об излечении язвы желудка, шрамах, родимых пятнах. Это ведь органические нарушения. Как может повлиять на язву ваше слово, ваша установка, даже скрытая?

— Что больной знает о своей язве? То, что она болит. Но нервная система, фиксирующая все состояния организма, его органов и тканей, прежде всего отменяет любые нарушения, любые отклонения в функционировании. Это касается и язвы, и не ощущаемых нами полипов в кишечнике, и любых других заболеваний и образований на внутренних органах. Вся информация поступает, естественно, в головной мозг, в некий информационный банк. Он как-то закодирован и закрыт для сознания, но когда снят контроль над подсознанием, установка на излечение может проникнуть и в эту сферу. Человек пришел избавляться от ожирения, а у него прошла экзема. Были такие случаи. Были и вообще невероятные, о которых я пока не стану говорить вслух. Но это вовсе не значит, что я придумал средство от экземы, псориаза или рака лимфы.

— Получается, что излечение зависит не только от вас, но и от вашего пациента. От того, как он воспримет вашу установку.

— Совершенно верно. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Обычно говорят о феномене человека, обладающего способностью внушать. Я считаю, что пора изучать феномен не врача, а больного, объекта внушения. На определенные способы воздействия одни отвечают очень сильно, другие едва реагируют. От каких личностных качеств это зависит? Как их сделать более пластичными, способствующими оздоравливающему воздействию? На этот вопрос еще предстоит ответить.

— Вероятно, все определяет степень гипнабельности человека. Одни открыты для внушения, другие не хотят поддаваться ему.

— В том-то и дело, что так называемая гипнабельность не имеет отношения к излечению внушением. Ко мне ходил ученый-физик, ходил за компанию с женой. Он называл себя физиком-скептиком, усмехался глядя на впавших в транс, не верил никому и ничему. А после нескольких сеансов в некоторой растерянности сказал: «Знаете, доктор, у меня на руке была незаживающая язва и вдруг ее не стало». Человек не верит, настроен на сопротивление моему воздействию, но я ставлю его в положение, когда ему просто нечему сопротивляться. Помню, на одном из занятий встал мужчина и сказал: «У меня много лет болит копчик, упал, а потом там образовалось что-то неприятное, да до такой степени, что сидеть нормально не мог, всюду носил с собой резиновую подушечку. Был на одном сеансе — никакого впечатления. Вот и стал всем говорить: «Кашпировский дурит людей!» Но сейчас ничего не болит, резиновой подушечкой не пользуюсь. Извините меня, ради бога, за то, что плохо говорил о вас!»

— Как же вести себя во время сеанса?

— Закройте глаза, отдайтесь музыке. Как бы согласитесь со своим состоянием, не думайте о своей печени или язве, которая болит. Пусть мысль блуждает, как хочет, а вы, не сопротивляясь и не руководя ею, послушно идите следом.

— А как вы представляете себе механизм излечения опухоли, полипа или, скажем, бородавки?

— Мы сейчас тихо с вами беседуем, гормональная система функционирует в спокойном режиме, но если бы вдруг началась стрельба, грохот, угрозы, то моментально в кровь пошел бы адреналин, быстро синтезируемый в соответствующих железах. В принципе то же происходит, когда установка на излечение проникает в центры, хранящие информацию о неблагоприятных проявлениях. Организм — это мощная саморегулирующаяся система. Он может синтезировать некие антивещества и направлять их на очаги заболевания. Эта химия эндогенного происхождения срабатывает лучше любых лекарств и не дает побочного действия. В принципе все, что образовалось в организме, может быть организмом и отторгнуто. Если в нем нашлась какая-то сила, то найдет-ся и антисила.

— Послушайте, а если...

— Вот именно. Внушение разбудило резервы организма, и если их в момент воздействия материализовать, то можно получить некое вещество, уничтожающее то или иное болезненное проявление, своеобразную вакцину. А дальше — просто: на стол кладется ампула, которая поможет при полипах, и другая, которая избавит от, скажем, бородавок. Я не хочу пока произносить вслух более серьезные предположения...

Фантазии Кашпировского? Сюжет для научно-фантастического романа? Наверное. Если бы я не был свидетелем бесчисленных исцелений! Но тут уместно заметить, что наша медицина приучила человека к абсолютно рационалистическому подходу к лечению. Ему всегда объясняли, что происходит, когда что-то происходит. Но есть масса вещей совсем пока непонятных. А о непонятном, считалось, и говорить, мол, нечего. Но вот немецкий психотерапевт Бруно Блох пишет статью «О лечении бородавок гипнозом»: из 179 пациентов 55 вылечено за первый же сеанс, 32 — за два сеанса, а всего — 98, остальные лечению не поддались. Великий В. М. Бехтерев избавлял с помощью внушения от паралича, сухорукости и даже наследственной слепоты. Эти случаи описаны им в статье «Внушение и чудесные исцеления», вышедшей в 1925 году. Написал я это и вспомнил, что Кашпировского горячо поддерживает внучка великого психотерапевта академик Н. П. Бехтерева.

При внушении Кашпировский избегает предварительных стадий, принятых в аутогенной тренировке («правая рука теплая, правая рука тяжелая»). Он предпочитает прямую установку, причем не обязательно вербальную, выраженную в слове. Когда налажен контакт с пациентом, для установки достаточно бывает даже одного жеста. Я видел, как само появление Кашпировского в зале становилось у некоторых сигналом

для впадения в транс. Кстати, о транс. Какова роль этого странного атрибута сеансов Кашпиоровского?

— Человеку свойственно сопровождать психический порыв физическим действием,— го-ворит он.— При радостном сообщении — потираем руки, забили гол — вскакиваем со стула. Одни вскакивают, другие сидят окаменев. При сеансе внушения у некоторых возникает неосознанная потребность двигаться, связанная возможно с гипокинезией. При этом никто не впадает в сомнамбулическое состояние.

Вы же видели: отчаянно размахивает руками и одновременно спокойно отвечает на мои вопросы. Я спрашиваю: «Можешь руками не махать?» А она говорит: «Нет, они сами по себе». Транс — своего рода отвлекающее действие, помогающее отключению сознания, но он не обязательно свидетельствует об удачном внушении. Можно впасть в транс, но не добиться лечебного эффекта, но можно сидеть спокойно и избавиться от, допустим, мастопатии.

— Вид человека, впавшего в транс, наводит на мысль, что ваше внушение подавляет личностные проявления, лишает человека индивидуальности.

— Я понимаю, человек, непроизвольно размахивающий руками, не производит впечатления серьезного мыслителя. Но вы сами слышали, как пожилые люди говорили, что вдруг стали писать стихи, и читали эти стихи; как многие с удивлением констатировали, что у них улучшилась способность к концентрации внимания, к запоминанию. Многие молодые говорили об улучшении умственной работоспособности и усвоения учебного материала, о появлении тяги к творчеству. Разве это похоже на уничтожение личности?

— У вас есть абонементные группы, направленно работающие на снижение лишнего веса. Там, знаю, люди сбрасывают и по 20, и по 40 кг. С помощью внушения вы убираете у них, как я понимаю, желание есть мучное, сладкое, жирное. Но ведь нужна и программа действий: соответствующий рацион, физические упражнения.

— Эти группы получают схему питания, где предусмотрен отказ от хлеба, сахара, масла, каш, ограничено мясо, рыба, молочные продукты, яйца. Бегать 100-килограммовым нереально, им рекомендуется ходьба, плавание, упражнения на гибкость. Я делаю лишь полдела, вторая половина работы — в их руках. Если не придерживаться строгого режима питания и высокой двигательной активности, все сброшенные килограммы быстро вернутся.

— Вы предпочитаете групповой метод потому, что психотерапевтов у нас не хватает и такой метод позволяет охватить большое число пациентов?

— Да, но важно еще и то, что в группе люди оказывают друг на друга немалое воздействие, как бы взаимно заряжаются уверенностью в пользе внушения. Аудиторию можно расширять бесконечно. Я работаю и с несколькими десятками людей, и в залах, рассчитанных на сот-

ни посетителей, и даже на многотысячном стадионе. Но самую большую аудиторию представляет все-таки телевидение...

Пять вечеров украинское телевидение давало 45-минутные сеансы Кашпировского. Основная их направленность — избавление детей от энуреза (ночное недержание мочи). Выборочный подсчет показал, что излечились тысячи детей, примерно 55 процентов, страдавших этим заболеванием. Кашпировский же считает, что можно довести эффективность до 70—80 процентов. Заодно коснулся он в одном из сеансов курильщиков (рассказывали, что немало подростков после этого бросили курить). Сказал о нечувствительности к боли (на следующий день сотням людей удаляли зубы в поликлиниках без анестезии).

Ну, а самый яркий пример обезболивания по телеканалам — это, конечно, тбилисская операция. Значительная часть случаев исцеления приходится на тех, кто сперва увидел Кашпировского на телеэкране, а только потом попали на очный сеанс. Молодой человек с лимфогрануломатозом, например, прежде чем поправиться, смотрел один телесеанс и три очных.

Вскоре после знакомства с Кашпировским я был на сеансе в небольшом зале киевской больницы^ где он тогда работал. В зале было человек 150—200. Здесь общение психотерапевта с пациентами идет по принципу «глаза в глаза». Это потом сеансы шли в залах на 600, 800, 1000, 1800 мест. Конечно, чем больше народу, тем шире эффект воздействия. Ведь страждущим нет конца. Но в сравнительно небольшом зале обстановка уютнее, доверительнее, интимнее. Человеку подспудно хочется быть с доктором наедине, тем более с таким доктором. Ну, если уж не наедине, то хотя бы в ситуации как-то напоминающей медицинский кабинет. В этом отношении огромные залы, где из первого ряда не различишь человека, сидящего в последнем, мне кажется, проигрывают небольшим аудиториям. Но у них, повторяю, свои преимущества. К тому же посетители легко примирились с публичностью лечения и готовы пожертвовать многим, чтобы пробиться на сеанс даже в самый большой зал. А уж самый большой зал — телевизионная аудитория. Впрочем, его можно считать и наиболее интимным. Ведь человек сидит у себя дома перед телевизионным экраном один. В комнате никто не мешает его общению с психотерапевтом. Они доверительно смотрят в глаза друг ДРУГУ.

Но вернемся в киевскую больницу, во времена, когда Кашпировскому приходилось работать и в небольших помещениях. Рядом со мной у самого прохода сидела крупная цветущая женщина лет двадцати пяти. С ней пришла маленькая девочка, которой не было дела до сеанса, она тихонько играла около своей мамы. «Надо же, подумал я, такая на вид крепкая женщина, как говорится, кровь с молоком, а тоже страдает какой-то скрытой хворобой. Вот что значит Чернобыль и всякие нитраты с пестицидами».

Однако Чернобыль оказался ни при чем. Даже некоторым образом наоборот. Как шепнул мне на ухо Кашпировский, молодой **женщине** на-

до было в силу каких-то своих обстоятельств прервать беременность. Аборт тоже по каким-то серьезным причинам делать нельзя. А срок уже солидный. Я тогда еще не очень хорошо представлял круг возможностей Кашпиrowsкого и потому удивился: как может психотерапевт прервать беременность? Абсурд!

Тем не менее женщина здесь, сеанс идет. Когда зазвучала музыка и Кашпиrowsкий, как обычно пошел между рядами, он остановился около моей соседки и что-то тихонько шепнул ей на ухо. Она улыбнулась, щеки вмиг стали пунцовыми. Женщина, прикрыв глаза, расслабленно внимала музыкальным пассажам, Кашпиrowsкий подошел еще раз, что-то шепнул и чмокнул ее в щеку. Соседка вновь вспыхнула, тяжело задышала. Через минуту Кашпиrowsкий подошел в третий раз и неожиданно резко наступил ей на ноту. По телу женщины пробежала конвульсия, она застонала сквозь стиснутые зубы, сдерживая себя вскрикнула, лицо передернулось неожиданной гримасой, и вдруг успокоилась, тихо блаженно улыбнулась. Потом открыла глаза и тут же стремительно выбежала за дверь.

Через несколько минут женщина вернулась, задумчиво села в кресло. Ребенок даже не обратил внимания на странное поведение матери.

Что же произошло? Я мог лишь догадываться.

На следующий день меня поразила симпатичная девушка, которая к концу сеанса стала, закрыв глаза, стонать, тяжело дышать, дергаться в конвульсиях. Уже побывав на нескольких сеансах и подивившись на всякие чудеса, я тем не менее не мог себе поверить: неужели? «Да,— подтвердил Кашпиrowsкий,— это самый настоящий оргазм!»

Женщины на сеансах Кашпиrowsкого — это особый разговор. Не все, конечно... Далеко не все женщины. Но все же их достаточно, чтобы ситуация выглядела вполне определенно: для многих (или для некоторых, или для отдельных) женщин разного возраста Анатолий Михайлович Кашпиrowsкий стал объектом невероятного обожания. Впрочем, не хочу, чтобы у читателей возникла мысль о тайных свиданиях, сулужеской неверности, о стремлении к близости. Нет, здесь совсем иное. Помоему, не описанное ни в художественной, ни в научной литературе.

Посреди тысячного зала солидная женщина, имеющая мужа, детей, а то и внуков, может встать и сказать в микрофон: «Вы, Анатолий Михайлович, снитесь мне каждую ночь. Я без вас жить не могу!» И зал аплодирует. И тут же берет микрофон другая и говорит: «Вы—воплощение всех моих идеалов». А третья, находясь во время сеанса в состоянии транса, подходит к Кашпиrowsкому и ничего не говорит, но смотрит так, что все ясно и без слов.

Много раз слышал я в залах Кашпиrowsкого женские голоса: «Мы вас любим!» Но ни разу: «Я вас люблю!» Согласитесь, есть большая разница между «Мы любим» и «Я люблю». Думаю, что чувство, которое многие дамы разного возраста испытывают к Кашпиrowsкому, можно было бы определить разницей между признанием от первого лица множественного числа и от первого лица единственного числа.

(Впрочем, это уже сфера, более близкая пониманию Юрия Рюрика Юрия Якова писателя, автора замечательной книги «Три влечения», называющего себя амуврологом, то есть специалистом по любви. В отличие от великих лириков, проникнувших в таинства чувств, и от великих Донжуанов, покоряющих сердца, он скромнен, предан семейному очагу и всего лишь исследует в своих книгах типологию отношений между полами. Причем показывает себя при этом великолепным знатоком темы, открывая глаза практикам на многие неведомые им доселе тонкости.

Так вот, пусть Юрий Борисович Рюриков пополнит свою картотеку совершенно необычным отношением женщин к Кашпировскому.

Статистикой я, конечно, не занимаюсь, но у меня создалось впечатление, что обожание, с каким относятся к Кашпировскому многие (некоторые, отдельные) женщины, помогает ему более осязательно воздействовать на их подсознание. А может быть, влияние здесь обоюдное: теплая волна чувств помогает приоткрывать двери в подсознание, а воплощенная мечта об избавлении от болезней подпитывает эти чувства. К тому же сам по себе Кашпировский выглядит, как мне представляется, весьма привлекательно для женщин: мужественное лицо, налитая силой фигура, железная воля, трудные испытания за спиной, огромный успех, признание людей, удачливость.

Обожание, тайная и чистая (как говорится, теоретическая) влюбленность, воплощенная мечта. И в то же время совершенно невероятные проявления из сферы сугубо интимной. Вот подходит к микрофону женщина, в отличие от других не называет себя: «Боюсь показаться смешной,— говорит она,— но считаю, что обязана сказать, чтобы представление о методе Кашпировского было более полным. Так вот, я пятнадцать лет замужем, двое детей, мужа люблю, живем хорошо. Все пятнадцать лет я считала себя удовлетворенной супружескими отношениями. Правда, они не имели для меня слишком большого значения. Считала, что все нормально. Но вот после телевизионного сеанса мы, как обычно, легли спать. И тут, простите, на шестнадцатом году супружеской жизни я впервые почувствовала себя женщиной. Я люблю мужа по-прежнему, но надо было состояться этому сеансу, чтобы я, как теперь понимаю, наконец избавилась от фригидности».

Слова эти были встречены залом аплодисментами. Тут же выяснилось, что необычное воздействие психотерапевта придало новую окраску интимным отношениям еще у нескольких женщин.

Один из самых солидных советских сексопатологов профессор А. М. Святош утверждает, что не менее трети женщин фригидна. Другие специалисты считают эту цифру даже заниженной. Может быть, после телесеансов Кашпировского статистика станет более благоприятной?

«Моей дочери 20 лет,— писала колхозница из Полтавской области,— но у нее никогда не было менструаций. Много раз обращались к врачам, но лекарства не помогали. Мы были в отчаянии. Вместе со всеми дочка смотрела телесеансы. У нас была тайная надежда на по-

мощь психотерапевта. Уже после второй передачи наши надежды оправдались».

Подобных признаний в практике Кашпировского немало. Еще чаще приходится слышать о благополучном избавлении женщин от многолетнего бесплодия.

— Причин женского бесплодия много,— размышляет Кашпировский.— В данном случае, как мне кажется, речь идет лишь о мешающей детородной функции киллоидной ткани, которая в ходе сеансов рассасывается относительно часто.

Кто-то стремится забеременеть, кто-то — избавиться от беременности. Но вот, как бывает в жизни. Во время сеанса в полуторатысячном зале приходит Кашпировскому записка: «У меня двое детей. Хотели третьего, но несколько лет не могла забеременеть. Посмотрела вместе с мужем пять телесеансов и почувствовала, что жду ребенка. Но вдруг стало страшно: лет мне уже немало, разница между детьми будет большая. Посоветовалась с мужем и решила просить вас избавить меня от беременности».

Прочитал Кашпировский вслух, задумался: «Почему, надо избавиться от третьего? Рожайте!» И снова повторил: «Рожайте!!!» Как будто ситуация исчерпана. Зачитываются другие записки, не похожие на эту. Потом несколько человек подошли к микрофону, рассказывали о своих полипах и давлении. И вдруг Кашпировский говорит: «Я не удовлетворен своим ответом этой женщине. А вдруг ей действительно не надо рожать? Как вы думаете, товарищи?» Зал загудел и, понимаете, каждый стал давать не ко времени забеременевшей свои советы. А Кашпировский уже без всякого металла в голосе сказал этой женщине: «Прошу вас, не делайте того, что задумали. Ребенок не будет вам обузой. Где двое — там и третий. А будет трудно материально — обратитесь ко мне. Я при всех обещаю вам помочь, если будет нужда!» В зале захлопали. А он продолжал: «Да, я думаю, что смог бы вам помочь и забеременеть и избавиться от беременности. Но вы сами должны знать, как поступить. А еще более точно это знает ваш организм. Пусть он и принимает решение, а я даю ему установку: если после сегодняшнего сеанса беременность сохранится, то и прерывать ее не надо! Вот это и будет моим ответом на вашу записку!»

Те, кто многократно наблюдал телесеансы Кашпировского, могут отнестись к моим словам с некоторым недоверием: о каких только невероятных случаях ни говорилось с телеэкрана, а вот о прерывании беременности — ни разу!

— Однажды, давным-давно,— рассказывает Анатолий Михайлович,— перед сеансом в небольшом зале несколько женщин попросили помочь им избавиться от беременности. Я решил сделать это публично и дал установку, как говорится, открытым текстом. Эффект оказался даже слишком сильным. Да, слишком. Потому что все некстати забеременевшие решили свои проблемы, а некоторые женщины, пришедшие на сеанс с совсем другими заботами, жаловались потом, что у них откры-

лось кровотечение. И уж совсем в интересную, хотя и **малоприятную** ситуацию попала тогда одна 60-летняя женщина. Во время сеанса она услышала вдруг легкий хлопок, словно выстрел из пневматического ружья. Она недоуменно огляделась вокруг, но никто стрельбой не занимался. И лишь позднее она поняла, что у нее произошло выпадение матки. Представляете, что могло бы случиться на телесеансе, если бы **я** стал дазать установку на избавление от беременности? **С тех пор я, если** и помогаю в таких случаях, то только в индивидуальном порядке.

Похудеть по Кашпировскому

Последствия, которые лишние килограммы имеют для здоровья, провоцируют болезни сердца и сосудов, серьезные нарушения в эндокринной системе, даже опухоли. Врачи должны были бы объявить ожирению беспощадную войну. Пассивность их можно объяснить лишь тем, что сами медики в значительной своей части грешат внушительными весовыми перегрузками. Толстяков искренне жаль, поскольку килограммы несут массу неприятностей, а избавляться от них чрезвычайно трудно.

Самый естественный и радикальный способ — меньше есть. Строгая диета, даже голодание по системам Юрия Сергеевича Николаева или Поля Брэгга обязательно дадут результат. Редкий толстяк не пытался ограничить себя в еде, попробовать на себе хотя бы одну из многочисленных диет, рекомендуемых журналами и газетами. Увы, эксперименты чаще всего не переходят в систему, и потому не дают результата. Отказаться от обильной еды нелегко из-за того, что она слишком часто остается одной из немногих радостей в нашей многотрудной жизни. В море стрессов, переживаний и неприятностей человек садится за стол и, отключившись от всех проблем, в полной мере радуется своему естественным приятным вкусоностям. Замечено, что когда жизнь заполнена многими радостями, когда она одухотворена творчеством, эмоционально насыщена, человек меньшее значение придает еде, не очень-то озабочен пищевым наслаждением.

Будем надеяться, что со временем изменятся наши обстоятельства и привычки, ведущие к излишкам веса, но пока что эта проблема волнует очень серьезно. И не удивительно, что на немалый ассортимент чудес, предложенный публичными сеансами Капшировского, бурно отреагировали наши многочисленные толстяки. Именно они были в числе первых, заполнивших залы на ранних сеансах в Киеве и Москве. Надежды многих из них оправдались в полной мере. Особенно поражали темпы похудения некоторых пациентов Кашпировского: 50 сброшенных килограммов, 70, 100, 140. А абсолютный рекорд — 173 кг. Причем сроки минимальные — недели и месяцы. За счет чего же происходит столь стремительное оздоровление организма?

— Это не чудеса, тем более не мистика, — сказал мне Анатолий Михайлович Кашпировский. — Речь идет об очень сильном воздействии на

психику, подкрепленном конкретными практическими рекомендациями. Какие это дает результаты?

Либо у человека теряется аппетит, пропадает интерес к продуктам, которые дают прибавку веса, из-за этого организм быстро спускает излишки.

Либо аппетит утрачивается не настолько, чтобы пища стала безразличной или даже неприятной, но зато возрастает решимость, целеустремленность, воля, благодаря чему человек уверенно отказывается от всего, что ему не нужно.

Возможен и третий вариант: психовоздействие настолько сильно, что под его влиянием изменяется привычный для организма характер обменных процессов. Начинается отторжение излишков жировой ткани. Более рациональным становится характер усвоения пищи.

Не исключен, конечно, и еще один — худший вариант: аппетит не пропал, воля не укрепилась. В этом случае не будет и результата. Происходит такое чаще всего из-за недостаточной настроенности человека на успех, на стремление добиться своей цели, оздоровиться и обрести хорошую фигуру.

Как писал один шутник: «Кашпировский не помог: вес не уменьшился, холодильник пуст». То ли аппетит по-прежнему слишком хороший, то ли решению продовольственной программы всесильный психотерапевт не поспособствовал. Как хочешь, так и понимай.

Ведь под наплывом эмоций и рассказов о чудесах Кашпировского, многим действительно показалось, что от него можно ожидать решения социальных и даже экономических проблем, а когда стало ясно, что кризисные явления нарастают, кое-кто попробовал сделать психотерапевта «черной» фигурой, повинной в бедах страны. О том, кому на руку было такое науськивание народа на Кашпировского, можно лишь догадываться, но тенденция просматривается вполне явственно.

Однако переключимся от химер на реальности, вернемся к разговору о лишнем весе.

Я беседовал с одной из обычных пациенток Кашпировского киевлянкой Людмилой Зиновьевной Яблонской. Ей 51 год, в начале июля 1988 года впервые была на сеансе Кашпировского. При росте 156,5 см в тот день весила 95 кг, окружность груди — 104 см, талии — 94, бедер — 124. С первого дня она вела дневник, который любезно предоставила в мое распоряжение. На первой странице дневника написано: «Верю и надеюсь!!!» Вера, судя по всему, была твердой, а надежда — активной. Чтобы убедиться в этом, приведу выписки из дневника Л. З. Яблонской, где она скрупулезно фиксировала весь свой рацион и тут же давала динамику своего похудения.

Приношу извинения, если кому-то эти выписки покажутся скучными. Но надеюсь, что найдется немало читателей, для которых опыт киевлянки станет полезным практическим пособием.

2 июля. Вес 95 кг. 13 часов — капуста, огурец, 50 г колбасы, 2 ложки творога, стакан кваса.

18.30. — яйцо, огурец, морковь, 50 г творога, квас.

3 июля. Вес 95 кг.

9.30. — яйцо, салат из капусты и огурца с подсолнечным маслом, 5 морковок.

17.00. — салат из огурца и помидоров, 50 г мяса креветок, 50 г колбасы, компот без сахара.

4 июля. Вес 95 кг.

6.40. — яйцо, огурец, квас.

12.00.— 100 г. мяса, два огурца, капуста.

19.00.— 100 г мяса, огурец, 10 абрикосов.

5 июля. Вес 95 кг.

6.40. — яйцо, огурец, чай без сахара.

12.00. — 50 г мяса, салат из капусты и моркови, 5 абрикосов.

19.00.— 150 г отварной рыбы, 100 г творога, огурец, 5 абрикосов.

6 июля. Вес 95 кг.

6.40. — маленький ломтик отварного мяса, огурец, 50 г творога, чай.

12.00. — 50 г отварного мяса, 2 огурца, 5 морковок.

19.00.— 100 г отварной рыбы, гречневая каша, томатный сок.

Так продолжалось еще два дня, и лишь 9 июля весы показали долгожданный сдвиг — 94,5 кг. Организм консервативен, он как бы запрограммирован на сохранение или увеличение веса. И потому с очень большим трудом реагировал на первоначальные попытки сбросить вес. Но упорство вознаграждается, наполненные весы — лучшее тому доказательство.

10 июля. Вес 94 кг.

11.30.— 100 г творога, 5 абрикосов. -

14.00.— 300 г моркови.

19.00. — гречневая каша, салат из капусты, помидор.

13 июля. Вес 93,5 кг.

14 июля. Вес 93 кг.

7.40. — гречневая каша, огурец.

12.00. — капуста с подсолнечным маслом, 5 морковок.

19.00. — 200 г отварной рыбы.

17 июля. Вес всё еще 93 кг. В этот день был второй сеанс Кашлировского.

20 июля. Вес 92,5 кг.

6.40. — гречневая каша, компот.

12.00. — капуста, 30 г сыра, огурец, вишня.

20.00.— два кусочка отварной рыбы, 3 ложки творога, абрикосы.

27 июля. Вес 92 кг.

6.20.— три ложки гречневой каши.

12.00.— 50 г сыра, капуста, огурец, 3 морковки, вишни.

19 00 —3 кусочка отварной рыбы, абрикосы.

31 июля. Вес 92 кг. Третья встреча с А. М. Кашпировским. И снова в дневнике девиз: «Верю и надеюсь!!!»

Каждый день по-прежнему подробно записывается весь рацион, где не найти ни хлеба, ни выпечки, ни сахара, ни картофеля, ни сливочного масла и других животных жиров, ни каш (кроме гречневой). Зато свежие овощи и фрукты практически без ограничения. Кроме того, Кашпировский рекомендует после каждого приема пищи полоскать рот раствором марганца, соды или фурациллина, причем растворы лучше чередовать.

В своих наставлениях Кашпировский не забывает, конечно, и физические упражнения с учетом возможностей пациента (120-киллограммовой тете даже подумать о беге невозможно). Ходьба, плавание, упражнения на гибкость обязательны при любом весе. Дневник — тоже непременное условие успеха, он не только контролирует динамику избавления от лишнего веса и зависимость этого избавления от ежедневного рациона, но и мобилизует на строгую дисциплину питания. Практика подсказала Кашшиповскому ударные темпы похудения: 3 кг в неделю, 12 кг в месяц, 60 кг в полугодие. Надо сказать, что Л. З. Яблонская выдержать таких темпов не смогла. За первый месяц она похудела лишь на 3 кг. Но и этим результатом была довольна.

Не стану приводить дневник полностью. Остановлюсь лишь на тех днях, когда весы показывали снижение. В принципе питание Л. З. Яблонской оставалось стабильным, изменения были связаны лишь с тем, что оказывалось в той или иной день на прилавках киевских магазинов и рынков. Заметим, что питание Л. З. Яблонской по своему составу совсем не образец для желающих похудеть. Строгий диетолог найдет в нем ошибки, но не будем их преувеличивать.

3 августа. 91 кг.

6.40. — 2 ложки творога, дыня.

12.00. — 60 г сыра, перец, огурцы, помидоры, морковки, 3 яблока.

19.00 — гречневая каша, салат, яблоко.

5 августа. 90 кг.

6.40. — гречневая каша, помидоры, компот.

12.00. — 70 г сыра, 4 помидора, 2 огурца, капуста.

19.00. — 150 г творога, дыня.

7 августа. 91 кг.

9.00. — дыня.

15.00 — 50 г сыра, дыня.

19.00 — 100 г творога, дыня.

10 августа. 90 кг.

6.40. — 50 г творога, дыня.

12.00. — 70 г сыра, помидоры, перец.

19.00. — 1 кусочек рыбы, салат, дыня.

13 августа. Вес 90 кг. Четвертый сеанс А. М. Кашпировского.

6.40. — 2 яблока.

12.30. — кусочек сыра, 2 помидора.

19.00. — яйцо, салат из капусты, дыня, яблоко,

14 августа. 89,5 кг.

11.00. — 2 помидора, 3 яблока.
14.00.— 50 г сыра, дыня.
19.00. — 50 г мяса креветок, 100 г — творога.
21 августа. 89 кг.
8.00. — ложка творога, чай.
12.00.— 2 яблока, 2 груши.
19.00. — 50 г мяса, капуста, яблоки.

30 августа. 88 кг. Пятый сеанс Кашпировского. В этот день Л. З. Яблонская обратила внимание на изменения в коленном суставе. Она уже могла нормально спускаться по лестнице, а вверх шла даже через ступеньку. Смогла присесть без помощи рук, стало легче ходить.

2 сентября. 87,5 кг.

6.40. — 50 г творога, чай.
12.00.— 100 г мясного пюре, яблоки.
19.00. — 30 г сыра, 50 г творога, морковь, свекла, чай.

3 сентября. 87 кг.

11.00.— 100 г мясного пюре, помидор, чай.
15.30. — 80 г креветочного мяса, 3 ложки творога, свекла, морковь с подсолнечным маслом, два яблока.

13 сентября. 88 кг. Шестой сеанс Кашпировского.

18 сентября. 86 кг.

11.00. — яйцо, тушеная капуста, чай.
23.00. — арбуз.

19 сентября. 85 кг.

6.40. — ложка творога, чай.
12.00.— 100 г мясного пюре, перец, помидоры, сливы, груши.
19.00. — гречневая каша, тушеная капуста, арбуз.

13 октября. 85 кг. Врач зафиксировал благоприятные изменения в коленном суставе. Первоначальный диагноз: деформирующий остеоартроз.

16 октября. 84 кг.

10.00.— 100 г творога.
15.00. — 50 г сыра, 4 печеных яблока.
19.00. — салат из капусты, чай.

22 октября. 83,5 кг.

14.00. — 70 г сыра, яблоки.
19.00. — 4 сардины, печеные яблоки.

28 октября. 83 кг.

6.40. — 3 печеных яблока.
12.00. — 50 г сыра, 6 яблок.
19.00. — 100 г творога, 4 печеных яблока.

11 ноября. 82,5 кг.

6.40. — яйцо.
12.00. — 70 г сыра, салат из капусты, 3 печеных яблока, 3 ореха.
19.00. — тушеная капуста, 50 г мясного пюре, 2 хурмы.

17 ноября. 82 кг.

6.40. — 2 ложки творога, яблоко.

12.00. — 50 г сыра, перец, яблоко.

19.00. — тушенная капуста, консервированные помидоры.

19 ноября. 81,5 кг.

11.00. — яйцо, тушенная капуста, хурма.

15.00. — 3 хурмы.

19.00. — 100 г. мясного пюре, салат, хурма.

20 ноября. 81 кг.

10.40. — 50 г сыра, яблоки.

15.00. — 50 г мясного пюре, тушенная капуста.

19.00. — 2 хурмы.

28 ноября. 80 кг.

6.50. — печеные яблоки.

12.00. — 70 г сыра, 3 яблока.

19.00. — квашеная капуста, 30 г сыра, чай.

7 декабря. 79 кг.

12.00. — 50 г сыра, 4 яблока.

19.00. — арбуз, яблоки, курага.

19 декабря. 78 кг.

6.50. — 50 г творога, чай.

12.00. — 50 г сыра, яблоки, хурма.

19.00. — 50 г творога, хурма, курага, чай.

25 декабря. 77,5 кг.

9.00. — гречневая каша, чай, курага.

17.00. — гречневая каша, чай, курага.

8 этот день в дневнике появилась запись: окружность груди — 93 см, талии — 77, бедер — 104. На этом дневник 1988 года заканчивался. Подведем итоги: за 6 месяцев сброшено 17,5 кг, талия сузилась на 17 см, бедра — на 20. Цифры, прямо скажем, не рекордные для тех, кто худеет по Кашпировскому. Но Яблонская была вполне удовлетворена своими результатами. Я беседовал с ней в начале июня 1989 года. К этому времени вес ее достиг 63 кг. Она стройна, подтянута, очень привлекательна. О возрасте, пожалуй, свидетельствуют только седые волосы. Некогда большие коленные суставы сейчас в полном порядке. Иначе Людмила Зиновьевна не могла бы присесть так, как она это делает. А присесть она может... 700 раз подряд. Правда, в медленном темпе: руки на затылке, ноги на ширине плеч, чуть развернуты внутрь, медленный вдох, медленный выдох — приседание на всей ступне. Снова вдох, выдох.

— Не обременителен ли для вас режим питания, которого вы придерживаетесь целый год? — опросил я Яблонскую.

— Вначале было тяжело, — ответила она. — Однако со временем научилась получать положительные эмоции не от пищи, а от общения с людьми, от размышлений, от физических упражнений. Из-за ограниченного рациона совершенно не страдаю, он меня вполне устраивает.

К прежней «обжираловке» совсем не тянет. Зато чувствую потребность во все большей двигательной активности.

Кашпировский предполагает четыре варианта своего воздействия (или невоздействия) на лишний вес человека. Но, строго говоря, редкий толстяк четко вписывается в один из этих вариантов. Каждый разобразит предлагаемые модели своим индивидуальным опытом.

Вот сценка, происшедшая в Концертной студии Останкино во время записи одного из телесеансов.

Идет разговор о похудении. Кашпировекому для более сильного воздействия нужны убедительные, поражающие воображение примеры. Поэтому он почти не обращает внимания на незначительные, на его взгляд, достижения. 10—15 килограммов его совершенно не впечатляют. Он предпочитает мастодонтов с весом по 200 килограммов. Им есть что терять. И он каким-то образом заставляет их сбрасывать пуд за пудом. Правда, в силу своих особенностей они молчаливы и легко смущаются. Зато Кашпировский с ними разговорчив.

— Посмотрите, какая идет к нам симпатичная женщина,— вдруг говорит он в микрофон.— Настоящая русская красавица. Правда, у нее, кажется, есть лишний вес.

На сцену поднялась громоздкая блондинка, румяная и смущенно улыбающаяся. В руках у нее букет роз.

— У меня такое впечатление,— приветливо улыбаясь, говорит Кашпировский,— что я чем-то заслужил эти розы. Или нет? Возьмите микрофон и расскажите о своих успехах.

Блондинка неловко берет микрофон, что-то смущенно шепчет.

— Не надо волноваться,— успокаивает ее Кашпировский. Ведь у вас есть успехи. Вы уже бывали на моих сеансах или сидели у телевизора?

— Я приняла пять телевизионных сеансов,— наконец промолвила она — И один раз была на очном.

— И чего же вы добились? Похудели? На сколько?

— На 40 килограммов.

— Ого! Я и не предполагал, что телесеансы могут дать такой эффект. Очень рад. Спасибо вам!

— Это вам спасибо! Особенно приятно, что при таком похудении кожа не висит, нет складок и морщин.

— Да, при похудении под влиянием психотерапевтического воздействия и при соблюдении диеты, которую я предлагаю, сохраняется хороший тонус кожи. В этом я вижу преимущество нашего способа снижения веса,— уточняет Кашпировский.

— Я весила почти 200 килограммов, хотя и питалась по Шелтону.

— Ах, Шелтон!— разочарованно произнес Кашпировский.— Тогда я, по-видимому, ни при чем.

— Нет, при чем! — настаивает блондинка.— Систему Шелтона я использую очень давно. Но мне она не помогла. Наверное, потому что после перелома ног меня кололи гормональными препаратами. Они нарушили обмен веществ, и Шелтон не подействовал. А вот сеансы помогли.

Естественно, аплодисменты. И тут же пронзительный голос на весь зал: — Анатолий Михайлович! Я из Москвы, Ашраганова Гульсун. Я слева от вас.

В зале несколько микрофонов, и Кашпировский не видит, кто говорит. Но он хочет сэкономить время и постоянно просит выступающих не говорить то, что можно не говорить.

— Прошу вас не говорить, с какой вы стороны, потому что не имеет значения, с какой вы стороны,— снова ратует он за экономию времени, но при этом остается таким же неэкономным, как и те, кого он призывает к экономии.

— Хорошо! Я занимаюсь с июля. Похудела на 20 килограммов. У меня прошел радикулит, которым я страдала 20 лет. Прошел артроз колен ого сустава. Я теперь свободно могу наклоняться, приседать, теперь мою пол не с палкой «лентяечкой», а нормально, как мыла раньше...

Обычная сцена. Каждый сбрасывающий вес теряет свои килограммы на свой собственный манер. Общее то, что вместе с лишними килограммами уходят прежде всего болезни суставов, повышенное артериальное давление, одышка, многие другие неприятности.

Кашпировский любит порассуждать об эффекте, который дает здоровью отрегулированный вес. В его архиве немало примеров и того, как саморегуляция у худых людей ведет к увеличению веса. Но больше всего он гордится тем, как помог Людмиле Николаевне Лахтиковой.

Она похудела на 173 килограмма. Уникальный случай! Побывав в Киеве, я не мог отказать себе в удовольствии взять интервью у этой женщины. Однако встретиться не удавалось, пока Кашпировский сам не попросил Людмилу Николаевну приехать в Центр психотерапии, где мы с ним вели долгие беседы.

Крупная женщина, правильные черты лица, хорошая косметика, неприступный вид.

— Людмила Николаевна, извините за вопросы, которые мне придется задавать. Они специфичны и не носят характер светской беседы. Но ничего не поделаешь. Итак, простите, сколько вы весите сейчас?

— ПО килограммов.

— А ваш наибольший вес?

— 1 сентября 1988 года я весила 283 килограмма.

Интервью состоялось 29 декабря 1989 года. Нетрудно подсчитать, что за 16 месяцев Л. Н. Лахтикова сбросила ровно 173 килограмма. Думаю, что такое прежде не удавалось ни одной женщине в мире!

— Простите, сколько вам лет? Кто вы по профессии?

— 44 года. Профессии нет. Домашняя хозяйка.

— К какому возрасту вы набрали свой максимальный вес?

— К сорока годам.

— Интересно, как реагировали врачи на ваш не совсем обычный вес?

— Никак. Я к ним не обращалась.

— Вы с детства склонны к полноте?

— Нет, была нормальным ребенком.

— А родители у вас полные?

— Нет, нормальные.

— Вы, вероятно, стали сильно прибавлять в весе, когда повзрослели?

— Нет, девушкой я была нормальной. Стала прибавлять после того, как родила сына. Врачи говорили, что после родов у меня нормализуется обмен и я начну худеть. А я, наоборот, стала быстро толстеть.

У этой женщины нелегко брать интервью. Ни записей, ни дневников нет. Логика не очень последовательна: если был нормальный вес, то почему врачи ожидали, что после родов нормализуется обмен веществ? У меня сложилось впечатление, что в понимании нормы мои представления не совпадают с представлениями Людмилы Николаевны.

— Извините, Людмила Николаевна, я не очень хорошо понимаю, как живет человек, который весит 283 килограмма.

— Это не жизнь, я хотела умереть.

— Вы могли выйти на улицу?

— Нет, все покупки делал муж, я не могла ходить, почти отвыкла. Была сильная одышка, до кухни дойти не могла. Сердце не выдерживало.

— Извините, но с таким весом возникает масса новых проблем: пройти в дверь, не сломать кровать...

— В дверь проходила. Кровать выдерживала.

— Хорошая кровать.

— Да, хорошая, старинная.

— Вы что-нибудь предпринимали, чтобы избавиться от такого веса?

— Да, я прочитала о лечебном голодании и решила попробовать. Полтора месяца не ела ничего, только пила воду. Литр в день.

— И сколько сбросили?

— Ни грамма, ни одного грамма!

— Как такое может быть? Полтора месяца не есть совершенно ничего и не потерять ни одного грамма? Это трудно представить!

— А вот представьте себе: ни одного грамма!

У меня нет никаких оснований не доверять словам Л. Н. Лахтиковой, но и поверить им тоже невозможно. Впрочем, допускаю, что ее голодание было таким же «нормальным», как и ее представления о «нормальном весе».

— Весной,— продолжает Людмила Николаевна,— прочитала в «Вечернем Киеве» об Анатолии Михайловиче и поняла: он меня спасет. Но попасть на сеансы сумела только в конце августа. Худеть стала сразу же и очень сильно. За первые четыре месяца сбросила 100 килограммов. Все это время почти не ела. День полного голода — день легкой еды. После Нового года тоже худела, но не так быстро. К осени потеряла еще 70 килограммов. А последние три месяца — никаких сдвигов.

Анатолий Михайлович! (Он был тут же.) Дайте мне слово, что я сброшу еще 30 килограммов! Мне надо, чтобы похудели живот и ноги!

Кашпировский засмеялся. Он, видимо, привык к своей необычной пациентке. Он дал ей несколько советов, показал упражнения для живота и ног и сказал, что верит в успех.

— Как реагирует ваш муж на похудение? — спросил Кашпировский у Людмилы Николаевны.

— Ужасно! — ответила она. — Раньше он был спокоен за меня, а теперь страшно ревнует. К корреспонденту не пускал...

Боже мой, подумал я, оказывается, тут еще и ревность...

Однако не всем везет так, как Людмиле Николаевне, у которой и вес сбавился и муж полон страстей. Я хочу сказать, что среди желающих похудеть с помощью Кашпировского все-таки немало разочарованных, тех, кто попал в четвертый вариант его модели. Правда, Анатолий Михайлович считает, что дело не столько в нем, сколько в них, в людях, плохо поддающихся его воздействию. Он уверен, что они тоже поддаются психотерапии, но не сразу, не вдруг. Им нужно больше времени, многократные попытки настроиться на воздействие, больше стремления к успеху. Людмила Николаевна ведь верила и надеялась не зря!

Мне не больно!

Знаменитый телемост Киев — Тбилиси состоялся в ночь с 1 на 2 марта 1989 года. Считается, что это первый случай обезболивания с помощью телевизионного воздействия. На самом деле Кашпировский уже имел опыт такой работы.

...У Любви Грабовской на осмотре в Винницком онкодиспансере обнаружили опухоль молочной железы. Разумеется, требовалась операция, причем срочная, пока опухоль не достигла угрожающих размеров. Но операция была невозможна, поскольку у пациентки выявилась абсолютная непереносимость обезболивающих средств. Грабовская тут же вспомнила о Кашпировском, который уже однажды внушил ей нечувствительность к боли, когда потребовалось удалить зуб. Для тогда еще не очень известного Кашпировского это была редкая удача: больная, уже на себе испытывшая его обезболивание, безусловно, не подведет и при усложненном варианте. А усложнять надо, надо идти вперед, отвыкая все новые позиции, убеждая людей в огромных возможностях психотерапии.

— Ты согласишься, чтобы тебя оперировали перед телекамерой?— спросил он Грабовскую.

— Если вы скажете, что мне не будет больно, то соглашусь,— был ответ.

— Я скажу это тебе с экрана телевизора,— заверил врач.

Операцию проводили в Киеве, а Кашпировский в это время находился в Москве. Длилась она 40 минут и прошла успешно. Кашпировский отнесся к этому достаточно спокойно, поскольку имел уже опыт как обезболивания при операции, так и телевизионного психотерапевтического воздействия. Работая с Грабовской, он лишь соединил оба направления психовлияния.

31 марта 1988 года прошла операция, а уже через несколько дней ее показали в программе «Взгляд». По социологическому рейтингу это была самая популярная из телевизионных программ. Но «Взгляд» чаще всего не устраивал идеологическое руководство. Запретить «Взгляд» было уже невозможно, но снизить «смотрибельность» умудрились постоянно. Для этого передачу, которая обычно планировалась на поздние вечерние часы, под разными предлогами задвигали ближе к полуночи, когда у большинства людей, независимо от возраста, профессии

и состояния здоровья, начинают слипаться глаза. А если учесть, что программу обычно рассчитывали часа на два-два с половиной, то понятно, что до конца «Взгляд» смотрели лишь самые отчаянные энтузиасты (а также страдающие хронической бессонницей). Тем не менее на следующий день наиболее яркие места из «Взгляда» передавались из уст в уста и непременно становились бы легендами, если бы их не перекрывали новые сенсации.

Так получилось и с сюжетом об операции с участием Кашпиrowsкого. Видели не многие, а слышали о ней едва ли не все. И тем не менее Кашпиrowsкого с его удивительным теломостом забыли бы очень быстро (ну, если не забыли, то во всяком случае задвинули бы в далекие тупики памяти), если бы он сам удовлетворился сенсационностью своей необычной роли. Но Кашпиrowsкий был полон идей, энергии и желания удивлять.

Меньше чем через месяц после теломоста Москва — Киев — новая сенсация: обезболивание при сложной ортопедической операции. Операция проводилась в винницкой больнице имени Пирогова, Кашпиrowsкий тоже был в операционной. Для него ничего необычного в этой операции не было, он уже участвовал в подобной работе. Сенсацией она стала для нас, потому что операция полностью была снята на пленку. Спустя несколько дней видеозапись показали в зале Агентства печати «Новости» на пресс-конференции с участием Кашпиrowsкого, а также в программе «Взгляд».

У жительницы города Винницы Г. Буровой разрослись косточки больших пальцев ног. Эти косточки выпирают у многих женщин. Не очень красиво, но не мешает и, кажется, не болит. А вот Бурова по какой-то причине решила от этих косточек избавиться, тем более, что они у нее оказались уж очень большими и поэтому, вероятно, приносили неудобства. Операция в общем-то чудовищная. Она напоминала не хирургию, а слесарные работы: чем-то похожим на долото хирург с помощью молотка стесывал лишнюю костную ткань. Смотреть на это страшно.

Оперировали Бурову хирурги Е. Филоненко и В. Майко. Один — левую ногу, другой — правую. Оперировать решили без анестезии. Обезболивание обеспечивал Кашпиrowsкий.

Вошла Бурова. Она по профессии медсестра и прекрасно понимает, как будет выглядеть операция. Если зрителям не по себе, то каково ей. Видно, что она сильно взволнована. Кашпиrowsкий улыбается, что-то говорит ей, кладет ладонь на голову. Бурова сразу успокаивается и, по всем признакам, перестает чувствовать свои ноги.

Хирурги яростно выполняли свою «слесарную работу», а оперируемая улыбалась, разговаривала, боли совершенно не чувствовала. Операция длилась 40 минут, послеоперационного обезболивания тоже не потребовалось. Эту проблему решил Кашпиrowsкий,

Отчет о пресс-конференции поместили многие газеты. Вот два отрывка. «Труд», 13 мая 1988 года: «Не ради сенсации Анатолий Кашпировский пошел на рискованный эксперимент. Меньше всего его волнует слава — кстати сказать, обернувшаяся мешком писем, множеством стремящихся попасть к нему пациентов и не дающая нормально работать. Его цель — при поддержке телевидения помочь людям, страдающим целым рядом болезней, ключ к лечению которых есть у Кашпировского. Избавиться от своих недугов, что называется, сидя в кресле перед домашним экраном. Но чтобы серьезно говорить об этом, нужно преодолеть инерцию мышления многих специалистов, показать эффективность методики наглядно, масштабно».

«Комсомольская правда», 19 мая 1988 года: «**Что же такое метод Кашпировского?** Прежде всего это не гипноз, по крайней мере психотерапевт даже не пытается подавлять пациента, диктовать ему свою волю. Это не чудо. Чудо — сам человек. Ведь мы все знаем, какие потрясающие возможности открываются у людей в экстремальных ситуациях. В Виннице, например, у одного парашютиста не раскрылся парашют. Запасной тоже. Но жажда жизни оказалась сильнее случайности. Руками человек разорвал брезентовую сумку запасного парашюта и спасся. Кто только потом не пробовал на прочность брезентовый ранец — никому не удавалось даже надорвать его. Значит, есть резервы у самого человека! Задача психотерапевта — помочь им проявиться».

— Вообще-то я не собираюсь заниматься обезболиванием на операциях, — размышляет Анатолий Кашпировский. — Мне как медику интересно другое — лечение различных заболеваний с помощью психотерапевтического воздействия.

Легче всего внушению поддаются страдающие энурезом. Анатолий Михайлович даже подумывает о том, чтобы организовать на телевидении цикл передач с целью лечения энуреза.

«Если не в этом тысячелетии, так в следующем, — считает Кашпировский, — лечение с телеэкрана пробьет себе дорогу».

На встрече с Анатолием Кашпировским журналисты, памятуя о трудной судьбе других асов психической регуляции, спрашивали винницкого доктора об отношении к нему коллег, Академии медицинских наук, Минздрава СССР. «Мне повезло, — ответил, улыбаясь, Кашпировский. — Я начал пробиваться уже при перестройке. Поэтому я встречаю гораздо больше понимания».

Скоро после этой операции у Кашпировского была поездка в Тбилиси. Там во время одного из сеансов он рассказал о своем телевизионном обезболивании операции. И тут же в чисто грузинском духе кто-то из присутствовавших воскликнул: «Если в Москве была одна операция, то давайте проведем в Тбилиси — две!» Идею восприняли всерьез.

Думаю, что в Тбилиси понимали значение такого телемоста глубже и лучше Кашпировского, озабоченного лишь своими профессиональными проблемами. На грузинской телестудии ему объяснили, что если хорошо и с разных точек снять весь ход операции, его работу, поведение

пациенток и медицинского персонала, то может получиться лента необычайно эффектная. Надо сказать, что грузинские телевизионщики показали себя серьезными профессионалами, знающими потенциал телевидения и умеющими хорошо его использовать. А Кашпировский понял что такая операция, а точнее фильм о ней послужит лучшим доказательством чудесных возможностей воздействия через телеэкран и что он таким образом получает реальный шанс вести оздоровительные сеансы в самом вместительном из залов — перед телеаудиторией.

И вот солнечным весенним днем режиссер грузинского телевидения Марк Рывкин встретил в тбилисском аэропорту киевлянок Ольгу Игнатову и Лесю Юршову. Обои предстояли сложные полостные операции при индивидуальной непереносимости наркоза. Обе посещали психотерапевтические сеансы доктора Кашпировского.

Посмотрим ленту, снятую в Тбилиси.

Клиника. Олю и Лесю готовят к операции. Обе, конечно, взволнованы. Около них Марк Александрович РЫБКИН с микрофоном.

Они возбуждены, но настроение отнюдь не паническое, обе много и охотно смеются.

— Боимся! — лихо и радостно улыбаясь, говорит Ольга перед телекамерой.

— Нервничает ужасно, — подхватывает Леся. — Хотим, не дожидаясь операции, сбежать домой в Киев.

— Здесь больные хорошо знают, какое вам предстоит испытание, — говорит РЫБКИН. — Как они к вам относятся?

— Люди они хорошие, — отвечает Оля, — но прохода не дают. Каждая хочет подойти, пощупать. Одна спрашивает меня: «Ну что, Кашпировский хорошо вас закашпировал?»

— А, может, вы теперь действительно боли не чувствуете? — спрашивает Рывкин.

— Очень даже чувствуем, — говорит Оля.

— Сегодня подошла ко мне одна больная, — добавляет Леся, — и изо всех сил уцепилась за это место. Я даже вскрикнула: «Что вы, говорю, женщина, делаете? А, — отвечает она, — больно! Я давно охочусь за вами. Хочу понять, что этот Кашпировский сделал с вами, почему вы боли не боитесь!» Мы боимся, ужасно боимся. Но решились на такое обезболивание, потому что очень верим Анатолию Михайловичу, и еще потому что положение у нас безвыходное: ни мне, ни Оле нельзя давать наркоз.

Операционный зал. Одну за другой ввозят Олю и Лесю. Оля улыбается, глядя в глазок телевизионной камеры. У нее очень симпатичное лицо, приятная улыбка. Эмоции Леси более подвижны. На лице целая гамма чувств. Видно, что она в смятении.

Теперь крупно на экране лицо Кашпировского. Он сидит перед камерой в студии Киевского телецентра. Сосредоточен. Массивные наушники, черный свитер, прямая челка.

— Давайте, покажите мне их лица,— решительно говорит он. И сразу становится ясно, кто тут сейчас хозяин, чьи приказы не обсуждаются, а выполняются мгновенно.

Конечно, мне не дано знать, как выстраивает Кашпировский железный круг своего воздействия на двух бедных подопечных. Но, вероятно, его столь решительный вид должен был определить поведение пациенток, помочь им передать свои судьбы в руки этого стального человека, взявшего на себя обязательство спасти их чудесным образом, не причинив при этом ни малейшей боли. Да, они готовы поверить ему безоглядно, безоговорочно. Сами они дрожат, но он абсолютно уверен в победе и, значит, этой уверенности теперь хватит на троих.

А сейчас следующий этап: слегка забывит эту уверенность, эту гранитную непреклонность человеческим теплом, улыбкой. И он вдруг широко улыбается им и говорит ничего практически не значащие слова: «А они смотрят на меня в упор, так пронизывающе». Слова явно не заготовленные заранее, первые пришедшие в этот момент в голову, но то, как они произнесены, сразу снимает напряжение с лиц Оли и Леси. Видно, что теперь они готовы на свой необычный подвиг. Они тоже широко заулыбались, перебивая друг друга, говорят Кашпировскому тоже какие-то ничего не значащие слова: «Ой, мы соскучились за вами!» А какая в Киеве погода?» Он, конечно, понимает, что киевская погода бесконечно далека от их действительно серьезнейших сегодняшних проблем. Но произносит именно те единственные слова, которые сейчас нужны более всего: «Погода в Киеве великолепная. Первый день весны!» Они мгновенно заражаются переданной им атмосферой праздника: «Мы вас поздравляем, Анатолий Михайлович, с началом вёсны!..» А он тут же направляет действие в нужное русло: «Девочки, на вас сейчас, считайте, смотрят миллионы!» Включается комментатор: «Анатолий Михайлович, хирурги спрашивают, можно ли обрабатывать операционное поле?»

«Так,— говорит Кашпировский и опять произносит слова, казалось бы, лишённые внутренней логики, -'девочки! Первое: пока чувствительность есть. ^-'Экономлю время. Договорились?» И после этого бросает: «Пусть обрабатывают! А мы посмотрим. Покажите нам поле! Когда займетесь прищепками, скажете мне. Перед прищепками! Без команды не начинать!»

А я вместе с миллионами телезрителей, видевшими эту ленту, пытаюсь расшифровать слова Кашпировского, понять тайну его воздействия. Слова, обращенные к пациенткам, самые обычные. Их или им подобные мы произносим многократно в течение дня. Эффект от таких слов обычно ничтожен. А здесь —мы это уже знаем — люди стали нечувствительны к глубокой и долгой боли. В чем дело?

Из операционной вдруг доносится голос Леси: «А я вижу в телевизоре свой живот и все, что с ним делают».

Как, думаете, реагирует Кашпировский? Опять нейтральные слова, каких могло бы и не быть. А может, и не могло не быть: «Вот это пре-

красно! Контроль будей двойной. Мы сейчас поступаем вопреки медицинским канонам, когда от пациента прячут операционные раны. Сейчас вы дадите мне их лица! Готовность номер один!».

Пауза. Крупно лицо Оли. Крупно снова напряженно-суровое лицо Кашпировского. И вдруг резко:

«Оля! Отключилась! Быстро! Отключилась! Глаза закрылись! /Кивот обезболен!!! Обезболен до позвоночника! Все! Можно делать прищепки, можно щипать ее. Все, что угодно, можно делать!»

Вниманию врачей: из числа медицинского персонала никто в транс не впадает. Давайте мне операционное поле Ольги. Я должен видеть ее лицо и ее поле. Болевая чувствительность прошла. Начали работу! На всем протяжении, Оля, хорошо и четко слышишь! Никто с ней не разговаривает! Оля! Был страх — теперь он пропал! Взглянула на меня и тут же опять закрыла глаза! Поплыла дальше! Прекрасно! Инструмент будешь чувствовать, а боль—нет. Расслабленная, будто пьяная. Море видела когда-нибудь? Дадим тебе картинку моря».

Все эти команды и реплики идут на непрерывно меняющихся интонациях. Да, богатейшая интонационная гамма — от нежно-ласковых тонов, до ефрейторских рычаний. И паузы тоже наверняка работают на результат. И выражение лица...

Кашпировский любит повторять, что слово — это лишь одно из средств психотерапевта. Во время операции видно, что слово — средство далеко не самое главное. Настолько не главное, что Кашпировский позднее многократно демонстрировал очень сильное воздействие на людей, не знающих ни слова по-русски. Скажу больше: мне не раз говорили о том, что зажила лапка у котенка, сидевшего перед телевизором во «время сеанса, выздоровел шелудивый пес. Из украинского села сообщили, что после телесеанса вдруг сошла зараза с коровы, которую считали безнадежно больной...

О воздействии биополем, тем более биополем через телеэкран Кашпировский и слышать не хочет. Он утверждает, что это профанация. Действительно, трудно представить, что биополе, влияние которого даже у сильных экстрасенсов распространяется на считанные сантиметры, может каким-то образом трансформироваться и передаваться на тысячекилометровые расстояния посредством телевизионной связи. Во всяком случае моих знаний об этом предмете и имеющейся в моем распоряжении информации недостаточно, чтобы поверить в серьезность такого объяснения. Все-таки «воздействие биополем» через экран скорее похоже на воздействие психотерапевтическое.

Так каким же образом влияет Кашпировский на иностранцев, не знающих русского языка, а также на кошек, собак или коров? Ясно, что всем имеющимся в его распоряжении комплексом средств кроме одного — слова. Стало быть, этот имеющийся, как говорят ученые, невербальный арсенал достаточно мощен.

Однако вернемся в операционную. На экране время от времени крупным планом огромная кровоточащая рана. Страшно смотреть! Из

нее валит пар. Хирурги в четыре руки что-то быстро и деловито кромсают в этом месиве. Для зрителя-дилетанта — хаос; профессионалы же прекрасно сориентированы и устанавливают в этом хаосе гармонию. Оля тоже видит свои развороченные внутренности и это, конечно, её пугает. Но Кашпировский, как я понял, не только внушил ей нечувствительность к боля, но и запретил паниковать. Поэтому она жалобно говорит ему, что «не больно, но слегка печет». Кашпировский охотно объясняет, что это прижигают рассеченные сосуды, чтобы они не кровоточили. И тут же приказывает ей расслабиться и закрыть глаза. Надо полагать, что он щадит Олю, заглянувшую внутрь себя. Еще бы, нам, телезрителям, жутко от такой картины, а ей какво?

Глаза закрыты, но Кашпировский не оставляет ее наедине со своими страхами. «Поговорим?» — предлагает он. — О чем?» Если бы она была погружена в свои страдания, то обязательно сказала бы: «О чем хотите? Но Оля сказала: «О любви!» Значит, суть разговора ей была безразлична. В подтверждение своей заинтересованности она заулыбалась. Когда больно, так не улыбаются. Так улыбаются, когда интересно, но немного страшно. Кашпировский знает, что делает.

Он не оставляет Олю без внимания. И можно уловить определенный ритм его разговора. То о чем угодно, то ни о чем, то нахваливает хирургов и Олю, то покрикивает на нее. Видно, что все это входит в комплекс средств воздействия, и он использует их в определенной последовательности, регулируя эту последовательность в зависимости от состояния и поведения пациентки.

Операция идет к концу. Кашпировский уже давно совершенно спокоен и уверен в успехе. Спокойны хирурги, хотя сначала они явно нервничали. Успокоилась и Ольга. Мы видим ее лицо. Лицо совершенно сухое. Даже слегка подведенные глаза не размыты! Значит, ее волнение не было чрезмерным. Она не отрываясь смотрит на Кашпировского. А он прислушивается не только к ее реакции, но и к разговору врачей. Заметив, что давление у нее резко упало, он приказывает: «У тебя на плеча мешок. Ты поднимаешься на третий этаж!» Давление нормализовалось — 140 на 80. Последние швы.

Победа очевидна. Кашпировский позволяет себе пошутить: «Крепко зашивают тебя, Оля, по-грузински. Это значит, на сто лет». Все довольны. А он продолжает: «Специальный шов, чтобы был у тебя самый красивый пуп! Художественный луп!» Незатейливые шутки. Но настроение в операционной становится вовсе бесшабашным. Оля хитро подмигивает Кашпировскому и начинает подбадривать Лесю, которая уже подготовлена к операции и ждет своей очереди. Теперь внимание Кашпировского обращено к ней. И именно для нее он ведет разговор с Олей:

- Расскажи о своих ощущениях!
- Как комарики кусали, не больше.
- А что же морщилась?

— Кишки тянули, а это неприятно. Боли не было совсем. Иногда немного щипало.

На экране крупно лицо Оли. Не скажешь, что это лицо человека только что перенесшего тяжелую операцию. Она широко и безмятежно улыбается. Тут же крупно лицо медсестры. Вот она выглядит испуганной. Широко раскрытые глаза, дрожащие губы.

— Покажите мне лицо хирурга,—просит Кашпировский телеоператоров. На экране тонкое благородное лицо грузинского интеллигента.

— Я вас приветствую,—говорит Кашпировский.— Очень приятное лицо у вас. Окажите, судя по вашим ощущениям, Ольга испытывала боль?

— Нет, конечно. Очень спокойно себя вела. В самом начале чувствовалось, что она боится. Потом все было безукоризненно. По крайней мере мы, хирурги, не заметили у нее никаких неприятных ощущений.

Больную увозят. Операция без наркоза длилась ровно 58 минут. Когда Ольгу показали на экране в последний раз, она весело подмигнула. Не то телеоператору, не то Кашпировскому, не то всем нам.

А Леся весь этот час пребывала в легком трансе. Лишь к концу Кашпировский понемногу начал подключать ее к происходившему в операционной.

Успех Ольги придал Кашпировскому еще больше уверенности.

— С Лесей будет немного другой вариант,—говорит он.— Леся, вышла из транса! Сейчас будешь со мной разговаривать. Посмотри на меня! Сопrotивляйся закрыванию глаз! Сопrotивляйся! Поплыла! Поплыла! Как бы сопротивляешься, но уже поплыла! Все, глаза закрылись? На счете «три» начинайте операцию! Раз! Кожа, подкожная клетчатка обезболены! Два! Три! Начали! Не надо пробовать! Сразу начинайте работать! Все будет в порядке!

Первый разрез. Кровь, зажимы, пар.

Кашпировский ведет свою партию уверенно, без колебаний и сомнений. Видно, что обезболивание для него — дело, хорошо и прочно освоенное.

— Первое обезболивание при операции я делал в 1972 году,—рассказывает мне потом Кашпировский.— К этому времени я имел уже немалый опыт работы психотерапевтом. И — что не менее важно — опыт публичных выступлений, во время которых я демонстрировал различные приемы психотерапии, в том числе и обезболивание. Дело было в Виннице, я неожиданно и тяжело заболел. Диагноз поставить мне не смогли. Были очень сильные боли в области печени, есть ничего не мог, малейшее неловкое движение вело к тяжелому приступу. Вот в таком состоянии находился я в винницкой железнодорожной больнице.

Был у нас хирург-отоларинголог Шлаен. Он давно присматривался к моей работе. И вот, когда я заболел, стал он заходить ко мне в палату. Сядет на кровать, а у меня сразу от этого приступ начинается. А он снова приходит и снова уговаривает меня принять участие в его операции. То есть, чтобы я гипнозом снимал боль при операциях на ли-

це. Я, конечно, отнекивался. Но, когда пришло время удалять миндалины двоюродной сестре моей жены, Шлаен меня уговорил.

Меня упрекают в том, что я гипнотизирую людей. Напрасно упрекают. Сейчас я воздействую без гипноза. А вот тогда, следуя канонам традиционной психотерапии, стремился усыплять своих пациентов. Правда, их реакция чаще всего была нетрадиционной. Во всяком случае первая моя пациентка не опала. Но боли она тем не менее не чувствовала.

За короткое время Шлаен вместе со мной сделал 17 операций без наркоза. Оперировали детей и взрослых. Мне казалось, что я их гипнотизирую, но они не спали. Все операции прошли успешно. Об этом появилась корреспонденция в местной газете, после чего у Шлаена были неприятности.

Мне запомнилось жуткое кровавое удаление полипов. Оперировали 42-летнего мужчину. Как видно, был он большим скептиком. Потому что на следующий день увидел меня и злорадно так усмехався говорит: «А меня ваш гипноз не взял, я даже не заснул!» Эти слова меня ужасно разозлили, ах ты, думаю, неблагодарный. «Чем же вы недовольны, спрашиваю? Разве вам было больно? Вам что было нужно — гипноз или обезболивание?»

...В 70-х годах были открыты особые белковые вещества, выделяемые организмом, которые, воздействуя на нервные окончания, производят морфиноподобный эффект, то есть снимают боль. Эти вещества называли эндорфинами. Поскольку, в отличие от морфия и других наркотических препаратов, эндорфины вырабатываются самим организмом, то нанести вреда они не могут.

Канадский исследователь Б. Померанц доказал, что обезболивающий эффект иглоукалывания связан с тем, что иглы, воздействуя на определенные точки тела, стимулируют мозг на производство собственных обезболивающих средств. Подобное же происходит при длительных и регулярных физических упражнениях. Вот почему человек, привыкший к бегу, получает удовольствие от тренировок, которые кажутся новичку мучительными. Активное выделение эндорфинов при длительном беге объясняет и эффект «второго дыхания», когда боль перестает чувствоваться.

То, что делает игла или физическая нагрузка, может сделать слово вместе с другими средствами психотерапевтического воздействия. Так что влияние Кашпировского имеет вполне материальную основу. Коль скоро найден осязаемый белок как материальная причина психотерапевтического влияния, то всякие разговоры о черной магии или чертовщине (и без того не очень вразумительные) отпадают сами собой.

Другое дело — механизм запуска этого потока эндорфинов. Здесь уже все замыкается на необыкновенных способностях и умениях Мастера. Мне лично тем в основном и интересна работа Кашпировского, что она снова и снова задает загадки. И сколько не докапывайся до разгадок, в лучшем случае лишь приблизишься к решению, контуры которо-

го маячат где-то у границы горизонта. Это, так сказать, умозрительная сторона его работы. А лечебная, практическая сторона вообще бесценна по своему гуманистическому заряду.

Впрочем, пора вернуться к Лесе. Операция ее гораздо более сложная, чем у Ольги. И длится она заметно дольше. Но все идет совершенно спокойно. Кашпировский ведет с Лесей диалог, весьма похожий на светскую беседу:

Леся: — Я думала больше будет.

Кашпировский: — Сейчас вообще внушу тебе наслаждения.

Леся: — В начале я думала: боже, как все это будет делаться. А оно действительно, как будто мяч там или что.

Кашпировский: — Ты меня видишь? Хорошо, я пока кофе выпью. Ты, я смотрю, отлично выглядишь. Лучше, чем Оля. Она все-таки какая-то капризная. Хотя и добрая. Личико у тебя розовое. Знаешь, какой сейчас пульс у тебя? 80 ударов в минуту. Сколько раз тебе делали операцию? Четыре раза? Под общим наркозом?

Леся: — После первой операции была клиническая смерть. Каждый раз послеоперационный период был очень тяжелым. Ужасный кашель был.

Кашпировский: — Это реакция на наркоз. А что ты морщишься? Тебе больно?

Леся: — Нет, мне не больно, Анатолий Михайлович. Мне хорошо, мне во время этой операции хорошо.

Кашпировский: — Я скажу тебе, зачем нужно такое обезболивание. Представь, человек находится на Северном полюсе, а наркоз давать нельзя. Вот его и будут обезболивать через телевизор. Есть люди, которым перенести наркоз тяжелее, чем операцию. И вообще пора доказать, что на человека можно воздействовать на большом расстоянии. Как ты себя чувствуешь?

Леся: — За всю операцию мне ни разу не было больно. У меня такое самочувствие, что я сейчас спела бы что-нибудь, станцевала...

Кашпировский: — Так спой!

И Леся тут же запела. Сначала «Тбилисо», потом «Подмосковные вечера», а ей в этот момент уже зашивали рану. Пока шла беседа, на экране демонстрировали то суровую работу хирурга профессора Йоселиани, то тонометр, который неизменно показывал артериальное давление 140 на 90, то показатель частоты пульса — 80 ударов в минуту, то панораму операционной, набитой до отказа желаящими посмотреть на столь необычное действо.

Леся старательно допевала «Подмосковные вечера», последний шов, аплодисменты в операционной, объятия. Все-таки необычайно велико было нервное напряжение. Кто-то крикнул в микрофон: «Грузия аплодирует вам, Анатолий Михайлович!...»

Эту ленту показывали по ЦТ неоднократно. То в более полном варианте, то в усеченном. В январе 1990 года, когда этот телемост показывали по Московской программе, ленту комментировал академик

В. С. Степин, директор Института философии АН СССР. Этот комментарий представляется мне типичным для оценки как телемоста, так и всей работы Кашпиоровского со стороны многих ученых в тот период.

Вот расшифровка магнитофонной записи выступления Степина.

«Хотел бы сказать, что элемент определенной сенсационности в том, что мы увидели, заметно подчеркивается. Тут было сказано: впервые, уникальная ситуация в медицине. Это не так. Достаточно давно известны аналоги. Так, крупный французский психиатр Леон Шертук, у которого своя клиника в Париже, выступил у нас в Институте и рассказывал, и показывал один из похожих фильмов. Метод этот известен. Если пациенту вследствие аллергической реакции противопоказан наркоз, то его заменяет внушение, которое, по мнению французского ученого, является разновидностью гипноза. Кстати, эту точку зрения отстаивают многие наши специалисты, полагающие, что гипноз бывает не только тогда, когда человек спит, и полностью отключен, но и при полном сознании. Так что гипноз бывает в разных вариантах. Но не будем сейчас говорить о природе этого явления. Скажу лишь, что я сам видел фильм, снятый в Париже, и суть его примерно такая же: нужно было сделать пациентке сложную операцию — опухоль на руке, необходим был глубокий разрез до кости, при противопоказании общего и местного наркоза. Как и Кашпиоровский, французский психотерапевт обезболит свою пациентку, операция прошла хорошо, но одна пикантная подробность: после операции он забыл снять обезболивание. Спустя неделю ему сообщили, что у пациентки онемела рука. Только тут французский врач вспомнил о своей оплошности, приехал в клинику и мгновенно восстановил чувствительность.

Теперь относительно телевидения. Да, это вещь новая, хотя ситуацию можно рассматривать как простое усложнение того, что было. Так и некоторые специалисты говорят. Но в принципе известны случаи, когда по письму или по записке удавалось загипнотизировать человека на расстоянии. Когда я смотрел эту операцию, я все думал: что меня здесь не устраивает? Наверное, вот что. Если это первый случай телевизионного обезболивания, если это принципиально новый ход, то лучше было бы сделать его в других условиях. В экспериментальных! Я понимаю: если на Северном полюсе человека порвал белый медведь, то там ситуация вынужденная. Но прежде чем запустить любой метод в массовое производство, его надо апробировать. Ведь лекарство не пробуют сразу на людях. Вот мне было бы уютнее, если бы мне сказали, что Кашпиоровский находится в тбилисской студии в пяти минутах от клиники и в случае чего мог бы приехать и проделать непосредственный контакт, то, что он уже делал многократно. Так мне было бы уютнее. Понимаете?

У нас в Институте обсуждался вопрос о телевизионных сеансах Кашпиоровского. Были доводы и «за», и «против». И звучала такая мысль: если это принципиально новый метод, принципиально новое лекарство, то оно должно пройти нормальную апробацию. Надо изучить

феномен Кашпиrowsкого; надо изучить механизм образования «внутренних лекарств», о которых говорит Анатолий Михайлович, это дело совсем не исследованное»; надо иметь надежную объективную статистику. Говорят, что процент случаев в пользу воздействия Кашпиrowsкого намного больше, чем «против». Но какой-то процент неудач есть. Их тоже нужно изучать.

Хочу остановиться еще на одном важном обстоятельстве. Воздействие Кашпиrowsкого в значительной мере опирается на веру пациента в этот метод. Поэтому было бы нелепо, если бы Кашпиrowsкий перед своими сеансами говорил о неудачных случаях. Кстати, традиционная медицина тоже не поощряет разговоры о неудачном лечении, справедливо полагая, что неверие в излечение не способствует излечению. Должен заметить, что Кашпиrowsкий избегает разговоров о неудачах достаточно корректно и тактично. Но это не значит, что такие случаи не надо изучать».

Комментарий академика Степина показался мне разумным и взвешенным. Однако в нем, по-моему, наглядно продемонстрировано некое сопротивление восприятию работы Кашпиrowsкого как необычайного проявления современной психотерапии. Такое сопротивление я замечал у очень многих людей. Мы вроде бы склонны верить в чудеса. Однако тут же яростно противимся, когда выясняется, что чудо вполне реально. Вероятно, таково свойство человеческой натуры. Но даже отвергая легенды, как говорится, с порога, не мешает поинтересоваться сутью дела и, главное, реальностью результатов.

Не хочу останавливаться на некоторой нелогичности отдельных замечаний академика. Их читатель, думаю, заметит и сам. Но вот одна тенденция стоит особого разговора. Я имею в виду слова Степина о необходимости апробации метода Кашпиrowsкого.

Меня давно уже пугает постоянное, к месту и не к месту, повторение врачебной заповеди: «Не навреди!» Если думать только о том, чтобы не навредить, то не останется сил и времени на то, чтобы помочь. У нас эта заповедь слишком часто превращается в способ перестраховаться, избавиться себя от лишних хлопот и от всякого риска. Дошло до того, что любое новое лекарство, согласно существующему положению, путь от изобретения до аптеки может пройти не быстрее, чем за 9—12 лет. То есть за время, когда оно явно устареет и будут созданы новые, более эффективные препараты. Появление в аптеках новых, устаревших препаратов объясняется только тем, что минздравовские правила относительно длительной процедуры апробации лекарств постоянно нарушаются. Как тут не вспомнить Н. Е. Салтыкова-Щедрина: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения».

Химические препараты поддаются анализу и синтезу. А как быть с методом Кашпиrowsкого? Испытывать его на белых мышках и морских свинках? Думаю, что ключ к исследованию феномена Кашпиrowsкого лежит в исследовании его пациентов, изучении того, что происходит в

организме человека, у которого случились какие-то изменения в результате психотерапевтического воздействия. Вот для этого нужны лаборатории, нужны усилия серьезных специалистов. Однако такие исследования вовсе не означают, что с сеансами следует подождать. Наоборот, чем больше сеансов, тем больше материала для исследований.

Академик Стенин говорил о рискованности телемоста на столь дальнее расстояние. Да, риск был. Как был он в применении любого нового лечебного средства, любой новой хирургической операции. Суть проблемы в степени риска. Когда врач хорошо подготовлен, когда он предусмотрел все детали, риск сводится к самому минимальному. Мы убедились в том, что Кашпировский хорошо знал, что он делает, что у него наготове запасные варианты воздействия, что он был абсолютно уверен в успехе и сумел внушить эту уверенность своим пациентам. Кто знает, пошла бы на пользу излишняя перестраховка? Может, двум киевлянкам необходима была как раз готовность Кашпировского к неблагоприятным обстоятельствам, к невозможности через пять минут окатиться в операционной. Работает Мастер. Мастеру можно доверять.

Понять Кашпировского!

Как только программа «Взгляд» рассказала про телемост, к Кашпировскому приехала группа московских телевизионщиков, чтобы снять о нем фильм и подготовить специальную передачу. Люди это были энергичные и предприимчивые. Каждый был охвачен своей собственной идеей, отчего пострадало, как нередко бывает в подобных случаях, общее дело. Энергичные люди быстро перессорились друг с другом. Отколовшаяся часть смяла неудавшийся, по мнению Анатолия Михайловича, фильм «Феномен Кашпировского». Те, кто не снимал фильм, обиделись на снимавших, а заодно и на Кашпировского. Но, работая с Кашпировским, они успели понять, сколь эффектно может выглядеть телевизионный лечебный психотерапевтический сеанс. Тут же были предприняты попытки найти человека, который в пику Кашпировскому мог бы вести телевизионные сеансы. Тем более, что общественное сознание было уже к ним вполне готово. Поиски привели к Чумаку...

Так вкратце изложил мне Анатолий Михайлович историю своих самых первых контактов с Центральным телевидением. Изложил уже тогда, когда я готовил эту книгу. А к моменту нашего знакомства я не только ничего такого не знал, но и самого Кашпировского никогда не видел, а только слышал, что во «Взгляде» рассказали о каком-то необыкновенном психотерапевте. Как раз в этот период я подготовил для журнала «Физкультура и спорт», где работаю штатно и состою членом редколлегии, обстоятельную статью, в которой речь, в частности, шла о вербальном и невербальном воздействии на психику. Я, как говорится, сидел в материале. А тут стали названивать киевские друзья с восторгами по поводу сеансов Кашпировского. Я поинтересовался подробностями и тут же получил звонок из Киева с приглашением от Кашпировского побывать на его сеансах. Оказывается, мои друзья во время сеанса послали Кашпировскому записку о моем интересе к его работе, и он мгновенно отреагировал.

Вот я в Киеве. Меня заводят в комнату, битком набитую людьми, и я тут же из десятков лиц фиксирую лицо Кашпировского (хотя прежде его не видел) и отмечаю про себя его необыкновенную телегенность. Дело в том, что в последние годы я довольно активно сотрудничаю с телевидением, подготовил немало передач и кое в чем, кажется, стал разбираться.

Кашпировский был очень приветлив, продемонстрировал знакомство с моими книгами и статьями, спросил, что я хочу писать. Я сказал, что думаю о журнальной статье, но не исключаю и телевизионную передачу. Присутствие на нескольких сеансах укрепило меня в мысли подготовить телевизионную передачу с Кашпировским. В Москве я активно атаковал руководителя спортивной редакции ЦТ Александра Иваницкого. Мне показалось, что Иваницкий готов принять мое предложение, но ему нужна поддержка в телевизионных верхах. Не знаю, как он решал там наш вопрос, но мне в конце концов предложили подготовить сценарий телепередачи из цикла «Встречи в Концертной студии Останкино». Поскольку у меня уже был опыт таких передач (я готовил встречи в Останкине с олимпийским чемпионом Юрием Петровичем Власовым, с академиком Николаем Михайловичем Амосовым, с педагогом Борисом Павловичем Никитиным), то с делом справился довольно быстро. Активно помогали мне и Иваницкий, и прекрасный режиссер Инесса Бубнова, и опытный редактор Евгения Подгайская.

Передача из Концертной студии Останкино была, несомненно, одной из самых «громких» в 1989 году. Ее повторяли трижды и вряд ли нашлось в Советском Союзе много людей, которые не видели эту встречу. На утро Кашпировский проснулся человеком, о котором говорила вся страна. Июль, август, сентябрь, октябрь — это были месяцы абсолютного его триумфа. Самым распространенным заголовком в прессе стал «Феномен Кашпировского». Человек открывал утром газету и обязательно находил в ней либо статью об этом психотерапевте, либо описание случая чудесного исцеления, либо просто упоминание о Кашпировском, о его высказываниях или любимых словечках.

В тот период общаться с Анатолием Михайловичем было довольно трудно. Три, а то и четыре сеанса в огромных переполненных залах почти ежедневно. Теле- и кино съемки. Непрерывные визиты именитых людей, переговоры с иностранными фирмами, деловые встречи, постоянные интервью. Надо сказать, что Кашпировский ни в тот период невероятной занятости, ни в последующий период яростной газетной травли никому не отказывал в интервью. Но, мне кажется, лучше бы он не был так покладист. Я видел, как порой давались эти интервью: кругом суется и кричат какие-то люди, разрывается телефон, Кашпировского наперебой спрашивают о чем-то с десяток человек, он задерган, измучен, разъярен. А в этот момент журналистка подсовывает ему диктофон и задает вопросы, на которые он отвечал уже сотни раз.

Тем не менее едва ли не каждая газета находила свои нюансы в публикациях о «звезде психотерапии». Я накапливал досье о Кашпировском, все читал и не видел каких-то ошибок, глупостей, нелепиц. Все, соответствуя заинтересованности читателей, отметились на «горячей» теме.

Наибольшее впечатление произвела на меня публикация в «Правде». В этой газете работал очень толковый журналист, специализирующийся на проблемах науки и здоровья. Подписывается он Николаем Го-

голем, но человек тем не менее очень серьезный. Вместе с репортером Николаем Барашевым он подготовил отличное интервью, наиболее объемно и полно характеризовавшее ситуацию с Кашпиrowsким в тот момент, когда уже прошла в эфир передача из Концертной студии, но еще не начались телевизионные сеансы; когда газетные восторги достигли своего апогея, а критические статьи появляться еще не начали.

Позволю себе напомнить читателям текст этого большого интервью.

«— Анатолий Михайлович, до недавнего времени о вас практически никто не знал. И вдруг явился миру Кашпиrowsкий, который в буквальном смысле поразил воображение людей: участие в сенсационных операциях по телевидению, исцеление тяжелых заболеваний. Неужели подобные феноменальные способности вы открыли только сейчас?

— Нет. Все это было и раньше. Только об этом не знала широкая общественность. Что же касается моих способностей, то это скорее всего профессионализм.

— И каков ваш способ воздействия? Слово?

— Традиционно орудием психотерапии считается слово как основной фактор воздействия. Однако человек обладает не только органами слуха. Поэтому лечебное воздействие и вообще любое воздействие могут оказать и жест, и взгляд, и даже молчание. Так почему же этим не пользоваться, раз этими средствами воздействия можно дать человеку определенную установку? В том числе и установку на исцеление. Как Е в какой пропорции применять слова, жесты, молчание, подсказывает интуиция. Важно чувство обратной связи, то есть как'бы «чтение» другого человека. Тонкий расчет на его саморегуляцию.

Способность организма к саморегуляции, на мой взгляд, наименее изученная, но наиболее важная проблема психотерапии.

— А что же тогда по-вашему внушение?

— Считаю, что это целенаправленное психологическое воздействие на личность с целью вызвать через органы чувств изменение биологической саморегуляции в желаемом направлении.

— Тогда что лежит в основе исцеления?

— Сам человек со своей сложной фармацевтической системой, которая способна вырабатывать внутренние лекарства. А чтобы эти лекарства выработались, необходим сильный авторитетный импульс, возбуждающий саморегуляцию.

— И как же ее возбудить?

— Вы касаетесь самого сокровенного и самого сложного, ибо воздействие психотерапевта на пациента— процесс творческий. И. разложить его на какие-то составляющие трудно. Но главное в том, чтобы врач сумел заставить пациента поверить в успех.

— А как быть с теми, кто не верит?

— Я считаю, что есть вера сознания и вера подсознания. Мой метод—скорее воздействие на подсознание. Именно через подсознание даю установки на исцеление. Поэтому пациент может мне не верить умом.

— Как известно, ваши телемосты закончились успешно. Однако все равно некоторые ученые, в том числе и академик Н. Бехтерева, считают, что ваши действия были рискованными, утверждая, что если бы отключили электричество, то неизбежно наступила бы смерть пациентов.

— При всем моем огромном уважении к Наталье Петровне считаю, что в данном случае в ней скорее всего заговорила просто женщина. Ведь можно спросить и так: а что если во время обычной операции рухнет потолок, как, например, у нас в Киеве рухнули колонны почтамта? А что если землетрясение? Риск присутствует всегда, даже если вы идете просто по тротуару. Без риска не рождается новое.

Впрочем, и тогда я просчитал все варианты. И если бы отказала телетехника, и вел бы связь по телефону. И кроме того, в моей методике есть еще ряд психотерапевтических тонкостей, позволяющих обезболить операции даже без моего телевизионного присутствия. В Киеве недавно проведены три такие операции. Одна из них была сделана спустя три дня после моей установки на обезболивание и длилась полтора часа. Но все же на поток подобные операции ставить не намерен. Это не самоцель.

— Не мешает ли объяснение всего и вся вашему делу? Ведь таинственный «демонический» взгляд может быть эффективнее любой логики. Кстати, о взгляде. Почему при дистанционном обезболивании оперируемый больной должен постоянно видеть вас на экране?

— А я в свою очередь должен видеть больного?.. Все это лишь условия обратной связи. Я вижу, как больной реагирует на меня и на происходящее в операционной. Учитывая это, усиливаю или ослабляю те или иные эмоции.

Но разве я бросаю демонические взгляды, разве я строю из себя волшебника?

Впрочем, я уже приводил примеры, доказывающие, что видеть меня при обезболивании совершенно необязательно. Была такая ситуация. Во время одного из сеансов в зале, в темном заднем ряду, встала женщина и сказала: «Обезбольте меня». «Уже»,— мгновенно отвечаю ей и продолжаю сеанс, тут же забыв о происшедшем. Через две недели она появляется: «Люди добры, а мне зробили операцию, дивитесь»,— и показывает перебинтованное место в области ключицы. Удаление пораженных лимфоузлов было проведено без всякого наркоза.

Главное — установка. Взмах руки, слово, даже едва заметный, но точно выверенный жест психотерапевта запечатлеваются в сознании человека словно на видеокассете. А включается она в тот момент, когда больной ложится на операционный стол. «Ну что, начнем?» — спрашивает хирург. «Начнем»,—отвечает пациент. Все! Кнопка нажата, тут же в организме выделяются необходимые вещества.

В психиатрии, как и в любом деле, существует жест, движение мастера. Вот работает плотник. В одной руке он держит крошечный гвоздик, да еще в самом неудобном месте, в другой — молоток. Как же ты в него попадешь? А он раз — и готово. А я бы наверняка попал в доску

была у меня в Виннице операция. Женщине должны были удалять косточку на ноге. Только наложили жгуты, она мне шепчет, что ей больно. Громче и уже кричит. Что делать? Явная боль, а ведь операция еще не началась. Я говорю: «Резать!» Как она закричит! Все. Стоит оператор программы «Взгляд» с видеокамерой... Поражение. И тут я взрываюсь: «Что я, каждого обязан обезболить, елки-палки!» Хирург остановился, больная тоже замерла. Ситуация, которая требует немедленного разрешения. Я говорю: «Все сдаюсь. Ну вас к чертовой матери, иду томой». Поднимаю руки — снимайте! Вижу, у больной лицо вытянулось, она в смятении. Делаю шаг, другой, третий, резкий разворот и жест в сторону ее ног: «Резать!»

И все пошло. Как только больная начала меня терять, я вернулся, неожиданно для всех и для себя самого. Да, потребовалась выдержка,годились и Сахалин, и винницкие села. Но я был искренен. А больной резали кожу, долбили кость, под ноготь загнали вот такой штырь, фиксирующий палец, и все это с шутками-прибаутками... Когда хирург подошел к кости, я взял больную за руку: «Коленка на пять баллов». «Ну-ну», — смеется. А я рассуждаю так: сейчас ее подбросит от удара, и может быть непредвиденная реакция. Хирург берет долото, а я ее спрашиваю: «Ну что, Галочка, так какие туфельки будем носить?» Подмигиваю. Хирург ударяет долотом, нога отдает мне в ладонь — ха! Еще удар — ха! «Да итальянские, наверное», — после некоторого раздумья отвечает Галя. Кость срубили. Все. Кажется, мне было больнее, чем ей.

— После ряда телевизионных передач, особенно сенсационных, о дистанционном обезболивании, и газетных выступлений вы стали популярной личностью. Вас узнают на улице, караулят в подъезде дома. Как это для вас — понятно, тягостно, безразлично?

— Для меня известность становится все более тяжелой ношей. Раньше это было в короткие периоды: приезжаешь на выступление — за тобой толпа, сел в автобус, поезд, самолет — там тебя уже никто не знает, отдыхаешь. А сейчас невозможно спрятаться даже дома. Телефон, видите, звонит непрестанно, а ведь уже четвертый номер за полгода сменил. Звонки в дверь, толпа на лестничной площадке, мольбы, требования, проклятия...

Как помочь всем нуждающимся? Собственно говоря, с этого вопроса, который я задал себе, все и началось. Десяткам, сотням тысяч людей можно скорректировать здоровье через психологическое воздействие. Но как это осуществить на практике? Через телевидение — понял я. Но как только я это апробировал, больные обратили взоры на меня...

А помочь можно только телевизионным способом. Дело не в том, что я хочу «с минимальными затратами» охватить сразу огромную аудиторию. Телевизионное воздействие нередко даже эффективнее, чем

непосредственное общение. Приведу в пример свою дочь, которая лечебный эффект ощутила, присутствуя на телевизионном сеансе.

— Анатолий Михайлович, показывая свой архив, вы, как говорится, раскрыли карты. Ведь в нем есть и такие письма, в которых авторы сообщают об отсутствии лечебного эффекта, а некоторые, правда, немногие, и об ухудшении состояния.

— Правильно, я хотел, чтобы вы прочитали и отрицательные отзывы. Но не надо торопиться с выводами. Например, об «ухудшении» состояния. Как определить, что вызвало боли в желудке: сеанс Кашпировского или съеденная за полчаса до него несвежая курица?

Надо учитывать и то, что есть определенный процент людей, небольшой, но есть, у которых организм на то или иное воздействие реагирует парадоксально. Вот новоканн. Абсолютное большинство его приемлет спокойно, но бывают и аллергические реакции, причем с тяжелыми последствиями. Нет в медицине такого метода, лекарства, которые у какого-то числа людей не вызывали бы парадоксальную реакцию.

Какие выводы я делаю из таких писем? Из нескольких вариантов действий я выбираю наиболее щадящие, лучше недобрать, чем перебрать. Как говорится, недосол на столе, пересол на голове. Лучше недосолить. Пусть не будет никакой реакции, чем плохая.

— Вы часто подчеркиваете, что важную роль в вашей жизни, и в частности в совершенствовании врачебного искусства, играют книги. Значит ли это, что какие-то литературные персонажи стали для вас объектом подражания? Ваше отношение к таким фигурам прошлого, как граф Калиостро, Григорий Распутин?

— Свое отношение я могу высказать лишь к литературным описаниям этих людей, которые наверняка не являются абсолютно достоверными. Убежден, что это были незаурядные личности.

На своих сеансах я обычно говорю о таланте пациента, способности его организма к саморегуляции. Но существуют также талант и умение человека, «включающего» этот процесс у другого. Роль его проста лишь на словах. Вот акробат делает тройное сальто. Спросите его, как он это делает. Он вам скажет: я разбегаюсь, подпрыгиваю, три раза переворачиваюсь и встаю на ноги. А теперь попробуйте сделать то же самое...

Я думаю, что и Калиостро, и Распутин большое значение придавали внешним факторам, таким, как облик, жест. Первый, судя по всему, был талантливым фокусником, второй — незаурядным актером, выступавшим под маской старца. Но и тот, и другой хорошо знали человека, имели чутье на людей, знали, как к ним подойти и чем на них воздействовать... Хотя не уверен, что кто-то из них смог бы обезболить хирургическую операцию.

Подражал ли я кому-то из них и вообще кому-то? Нет, потому что всегда, видимо, от природы, имел критическое отношение ко всему происходящему, по принципу «во всем сомневайся». В то же время всегда и из всего стараюсь извлекать уроки. А учиться, как известно,

можно постоянно, было бы желание. Толстой когда-то учился у вороны Долго стоял и смотрел, как она ходит, лапами разгребая землю Его спросили: «Что вы делаете?» А он: «Учусь». «У кого?» «у вороны». «Чему?» «А вот она целый день разгребает землю, она меня учит: работай, работай...»

! — На своих сеансах вы даете как общие установки в плане отношения к жизни, к болезням, так и конкретные, например, для желающих похудеть. А как вы сами живете? Хотя бы несколько слов о семье, о досуге,— все это интересует наших читателей.

— Женат. Имею двоих детей. Дочери двадцать один год, сыну — четырнадцать. Что вас еще интересует?

— Отношение домашних к тому, что вы делаете?

— Дочь относится с восхищением и удивлением. Сын безразлично, на грани презрения.

— А как вы воспринимаете столь суровый взгляд?

— Стараюсь работать еще лучше. Вообще-то мне его позиция понятна, потому что и сам, как я уже сказал, в его годы и позже критично относился к данной теме.

— Ваш распорядок? Сколько времени уделяете спорту?

— Режим у меня не показательный, вряд ли стоит ему подражать, тем более больным. Ложусь поздно, в два, три часа ночи. Встаю, как правило, в семь утра. Обычно мне этого хватает.

Физзарядкой занимаюсь не менее одного часа в день, с перерывами. Поскольку подходящие условия для занятий бывают довольно редко, создаю их себе сам. Есть у меня упражнения «лифтовые» — те, что я делаю в лифте, есть «тамбурные». Есть целый комплекс упражнений, который я выполняю в купе поезда: хорошо изучил все его углы, знаю, как и за что можно уцепиться.

Тело просит нагрузки, очевидно, сказываются многие годы занятий спортом. Кроме того, физические упражнения для меня — одно из самых больших удовольствий.

— Вы не курите, не пьете. Аскетизм в вашей жизни — это насилие над собой или внутренняя потребность?

— Скорее внутренняя потребность. Мне никто не говорил: не пей, не кури, но до 33 лет я во рту не держал ни капли вина. Возможно интуитивно я уже готовил себя к будущей работе, в которой самодисциплина до самоистязания — важнейшее условие».

Очень любопытно проследить в зеркале прессы стремительный рост популярности Кашпировского и на самом пике этой популярности столь же безоговорочное ниспровержение кумира. Подчеркиваю — в зеркале прессы. Потому что пресса в данном случае отражала, конечно, не столько общественное мнение, сколько собственную растерянность при попытке разобраться и найти место для столь непростого явления, как Деятельность Кашпировского, в противоречивой и непрерывно меняющейся социальной картине страны.

Я уже говорил, что первые месяцы после появления Кашпировского, а особенно время между телевизионной демонстрацией встречи в Копертной студии и показом телевизионных сеансов — это период общественной эйфории. Непрекращающиеся восторги, восхищение, удивление, водопад эпитетов, легенд, переходящих в намеки на неземное происхождение. Для себя я называю этот отрезок времени периодом «Что? Где? Когда?» по титулу известной телепередачи. То есть в обществе шло накопление фактов, связанных с необыкновенно успешным, неожиданно успешным лечением на сеансах Кашпировского. Я не цитирую здесь газет, поскольку эти* репортажи, очерки и интервью были переполнены фактурой, так или иначе, отраженной на страницах нашей книги: удивительные случаи, бесконечные очереди, биографические подробности, пересказ мыслей.

В прессе Кашпировский стал прежде всего объектом интереса репортеров. Раньше слишком часто им приходилось иметь дело с героями репортажей, не бравшими красноречием, сдержанными, молчаливыми, или, наоборот, говорливыми, но как-то неинтересно, стандартно говорливыми. А здесь — потрясающие результаты работы, к тому же блестящий собеседник, охотно идущий на любой разговор, не капризный, не привередливый, не требующий готового материала для собственноручного визуирования.

(Между прочим. Когда эта книга была завершена, Кашпировский внимательно прочитал рукопись и написал: «С текстом согласен». А потом сказал: «Впервые визирую написанное обо мне».)

Научные журналисты, менее разворотливые и оперативные, чем репортеры, еще только записывали в редакционные планы свои материалы о психотерапии Кашпировского, а у части читателей уже наметилось некоторое пресыщение восторгами по этой теме. Думаю, что и время в стране оказалось не самым подходящим для стабильного восхищения. Время-то наше скорее ниспровергательное, чем восторгательное. А тут подоспели сеансы. Да и не только по Центральному телевидению, но еще и по московскому каналу, который смотрит чуть не пол-страны. Да еще и повторы передач. Кашпировский был на экранах постоянно. Причем в особой роли — внушающего, убеждающего. К концу осени — надуленный, редко улыбающийся человек, все чаще усталый, порой раздраженный, все менее доступный...

Короче говоря, когда пришло время ответить на действительно самые интересные вопросы — как? почему? — созрел у части прессы некоторый налет скепсиса, на фоне которого уже вполне могли покатыться критические камешки, а вслед за ними и увесистые булыжники, оружие отнюдь не пролетариата.

Но об этом несколько позже. А пока мне все-таки хотелось хотя бы прикоснуться к этим самым «как?» и «почему?» Собственно, такую попытку уже сделали авторы «правдинского» интервью. И у них, и у меня один источник — докладная записка вице-президенту Академии наук

СССР академику К. В. Фролову, которую Кашпировский составил еще в 1987 году и ссылок на которую пока не было в нашей печати. А жаль, потому что это единственная работа, собственноручно написанная Кашпировским. Ведь с именем Кашпировского связаны самые различные жанры: интервью, репортажи, очерки, беседы, сеансы. Нет только статей, написанных самим Кашпировским. А тут работа, где он сам пытается разобраться в том, что он делает и дает некое теоретическое обоснование своей деятельности.

На мой взгляд, самым значительным пунктом этой записки является краткое, прямо-таки конспективное изложение взглядов Кашпировского на саморегуляцию, под которой он понимает ответ организма на психовоздействие. Удивительно, как эти глубокие и оригинальные размышления на чрезвычайно актуальную тему прошли мимо внимания специалистов. Признаться, и сам Кашпировский достоин удивления: имея четко сформулированные теоретические обоснования своей деятельности и находя возможность публично говорить с читателями, телезрителями, журналистами, учеными о чем угодно, он ни разу не изложил в печати эти обоснования ясно, четко и систематично. Итак...

«Способность организма к саморегуляции представляется наименее изученным и наиболее важным вопросом среди других психологических проблем.

Термин «саморегуляция» условный и неоднозначный, так как подразумевает три варианта ее проявления — биологическую, психическую (рефлекторную) и управляемую саморегуляцию.

Биологическая саморегуляция — это генетически закодированные, сложные внутренние процессы, лежащие в основе роста, развития, жизнедеятельности и защитных функций организма, способные протекать без участия сознания, не прекращаясь и при полном его отключении, например, под наркозом. Даже у мертвых биологическая саморегуляция поддерживает рост волос, ногтей.

Психическая (рефлекторная) саморегуляция. Функционируя в рамках подчиненности генетическим программам, биологическая саморегуляция в то же время необыкновенно чувствительна к воздействию сознания, реагируя на преломленные через сознание сигналы внешней среды — изменчивостью, колебаниями, сбоями. Механизм воздействия сознания на биологическую саморегуляцию носит рефлекторный, неконтролируемый и часто (в зависимости от силы раздражителя) «передозированный» характер, что может сорвать биологическую саморегуляцию с привычного ритма и перевести ее в режим извращенного функционирования.

Именно эти измененные акты функционирования биологической саморегуляции лежат в основе заболеваний и разных отклонений в деятельности организма, возникающих вследствие психотравм, нервных перегрузок, стрессов.

Таким образом, неконтролируемое, рефлекторное воздействие сознания на биологическую саморегуляцию представляет собой произ-

вольную саморегуляцию, в основе которой лежат биохимические процессы.

Управляемая саморегуляция. Зависимость саморегуляции от сигналов сознания позволяет использовать сознание как орудие воздействия на биологическую саморегуляцию с целью подачи определенных «команд» и установок для коррекции, мобилизации или подавления тех или иных актов биологической саморегуляции.

Только благодаря этой особенности существуют возможности для применения психотерапевтических методов, в частности, внушения, самовнушения, гипноза.

Называемые «внушением» и «самовнушением» явления в настоящем изложении трактуются с учетом вышесказанного, а именно:

Внушение — это целенаправленное психологическое воздействие на личность, способное вызвать специфическую реакцию сознания в адрес биологической саморегуляции.

Самовнушение — это произвольно вызываемые специфические реакции сознания, воздействующие на биологическую саморегуляцию.

Гипноз — вызванное внушением состояние суженного сознания, обуславливающее повышенную склонность к концентрации.

Таким образом, управляемая саморегуляция — это управляемый (извне или произвольно) акт воздействия сознания на организм.

Реактивная саморегуляция. Реактивность всех трех вариантов саморегуляции и глубина происходящих при этом процессов у разных людей выражена по-разному. Не все, например, от ужаса склонны к мгновенному поседению, не у всех от обиды, переживаний, испуга возникают неврозы, язвы, инфаркты, инсульты, заикание, бессонница.

Не у всех путем внушения удается вызвать галлюцинации, обезболивание, гипноз, температурные и сосудистые реакции, расстройства памяти. Следовательно, при всех равных условиях люди различаются по степени интенсивности проявления саморегуляции, обнаруживая большую или меньшую «талантливость» в этом плане.

Практика внушения показала, что среди общей массы выявляется довольно большой процент людей с такого рода «талантливостью», что говорит об их потенциальных способностях к сознательному саморегулированию. Правильно избранный метод и талант врача способствуют увеличению этого процента.

Из вышесказанного вытекает вывод о возможности и необходимости проведения специальных тестов на предмет определения способности к саморегуляции, что может иметь огромное значение для правильного отбора людей и экономичности в проведении с ними психологического тренинга.

О возможностях психики лиц, овладевших сознательной саморегуляцией. Возможности психики таких лиц не укладываются в рамки привычных представлений о самообладании, выдержке, быстроте совершенствования разных способностей и других качеств.

Прочет психологов состоит в отсутствии тестов на способность к саморегуляции, что вынуждает затрачивать много времени и материальных средств (медикаментозные препараты, специальная аппаратура) на людей «бездарных» в плане психологического тренинга, а поэтому не всегда надежных при исполнении внушенных им программ.

Прошедшие тренинг могут обнаружить способность к произвольно-му обезболиванию до степени нечувствительности к огню, умение глубоко засыпать в любой нужный момент в любых условиях. Они склонны выполнять сложные работы, находясь с открытыми глазами в состоянии особого сна. Их легко программировать, а также научить при необходимости подавлять или возбуждать желания, ощущения, чувства, обострять воображение.

Уже этот перечень говорит о реальных перспективах, связанных с целенаправленным использованием заложенных у многих нераскрытых склонностях к саморегуляции.

Важным моментом является и то, что лица с выраженной склонностью к саморегуляции, могут овладеть перечисленными возможностями без больших затрат времени на длительный тренинг, без особой аппаратуры и других условий. У них указанные возможности могут «запускаться» порой с ходу, с первого же контакта с врачом и настолько легко для врача, что снимают проблему поиска «сильного» метода воздействия.

Склонность к сознательной саморегуляции и медицина. Сказанное по поводу перспектив использования сознательной саморегуляции может быть проиллюстрировано на поучительном опыте психотерапевта Александра Романовича Довженко из Феодосии и психотерапевта Хасая Алиева, которые в своей практике интуитивно сориентировались на способность человека к саморегуляции и ее быстрый «запуск» при помощи коротких, энергичных внушений. Однако, не осознав этого теоретически, авторы выделяют не значимость способности человека к саморегуляции, а значимость своих методов (названных техническими терминами «кодирование» и «ключ»), тем самым отвлекая внимание от более глубокого понимания проблемы.

Методы указанных авторов основаны на отборе лиц с повышенной способностью к саморегуляции и с последующим энергичным внушением необходимой задачи, что, учитывая особенности этих лиц, легко реализуется.

На этом принципе построено экономичное, эффективное и быстрое лечение алкоголиков врачом Довженко и одномоментное внушение способности к саморегулированию врачом Алиевым.

Практический успех авторов убеждает в большой результативности использования заложенной в человеке склонности к сознательной саморегуляции при соответствующих методах воздействия.

Пересмотр соотношения между ролью метода и скрытой, склонностью человека к саморегуляции в пользу большей значимости последней дает возможность перестроить и отношение к методам, что может

дать небывалый толчок психотерапии в направлении огромной экономичности, доступности и эффективности психотерапевтической помощи и привести в свою очередь к рождению нового, еще нигде, ни в одной стране не практикуемого метода лечения и психологического тренинга.

Таким методом является воздействие внушением по телевидению. Такое лечение является реально осуществимым, так как рассчитано на лечение болезней, при которых, как правило, склонность к саморегуляции выражена в особо высокой степени (энурез, бронхиальная астма, мигрень, язвы кишечника, желудка и др.). Способы воздействия на такую категорию больных отличаются простотой и краткостью, ибо в связи с выраженной склонностью к саморегуляции, эти пациенты легко доступны воздействию.

Внушение по телевидению, проводимое высокопрофессиональными специалистами, сопровождаемое музыкой, красочным оформлением, с крупной подачей глаз, будет не только не хуже, а в некоторых аспектах лучше живого, непосредственного воздействия.

Попытка организовать такую передачу, имевшую целью лечение энуреза у детей, была уже предпринята в Алма-Ате в августе 1986 года, где мной проводились лекции и показ психологических опытов. Запись производилась на скорую руку, без предварительно разработанного сценария, но и при этом находящаяся в другом помещении около телевизора контрольная группа детей быстро погрузилась в гипнотическое состояние, подчинившись «телевизионному внушению».

Правда, вопрос выпуска передачи в эфир еще не решился, по-видимому, из-за слишком непривычного характера такой передачи.

Но рано или поздно такие передачи станут обычным явлением и, кроме лечебного, дадут огромный экономический эффект. Расчеты произвести нетрудно, сравнив производительность труда целого медицинского учреждения с работой всего лишь одного психотерапевта, действующего по телевидению.

Если, например, для лечения в масштабе всей страны одних только детей, страдающих энурезом, санаторию средней мощности потребуется 3000 лет непрерывной работы, то врачу-психотерапевту на эту же цель понадобится всего 8 часов телевизионного времени с результатом 70—80% излечения.

В таком же разрезе можно предпринять создание программ лечения, профилактики и психологического тренинга для разных возрастных и профессиональных групп не только по телевидению, но и с помощью видеотехники, установленной в лечебных учреждениях.

В основе внушения лежит возбуждение сознанием биологической саморегуляции, которая функционирует за счет образования и выделения различных химических соединений.

Наш организм является универсальной фармацевтической системой, способной из этих соединений создавать разнообразные лекарства. Первыми лекарствами, выделенными из организма, были защитные белки—антитела, вырабатываемые клетками иммунной системы. Второй груп-

пой лекарств, обнаруженных в организме, стали гормоны Третьей группой явились медиаторы — нейропептиды и простагландины «Внутренних» лекарств пока открыто очень мало, но ясно, что они функционируют в гармоничном взаимодействии, образуя своеобразный «химический оркестр» тела. Болезнь есть дисбаланс этого оркестра, возникающий из-за сбоя некоторых систем под воздействием внешних факторов и выражающийся в нарушении количества и качества выделяемых химических соединений.

Действие внушения выравнивает этот дисбаланс, заставляет организм выделять особые вещества — внутренние лекарства. Например, при обезболивании внушением выделяются эндогенные морфиноподобные пептиды. При введении в организм их естественного антагониста налоксона происходит блокирование этих пептидов и исчезает обезбоживание. Этот пример доказывает химическую природу внушенного обезбоживания.

Но не у всех внушением удастся вызвать обезбоживание, заживление язвы, то есть не удастся воздействовать на биологическую саморегуляцию.

В других случаях, наоборот, происходит сильнейшее срабатывание биологической саморегуляции. Имеются наблюдения, когда под действием внушения происходило выздоровление от таких болезней, которые считаются классическими в плане недостижимости до них психологического воздействия. Например, излечение варикозного расширения вен, рассасывание язвенных рубцов. Проблема состоит в поиске этих редких веществ, которые под действием внушения вырабатывает организм некоторых людей. Не только в поиске, но и в расшифровке химической формулы, и, возможно, создания их искусственным путём.

Другой вариант состоит в использовании в качестве доноров лиц, у которых произошло излечение от действия внушения.

Задача лабораторных исследований состоит в том, чтобы определить, что является донорским материалом. Найдя этот материал, можно было бы лечить тех, кому не помогают ни лекарства, ни внушение. А донорами стали бы излечившиеся от бронхиальной астмы, язвы, псориаза, потому что организм этих людей и вырабатывает под действием внушения эти внутренние «пилюли».

Поиск веществ, вырабатываемых организмом под действием внушения, поможет найти уникальные лекарства и избавит психотерапию, как выражался академик И. Павлов, от «проклятого вопроса, что же такое возбуждение или торможение, гипноз или внушение в своей материальной сути».

...Я прошу прощения за вмонтирование научного текста в беллетристический. Но это необходимо для расшифровки сути работы Кашпировского. а также (что мне кажется не менее значительным) для более объемного понимания его личности.

Впрочем, один момент совершенно недоступен моему пониманию. Я имею в виду то, что Кашпировский теоретически вплотную подошел к

самому, на мой взгляд, актуальному вопросу психовнушения: типологии воздействия, то есть — на ком и как сказываются его сеансы. Ведь, судя по его теоретическим разработкам, реально подготовить систему тестов, с помощью которых можно было бы определить, к какому типу саморегуляции склонен каждый из нас и сколь эффективным может быть психовоздействие в каждом отдельном случае. Если реально, то этим надо было срочно заняться и уж обязательно постоянно говорить об этом. Потому что каждый из нас прежде всего хотел знать, как его, собственный организм воспримет, сеансы Кашпировского, какотреагирует на них. На прямые вопросы Кашпировский давал тогда туманные ответы о том, что воздействие непременно будет, но от нас самих зависит его сила (как будто мы вольны управлять своей реакцией!), что если не подействовало сразу, то подействует спустя несколько сеансов, что все очень индивидуально.

...Я сел писать эту книгу, чтобы попробовать разобраться в совершенно уникальном феномене Кашпировского, чтобы попытаться собрать и проанализировать факты, раскрывающие суть необыкновенной работы Кашпировского и его незаурядную личность. Я не отношу себя к числу безудержных поклонников Кашпировского и тем более, конечно, — к числу его недоброжелателей. Наши отношения совершенно дружеские, настолько дружеские, что говорятся и выслушиваются не только комплименты, но и любые критические замечания. Анатолий Михайлович выслушал от меня массу претензий, ни один из его штатных критиков не накопил столько замечаний в адрес Кашпировского, сколько их было у меня. Ни одно из этих замечаний я не собираюсь утаивать от читателей. И я рад, что Анатолий Михайлович считает это нормальным. Так вот, из всех моих претензий к Кашпировскому самым серьезным я считаю упрек в замалчивании теоретической базы своей работы. Это, по-моему, серьезная его ошибка. Если бы размышления о типологии саморегуляции обрели практическую основу еще в период подготовки к телесеансам, на мой взгляд, эффективность телесеансов была бы гораздо выше, а реакция на их могла быть иной...

Книга эта была уже написана, когда состоялась конференция, посвященная научным аспектам психотерапии Кашпировского. Получив материалы конференции, я мысленно (правда, со смешанным чувством) поблагодарил тех тетенок и дяденек, которые почти на два года задержали выпуск моей книги. Без сообщений, прозвучавших на конференции, моя попытка объяснить феномен Кашпировского была бы неполной.

Послушаем мнение доктора медицинских наук профессора Н. А. Баулина. Он хирург и касался проблем, связанных прежде всего с помощью, которую оказывал Кашпировский людям, нуждающимся в хирургическом вмешательстве. Речь здесь идет не об обезболивании при хирургических операциях, а о том, как бескровная и безлекарственная психотерапия позволяет избегать операций или делать их более эффективными. Надо сказать, что этот аспект относят к числу наиболее уяз-

вимых для Кашпировского, поскольку традиционные представления полагают «заговаривание ран» махровой мистикой, а сообщения на сеансах об исчезновении, скажем, паховых грыж — беззастенчивой ложью или случайным совпадением. Да, действительно объяснить все это с позиций материалистической биологии и медицины чрезвычайно трудно.

Вот, что сказал профессор Баулин: «Недавно я присутствовал на выступлении руководителей наших медицинских учреждений, они давали оценку работы Кашпировского. Прямо окажу, что отношение многих ученых к Кашпировскому конфронтационно, ибо это направление не укладывается в общеизвестное классическое прокрустово ложе науки.

Они саркастически спрашивали: как может рана сузиться или даже закрыться под влиянием психотерапевтического воздействия? Но у меня как у клинициста ответ на этот вопрос есть. Всякий опытный врач знаком со случаями, когда на утреннем обходе вчера еще огромная нагноившаяся послеоперационная рана вдруг уменьшилась в два-три раза. Это срабатывали компенсаторные силы организма. А вот пусковой механизм такой реакции может быть самым различным. Резкое уменьшение ран я наблюдал после телесеансов доктора Кашпировского. Я объясняю это мобилизацией внутренних сил организма.

Когда я говорил об этом с трибуны, академик В. И. Кузин спросил, как я отношусь к исчезновению врожденных грыж. Прежде всего я должен подтвердить сам факт того, что такие грыжи закрываются под влиянием сеансов психотерапии. Изменение обмена веществ ведет к соответствующим мышечным сокращениям. Благодаря этому уменьшается отверстие, потом еще больше уменьшается. В конечном итоге стенки склеиваются и закрываются. Ничего сверхъестественного я как хирург здесь не вижу. Я лишь наблюдаю высокоэффективное воздействие на больного человека».

Не хотелось бы перегружать внимание читателей, но придется привести отрывок из еще одного научного сообщения. Останавливаюсь на этом сообщении, поскольку оно несомненно приближает нас к пониманию биологической сути феномена Кашпировского.

Итак, привожу выдержки из доклада доктора биологических наук А. Г. Минченко, руководителя лаборатории молекулярной эндокринологии Киевского НИИ эндокринологии и обмена веществ.

«Во время сеансов Кашпировского происходит активизация, пробуждение центров и систем регуляции, нарушенных преимущественно в результате воздействия переизбытка химических и радиоактивных соединений в окружающей среде. Кашпировский оказывает воздействие не только на системы, нарушенные в результате болезни, но и на те системы, которые обычно почти не функционируют, находятся в организме в законсервированном виде. Прежде всего я имею в виду систему, обеспечивающую рассасывание рубцовой ткани на коже и внутри организма (на сердечной мышце, например). До сеансов об этой системе и не подозревали. Где же образуется химический сигнал, который, изменяя программу функционирования клеток, ведет к исчезновению рубцо-

вой ткани? Наиболее вероятным кажется его образование в мозговых центрах, после чего он поступает в кровь и доставляется к рубцу. Труд, но представить пока природу и структуру этого химического сигнала, поскольку не было лабораторных исследований. Но этот сигнал должен обладать способностью воздействовать на геном клеток, прилегающих к рубцовой ткани, и индуцировать синтез ферментов, которые способны разрушить рубцовую ткань.

Если вдумчиво проанализировать результаты работы Кашпировского, то можно прийти к интересным выводам. Скажем, снижение веса после сеансов. Оно не похоже на механическое вычитание лишней ткани. У Кашпировского люди худеют красиво: не образуются морщины и висящие кожные складки. Значит, похудение вызвано какими-то внутренними причинами, а не просто ограничением поступления пищи. Можно предположить, что это связано с активизацией системы, которая вырабатывает вещество кахектин. Оно вызывает распад липидов, угнетает их синтез, что и ведет к быстрому похудению. Обычно выброс кахектина связан с экстремальными ситуациями: инфекционными или онкологическими заболеваниями. Но у Кашпировского похудение идет мягко, без интоксикации (в обычных случаях связанной с отравлением организма при болезненных проявлениях) и не приводит к истощению. Оно сопровождается улучшением самочувствия, а порой сочетается с исчезновением опухолей, поскольку кахектин способен разрушающе действовать на опухоли. Нешмненно, все это требует экспериментальной проверки, но имеющиеся данные по механизму действия кахектина свидетельствуют в пользу именно такой схемы».

Доктор Минченко столь же убедительно просчитал механизм влияния сеансов психотерапии на больных сахарным диабетом. В принципе схема достаточно проста: а) воздействие на психику; б) через нее активизация совершенно определенных центров головного мозга, посылающих в свою очередь приказы эндокринной системе синтезировать вещества, в которых в данный момент нуждается организм.

Сейчас медики и физиологи любят говорить о скрытых возможностях человеческого организма, о резервах психики, о тайной мудрости нашего тела. Но вот нашелся практический врач, который нащупал конкретные пути реализации скрытых резервов. Причем не просто нащупал, а дал массу примеров такой реализации, прямо-таки обвальную демонстрацию самых неожиданных проявлений тайной мудрости нашего тела. Но чем больше было убедительнейших примеров реализации резервов, чем неожиданнее и чудеснее оказывалось излечение, тем громче раздавались протесты, тем яростнее звучало: «Ату его!»

Нет, поражаюсь я не столько чудесным случаям избавления от болезней, сколько усиливающейся травле того, кто избавляет людей от страданий!

Феномен борьбы против Кашпировского

В бурный восторг прессы по поводу появления Кашпировского каким-то странным образом не включились голоса специалистов. Это было действительно странно, потому что наши репортеры при малейшем прикосновении к научным вопросам всегда и привычно опираются на мнение ученых. Такое часто происходит даже при очевидной ясности проблемы: с одной стороны, мнение специалиста придает репортажу убедительность, с другой—спасает корреспондента от упреков в некомпетентности. Но—повторяю—в случае Кашпировского пресса вдруг пренебрегла привычной практикой. В сотнях публикаций о чудо-докторе, прошедших летом 1989 года едва ли не через все центральные и местные издания страны, совершенно не было ссылок на ученых. Лишь время от времени кое-где звучало имя академика Н. П. Бехтеревой. То ли журналисты подпали под магию Кашпировского, то ли сами специалисты не решились высказаться.

Однако могу предположить, что насколько восторженно была в тот период настроена пресса, настолько неодобрительно встретили бум вокруг Кашпировского его коллеги. Собственно, это не предположение, а знание, почерпнутое из разговоров со многими психологами и психотерапевтами. Их настороженность вполне понятна: обычный консерватизм медиков плохо сочетается с признанием неожиданного успеха неизвестного коллеги, причем успеха, ломающего привычные представления о теории и практике. Человеку долго прививали определенные взгляды на какую-то медицинскую проблему, обучали конкретной тактике и стратегии лечения, потом многие годы он сам обучал молодых этим методам, слегка усовершенствовав их и заработав звание профессора, а то и академика. Нетрудно догадаться, что у этого профессора или академика, даже если он прежде всего озабочен интересами науки, а потом уже своими проблемами в ней, первой реакцией на хотя и революционные, но чуждые ему взгляды будет решительный протест. В силу понятных субъективных причин он воспримет воззрения и практику своего научного оппонента с большими трудностями, чем человек неподготовленный, но зато непредубежденный. По-моему, все это объясняет несколько затянувшееся молчание ученых, затянувшееся на все лето 1989 года.

Но вот в самом конце лета — 28 августа — «Известия» опубликовали большое интервью с директором Института высшей нервной деятель-

ности и нейрофизиологии Академии наук СССР академиком Павлом Васильевичем Симоновым.

Интервью начиналось «лобовым» вопросом, не очень-то приветствуемым в академических кругах:

«— Вы «за» или «против» Кашпиrowsкого?»

Ответ оказался не менее категоричным:

— Без колебаний «за». Кашпиrowsкий несомненно светлая фигура. (С удовольствием переписываю эту фразу из интервью. И обращаю внимание читателей: самая первая оценка, которую Кашпиrowsкий заслужил у представителя нашей науки, «светлая фигура». Не пройдет и двух месяцев, как на страницах газет появятся совсем другие слова — «черный человек», а пока — «светлая фигура». Здесь и далее примечания автора.— С. III.)

И дальше: «Этого высокого профессионала не надо ставить в один ряд с телевизионными целителями-немедиками. (Явный намек на Алана Чумака, который появился на Центральном телеэкране чуть раньше Кашпиrowsкого.— С. III.) Кашпиrowsкий — грамотный, сильный психотерапевт, лечит он классическим, издревле отлаженным в психотерапии методом — внушением, гипнозом и добивается прекрасных результатов».

Опытный и острый журналист Евгения Манучарова тут же задает неожиданный вопрос, который объясняет читателю, что восторги академика вовсе не безответственны, а опираются на здоровый скептицизм, такой здоровый, что о нем ходят легенды. А коли так, то цена восторгов особенно высока:

— На грани чуда? И вы «за», хотя в науке вы известны как самый яростный противник парапсихологии? У вас даже, говорят, досье есть по чудесам и по их разоблачению, а тут вдруг вступились за кудесничество?..

— Нет, за медицину,— возразил академик.— Это честное лечение, министру здравоохранения следовало бы положить Кашпиrowsкому большую зарплату. Реальность гипноза никто не может отрицать. Механизм этого явления науке пока неизвестен, но это не означает, что не существует самого явления. И Кашпиrowsкий не напускает тумана, не лукавит, не впадает в мистику, не несет модного бреда о биооблучении и телепатии. Он честно объяснил, чего добивается «слабым манием руки» и словом. Его власть над пациентами аналогична той, что была у вошедших в историю медицины Бехтерева, Шарко, Месмера. Но эти его предшественники действовали в камерных условиях. У них были всего лишь индивидуальные приемы, клиники, салоны, а Кашпиrowsкий говорит «городу и миру»: у него телеэкран.

(Читая это интервью, я испытывал странное чувство узнавания собственных мыслей. Да, примерно так и почти теми же словами я оценивал для себя работу Кашпиrowsкого.— С. III.)

— Эффект вкушения,— продолжает П. Симонов,— невозможен без ритуальных действий, без «бубна шамана». В наше время лучший бубен— телеэкран. Очень хорошо, что Кашпиrowsкий взял его на вооружение.

исключительно интересно, что он отработал свою методику в расчете на эту современную технику. Она многократно увеличивает силу воздействия.

(Предположу, что, сказав так, академик имел в виду, вероятно, не то, что на каждого человека с помощью телеэкрана Кашпировский действует во много раз сильнее, чем если бы этот человек сидел в зале, где идет сеанс. Нет, если для кого-то телевоздействие оказывается и более эффективным, чем «живое», то уж во всяком случае не многократно. Думаю, что П. В. Симонов хотел сказать, что телесеансы многократно увеличивают число людей, охваченных воздействием. Что несомненно.— С. Ш.).

— В сущности,— продолжает Симонов,— только ТВ и выделяет Кашпировского в ряду других сильных психотерапевтов. Ведь каждый из них владеет методикой обезболивания. Об этом написаны тома монографий и главы в учебниках медицины. Прочтите, там все сказано: и как снимать боль при родах, и как при стоматологических операциях.

(Специалисту лучше знать, но нам, не выдавшим ни Бехтерева, ни Шарко, ни Месмера, действия Кашпировского представляются уникальными. Хорошо, пусть мы, дилетанты, заблуждаемся, и Кашпировский— лишь один из многих. Но почему тогда тысячи других психотерапевтов так плохо читали монографии и учебники? Почему мы не слышали о том, как они обезболивают роды и удаление зубов? Скромничают? Не могут? Или не хотят? Если это скромность, то странно, что она носит такой массовый характер. Не могут—это понятно. Не хотят—необъяснимо. Эти предположения лежат на поверхности. Их, конечно, почувствовала и Манучарова во время интервью.— С. Ш.).

— Разве все так просто и тривиально? — спросила журналистка.— Кашпировский делает больше, чем заговаривает зубы. Его пациенты испытывают не безразличие к боли, а другое. Ведь женщина на операционном столе пела. Она, кажется, даже готова была плясать под скальпелем хирурга: ей было «внушено наслаждение». Может такая противестественная реакция подобна упоению в бою?

— Скорее мазохизму людей, которым нравится причинять себе нравственную или физическую боль,— предполагает академик.— Кашпировскому, возможно, удается запускать природный механизм — в момент боли он выбрасывает в кровь те химические вещества, которые, подобно опиуму, дают удовольствие.

Но, конечно, надо иметь огромный талант гипнотизера, чтобы столь мощно, если хотите, драматично, воздействовать на болевой порог пациента. Хозяин над биохимической системой выброса опиоидов — наша служба быстрого реагирования — подсознание. К ней и обращено внушение Кашпировского.

(Примерно так объясняет суть своего воздействия и Кашпировский: прямой выход на подсознание, с помощью которого высвобождаются скрытые резервы организма, влияющие на позрежденные органы, ткани, системы. Мне кажется, что истинность такого предположения в

принципе нетрудно проверить. Достаточно в момент воздействия психотерапевта брать у пациента пробы крови. Тонкий анализ покажет динамику появления активных веществ в крови. По этой динамике и можно было бы проследить весь механизм воздействия, его избирательную направленность, силу, глубину проникновения, зависимость от различных факторов.— *С. Ш.*)

Но наша наука,— самокритично продолжает директор Института высшей нервной деятельности,— еще очень немного знает о механизме мозга, и я не возьмусь переводить методы психотерапии на язык молекулярной биологии XXI века. Очень важно, что на помощь талантливому врачу пришел представитель большой науки известный физиолог мозга человека академик Н. П. Бехтерева.

— Я говорила с Натальей Петровной,— уточняет Манучарова.— Она проверяла показатели у испытуемых Кашпировского современной аппаратурой. Показатели приходят в норму после воздействия Кашпировского. Проверялась и биохимия крови, и электрическая активность мозга. Кашпировский работал и с больными ее клиники, помогал людям выйти из самых тяжелых состояний. Я так поняла, что общая работа будет продолжаться...

(Увы, что-то помешало сотрудничеству. Вполне допускаю, что у Кашпировского просто не хватило времени для серьезной совместной работы: сеансы, встречи, телеинтервью, выступления в ту осень катастрофически наполнили друг на друга. Он перегрузил себя выше всяких пределов, а научный поиск требует неспешной вдумчивой работы, сосредоточенности. Впрочем, может быть, я ошибаюсь, и причины несостоявшегося сотрудничества были совсем иными.

Мне кажется, что организаторы телевизионных сеансов Кашпировского смогли бы предупредить осеннюю негативную реакцию прессы и ученых, если бы предпослали этим сеансам выступления Бехтеревой и Симонова. Авторитет и аргументация этих крупных ученых придали бы воздействию Кашпировского большую солидность и основательность. Да чего уже теперь говорить об этом! — *С. Ш.*)

— Но сейчас о вкушении,— продолжает интервьюер.— Скажите, известен ли науке механизм подчинения пациента гипнотизеру?

— Это аналогично подчинению толпы лидеру, вожаку. Зигмунд Фрейд (а он был психиатром из психиатров) назвал взаимоотношение гипнотизер — пациент «толпой из двоих»: ведомый — ведущий.

У одного тип личности такой, что он склонен подчинять себе людей, а другому легче всего подчиниться. Думаю, на свой вопрос, что сильнее вина, Кашпировский не зря процитировал Киплингa: «Лошади, женщины, власть и война». Что-то здесь символично: скажем, война — это жизненная борьба. А власть, видимо, для него имеет самый прямой смысл.

— Вероятно, это, а также некий элемент суперменства в его имидже? — продолжает спрашивать Манучарова.— Аналогично тому, как у не к ночи помянутого Гришки Распутина в имидж входила дья-

вольщина и мужитство. Может, такое способствует мазохизму и покорности пациентов, а также восторженности женщин?

(О женщинах мы уже говорили с вами. А пока попробуем проанализировать ту часть этой беседы, мотивы которой очень скоро станут кочевать из статьи в статью и от этого блуждания превратятся в расхожее мнение. Толпа, власть над людьми, Распутин, дьявольщина, покорность пациентов — эти слова в сочетании с работой Кашпировского требуют обстоятельного анализа. Но попробуем здесь хотя бы начать разговор. Понятно, я не претендую на абсолютную объективность, но считаю, что имею право на мнение, отличное от мнения коллег и ученых, полагающих перечисленные понятия — главным у Кашпировского.

«Толпа». Академик Симонов употребил это слово в том понятийном ряду, который принят у ученых-психологов. В этом ряду слово «толпа», как я понимаю, эмоционально нейтрально. В быту же оно звучит пренебрежительно, с оттенком оскорбления — примерно как «чернь» или даже «быдло». И вот уже в публикациях осени и зимы замелькали фразы о том, что цель Кашпировского — поставить себя над толпой, что ему надо не столько лечить нас, сколько властвовать над нами. Надо признать, что чисто внешне такое понимание работы Кашпировского имеет определенное основание. Ведь всякий психиатр воздействует на аудиторию приемами, очень смахивающими на действия диктатора. А как же иначе он может управлять поведением пациентов? И его задача — именно управление. Если бы он не управлял эмоциями и поведением нуждающихся в лечении, кому он был бы нужен?

Даже не командуя, а обращаясь к пациенту с просьбой, психиатр должен быть императивен. Впрочем, как и любой другой практикующий врач. Как бы ни складывались отношения в непростой системе «больной — врач», врач всегда остается лидером. Иначе и быть не может. Это понимает всякий человек, обращающийся за медицинской помощью.

Но это лидерство врач или психолог сохраняет в весьма ограниченном пространстве — отношении двух людей. Кашпировский же вышел в зал, а затем появился и на телеэкране и вступил в естественные для психотерапевта императивные отношения с огромным числом людей, привыкших к совсем другому характеру контактов с выступающим со сцены и вещающим с телеэкрана.

Очень многие почувствовали при этом эмоциональный дискомфорт «я даже директору не позволяю командовать собой, а здесь какой-то Нетитулованный человек целый час, хоть исподволь, в общем-то незаметно, но как-то давит на меня, получается, что я выполняю его волю, правда, в интересах своего собственного здоровья». У многих это вызывает неосознанный протест. Такова, как мне кажется, внутренняя подоплека недовольства части телезрителей.

Впрочем, допускаю, что недовольство в какой-то степени мог спровоцировать и сам Кашпировский некоторыми своими неосторожными

высказываниями. Вот хотя бы цитата из Киплинга, воспитанного в имперском духе. Красивая строчка, но, когда людям предлагают воздействовать на них и употреблять при этом слово «власть», протест обрывает отчетливые контуры. При том произнес эту фразу Кашпировский с удовольствием, красиво, так что многие тут же определили: вот она — истинная цель этого человека.

Пусть каждый думает как хочет, но я знаю, что Кашпировский — прежде всего врач, врач до мозга костей, до последней своей клеточки. А желания, помыслы, цели у врача однозначны — лечить больных. Что же касается власти, то я довольно много наблюдал Кашпировского при его контактах со своими помощниками, с теми, кто, казалось бы, должен беспрекословно ему подчиняться. Свидетельствую: Кашпировский властвовать, подчинять себе людей, даже небольшую группу при прямой в этом необходимости не очень-то умеет. А вспомните, как было на самой первой встрече в Концертной студии. Одной из своих пациенток он неоднократно повторял, чтобы та перестала поднимать руки, прямо-таки приказывал, но послушания добиться не мог. А ведь она хорошо его знала, верила безоговорочно. Вот вам и «власть над толпой». Да ее быть не может, хотя бы по той простой причине, что психотерапевту нужна не она, не власть над личностями, а власть над тем «банком информации» мозга, где запрытаны ключи от наших болезней, чтобы заставить организм вырабатывать нужные лекарства. Связи между личностью и железами внутренней секреции нет никакой, это мы знаем и без справки от эндокринолога. Так что подозрения напрасны. Но слово о власти сказано, выпорхнуло с телеэкрана и полетело, сбивая с толку...

Еще один просчет (а их было немало). В интервью еженедельнику «Аргументы и факты» (№ 49, 1989 г.) с ужасом читаю фразы, произнесенные Кашпировский: «Я досконально изучил психологию толпы». «Толпу я изучил, как никто. Тут мне соперников нет». «Сегодня я знаю, как управлять толпой, как от нее получить результат»... Не сомневаюсь, что слово «толпа» Кашпировский употребил здесь в академическом, а не в вульгарном смысле. Но лингвистический сбой дорого обошелся: 20-миллионный тираж еженедельника сработал явно против неосторожного в высказываниях психотерапевта.

Допускаю также и активную позицию корреспондента. Если бы это интервью публиковалось не в декабре, когда косяком шли обвинения в адрес Кашпировского, а в июле, в самый разгар восторгов, слово «толпа» в текст не попало бы. Сработала определенная (даже возможно, неосознанная, внутренняя) установка на дискредитацию психотерапевта. Летом неосторожные слова не легли бы на бумагу или были бы вычеркнуты из текста. Зимой их многократно повторяли. Таковы некоторые профессиональные тонкости журналистики.

Однако вернемся к интервью Манучаровой. — С. Ш.).

— Женщинам на сеансах Кашпировского, — сказал П. В. Симон, — отдана роль пускового механизма: они заражают массу своим

реклонением, способностью бездумно подчиняться. К такому же безумию зовут окружающих.—Ведь пример одного входит в подсознание другого, минуя рациональность сознания. В результате включается очень древний, пришедший от прапрапредков механизм имитационного поведения. Надо сказать, что механизм и спасителен, и коварен. Ведь его можно использовать и не в интересах добра. Роль женщин определена особенностью их психики — они более внушаемы, чем мужчины.

(Браво! Зоркий глаз специалиста увидел больше, чем могли заметить мы, и позволил глубже понять ситуацию, поверхностные проявления которой казались явлением случайным. Однако мне кажется, что академику следовало бы все-таки подчеркнуть, что речь здесь идет о воздействии на уровне подсознания и об имитации подсознательного поведения, чтобы опять не возбуждать неквалифицированных разговоров о подчинении и властвовании. Не надо, повторяю, забывать о разнице в управлении сознанием и в управлении эндокринной системой.— С. Ш.).

— Поэтому женщины и не становятся гипнотизерами?

— Редко. Но бывают хорошими психотерапевтами. Скажем, истинный подвижник и огромный талант — врач Юлия Борисовна Некрасова, которая лечит от заикания.

(Не могу удержаться от еще одного комментария. С Юлией Борисовной, ее семьей и ее учениками меня связывает старая дружба. Это специалист, работающий со стопроцентным успехом. Сколько человек попало к ней для избавления от заикания, столько и избавилось от него. Жаль лишь, что группы эти небольшие и формируются они редко. Так вот Некрасова, специалист, не склонный к комплиментарности, побывав на сеансах Кашпировского, пришла в неопишуемый восторг: «Блестящий профессионал, великолепный практик. Только таким и должен быть психотерапевт — привлекательным, подтянутым, спортивным, вызывающим симпатии и желание подражать. А какие симпатии может вызвать психотерапевт тяжело дышащий, неопрятный, пузатый. Нет, в психотерапевта должны влюбляться, тогда у пациента появится вера, появится надежда!» «Вы в таком восторге», — сказал я... «Да, — перебила Юлия Борисовна, — но это не значит, что я не увидела недостатков. Мы занимаемся каждым заикающимся по году, узнаем о нем все, что имеет отношение к заиканию, и к моменту сеанса он уже почти вылечен. Остается лишь провести сеанс, а потом за два-три месяца постоянных занятий закрепить достигнутое. А Кашпировский редко кому уделяет одну-две минуты. Подавляющее большинство вообще остается вне его внимания. Я уже не говорю о телевизорах»).

Юлия Борисовна увидела работу Кашпировского с позиций своего метода. Но надо сказать, что работают они совершенно по-разному, и Направленность разная, и контингент. Если бы Кашпировский делал то, что делает Некрасова, он не был бы Кашпировским. Каждый метод хорош по-своему. «Но Кашпировский мне очень помог, — продолжала Юлия Борисовна. — Я вдруг увидела, что искусственно сужаю круг за-

нимающихся у меня, что можно значительно увеличить число вылечи, вающихся. Не знаю, как с сеансами по телевидению, но снимать заикание с помощью телемостов мы могли бы уже сейчас. Кашпировский придал мне новые силы, зарядил уверенностью. Хочу обратить внимание на еще одно отличие: Некрасова лечит заикание, имеющие безусловно психогенные истоки; Кашпировский предпочитает болезни органические; он не раз говорил мне, что полагает излечение заболеваний психических для психотерапевта делом более тонким и сложным, чем лечение заболеваний соматических.

В довершение разговора о заикании приведу полностью заметку, опубликованную 20 октября 1989 года газетой «Труд». Она называется «Не могу наговориться!»

«По крайней мере в этом случае телевизионные сеансы А. Кашпировского привели к стопроцентному эффекту. Преподаватель Петропавловского музыкального училища В. Кравченко избавился от недуга, мучившего его всю жизнь.

— Кашпировского сел смотреть из чистого любопытства,— говорил В. Кравченко журналистам газеты «Камчатский комсомолец».

То, что Валерий свободно рассказывал свою историю — само по себе небольшое чудо. Сорок лет — с тех пор, как малыш испугался пожара,— все разговоры были для него нелегким испытанием: тяжело заикался. Исцеление — неожиданное, а оттого вдвойне радостное — пришло с телеэкрана.

Местное телевидение пригласило В. Кравченко вести музыкальную передачу. Он согласился: «Это моя давняя мечта. А пока... не могу наговориться!»

Так что по части избавления от заикания Кашпировский тоже кое-что может.

Далее уже без всяких комментариев завершим интервью, которое Е. Манучарова взяла у академика П. В. Симонова.— С. Ш.).

— Как вы думаете, не обладали ли даром внушения наши легендарные комиссары-женщины?

— Вряд ли они останавливали разнузданную толпу анархистов только потому, что успевали выкрикнуть правильные лозунги... Нет, они несомненно обращались напрямую к подсознанию. На это работал и весь антураж — контраст нагана с женственностью. И они тоже умели выделить из общей массы двух-трех последователей с тем, чтобы их пример подействовал на остальных.

— Павел Васильевич, значит, внушение не связано с трансом? Ни Кашпировскому, ни названным вами женщинам не надо было усыплять и вводить в транс.

— Хороший гипноз и не требует такого. Для него даже и слова не обязательны. Огромное значение имеют мимика, выражение глаз, жест, фигура. У Кашпировского все это великолепно отработано. Он умный профессионал, не лишенный артистизма, с прекрасным чувством юмора...

Вы начисто отрицаете «биооблучение», которое запускается по каналам видеоманитофонов и телеэкранов от некоего некоего «биополя» целителя?

— Я сторонник презумпции доказанного и считаю, что новые объяснения нужны только тогда когда известного ранее недостаточно. Сеансы Кашпировского не требуют поиска новых систем общения между людьми. У него нет ни одного противоречия с классической психотерапией.

Мне кажется, он сам вполне реалистично объясняет и свои результаты, и работу других, например, Мессинга.

— Мессинг тоже классический гипнотизер?

— Нет, нет. Мессинг узнавал, где, в каком ряду сидит загаданный публикой человек и где именно прячет он какую-то вещь, не потому что читал мысли людей. Он применял другой механизм.

Мессинг держал за руку человека из публики и приводил этого «индуктора» в нервическое состояние. Когда они подходили к нужному ряду, мышцы руки у «индуктора» непроизвольно (хотя и незаметно для окружающих) сокращались. Уверяю вас: ему сильно надоедали крики Мессинга: «Думайте о задании!... Вы совсем не думаете!» И так далее. В сущности, все мессинговские штуки объясняются использованием двоичного кода: «да-нет». Мессинг умел схватить момент, когда мышцы «индуктора» говорили «да». Когда Мессинг не держал «индуктора» за руку, он просто шел за Ним на небольшом расстоянии, то тоже ловил его невольные сигналы — изменения наклона туловища, незначительные движения головы, ритм шагов. И эту пантомиму опять же разгадывал по двоичному коду. Я внимательно наблюдал за ним и знаю, что говорю».

Знает, что говорит и доктор медицинских наук, врач-психотерапевт В. Файвишевский. В декабрьском номере журнала «Наука и жизнь» за 1989 год он опубликовал небольшую статью, посвященную работе Кашпировского. Судя по журнальным выходным данным, статья была написана в конце сентября — октябре.

«Наблюдая сеансы гипноза, проводимые по телевидению,— пишет Файвишевский, я как специалист с интересом отмечал особо действующие факторы нового метода гипнотизации. Это, во-первых, пока крупным планом лица гипнотизера, на котором невольно фиксируется внимание зрителя. Во-вторых, ощущение гипнотизируемым своей анонимности, при которой легче передать гипнотизеру управление своими психическими процессами. Указанные обстоятельства весьма способствуют непроизвольному погружению зрителей в разнообразные гипноидные состояния.

Важен для гипнотического, а особенно для лечебного эффекта и «имидж» А. М. Кашпировского, во-первых, как врача, а во-вторых, как добросовестного и нравственного человека (он, например, не выдает гипноз за что-то другое, скажем, за «биополе»). Эти качества для психотерапевта столь же профессионально необходимы, как для музы-

канта музыкальный слух, поскольку, может быть, самая главная «тайна» психотерапии заключается в безграничном доверии страдающего к тому, кто его лечит.

Все эти черты выгодно отличают А. М. Кашпировского от других выступавших по ТВ целителей, которые, стихийно используя методы внушения, преподносят себя в «имидже» медиумов, оперирующих какими-то неведомыми силами. Они тоже могут улучшить самочувствие у некоторых зрителей, однако лишь у тех, кто способен поверить, что телевизионные станции, кроме электромагнитных волн, передают еще и некую «биоэнергию» и что ее можно даже записать на магнитофонную ленту.

Казалось бы, хорошо все, что кому-то помогает. Однако меня смущает несколько обстоятельств.

Во-первых, улучшение самочувствия не всегда означает улучшение состояния больного. Встречаясь с пациентом, я как врач в первую очередь озабочен тем, чтобы не принять за функциональное расстройство какую-нибудь серьезную болезнь. Симптомы того и другого бывают сходными, психотерапевтическое воздействие может их на время снять, и болезнь окажется запущенной.

(Прерву свое затянувшееся молчание, поскольку здесь комментарий совершенно необходим. Доктор Файвишевский, конечно, прав, когда беспокоится, что в порыве эйфории человек примет улучшение самочувствия за исцеление от болезни. Такая опасность есть. И хотя улучшение самочувствия можно только приветствовать, врачи знают, что излечив порой идет через стадию некоторого ухудшения самочувствия. Так что самочувствие — показатель субъективный, не всегда отражающий истинное состояние человека. Разумеется, Кашпировский это прекрасно понимает и всю свою статистику ведет на основании медицинских документов, объективно удостоверяющих состояние организма.

Готовя эту книгу, я просмотрел сотни таких документов, подтверждающих избавление от диабета и мастопатии, фибромиомы и многих других болезней. Но вот совсем удивительный случай: консультативное заключение, выданное Киевским институтом сердечно-сосудистой хирургии (тем самым, амосовским), о том, что у больной ЛЛ имеется врожденный порок межпредсердной перегородки, а потом еще одно заключение, составленное там же после телесеансов. Держу в руках подлинник заключения. В графе «диагноз» записано: «Данных за наличие порока сердца нет». Десяток раз я перечитывал эти бумаги и не мог поверить своим глазам. Это больше, чем чудо: человек с пороком сердца посмотрел несколько раз телевизор и от этого сердце у него стало нормальным. Мы с вами можем удивляться, радоваться, поражаться, а врачи должны разобраться, что же произошло в некогда больном сердце, какие процессы избавили человека от необходимости хирургического вмешательства. По-моему, им как специалистам должно быть просто любопытно, интересно вникнуть в этот и ему подобные факты. Однако, судя по выступлениям в печати, у слишком многих ме-

диков любопытство было задавлено обильными дозами недоверия скепсиса, предостережений. Но это уже другая тема. А возвращаясь к рбсуждаемой теме, еще раз подчеркну: говоря об излечении Кашпировский подразумевает не улучшение самочувствия, а документально Подтвержденное улучшение состояния.— С. III).

Во-вторых, продолжает доктор В. Файвишевский, я считаю публичный показ — и по ТВ, и в концертных залах — людей, находящихся в глубоком гипнотическом состоянии, когда они, не ведая того, выглядят «странно» или даже «забавно», неприличным, унижающим их достоинство.

(Не могу не согласиться — есть в этих демонстрациях некое проникновение в интимные сферы. Я знаю, что в других краях к публичному показу человека в «нештатных ситуациях» относятся гораздо более щепетильно. В Нью-Йорке мне, например, не разрешили фотографировать в спортивном зале во время оздоровительных занятий. Имелось в виду, что на таких тренировках люди могут выглядеть не слишком эстетично, и, фиксируя эту неэстетичность, я как бы нарушаю право человека на интимность личной жизни. Таков запрет мне понятен и вызывает уважение. Но у нас иные законы, иные нравы. Ни разу ни от кого из показанных в состоянии транса на телеэкране я не слышал ни слова протеста. Но проблема, тут, уверен, есть.— С. III).

В-третьих, говорит В. Файвишевский, я заметил, что с началом показа по ТВ сеансов гипноза усилилась податливость гипнозу, или, как говорят специалисты, гипнабельность моих пациентов, а стало быть, и населения. Врачам-психотерапевтам это, может, и облегчит работу, но хорошо ли подобное для личности и общества?

(Воображение рисует толпы сограждан, послушно бредущих вслед за околдовавшим их пастырем, готовых бездумно свершить любое деяние. Послушайте, такое уже было! Единогласно решали, единодушно голосовали, все — как один, не знали сомнений, шагали, клеймили, уничтожали, подписывали. Десятки лет страна жила словно загипнотизированная. Менялись поводьеры, а мы брели, как слепые, туда, куда нас вели. Надежда Мандельштам свидетельствует: «Я утверждаю, что все мы находились в состоянии, близком к гипнотическому сну. Нам действительно внушили, что мы вошли в новую эру, и нам остается только подчиниться исторической необходимости, которая, кстати, совпадает с мечтами лучших людей и борцов за человеческое счастье».

Доктор, оглянитесь вопруг, страна проснулась, люди ничего уже не берут на веру, фетиши рассыпались в прах. Если трансформировать психотерапевтическую терминологию в социальные понятия, то можно с уверенностью сказать, что мы наконец вышли из транса, что решительно расстаемся с гипнабельностью, что сейчас даже трудно представить, как должны сложиться обстоятельства, чтобы мы снова оказались подверженными покорному и безоговорочному послушанию. Кажется, наоборот, люди, расставаясь с прошлым сомнамбулизмом, как реакцию на него обрели некий избыточный скептицизм. И немало еще пройдет времени,

прежде чем мы научимся адекватно реагировать на социальные вехи. Так что здесь упреки по поводу телесеансов тоже можно рассматривать как неадекватные страхи, связанные с тяжелым прошлым.—С. III).

И, наконец, следует сказать, заключает В. Файвишевский, что гипноз не единственный, а во многих случаях и не самый эффективный метод из тех, которыми располагает психотерапия. Его можно сравнить с проповедью: она также оказывает своеобразное психотерапевтическое действие и может быть публичной. Но во многих случаях гораздо больший и более глубокий психотерапевтический эффект оказывает исповедь (например, самораскрытие, психоанализ, анализ личности, конфликта, судьбы). Но исповедь не может быть ни публичной, ни массовой.

Какой же я делаю вывод?

Я полагаю, что показанные по ТВ сеансы гипноза полезнее всего тем, что еще раз убеждают в важности научного изучения этого феномена человеческой психики. Не более того.»

(Не удержусь от комментария и здесь. Никогда и нигде Кашпировский не говорил, что сеансы, которые доктор Файвишевский называет гипнозом,— единственный метод психотерапии. Создав свое, он благоразумно не отвергает созданное коллегами. Кашпировский предпочитает сеансы, Файвишевский — индивидуальную работу с пациентом. Пусть сопутствует удача им обоим и всем, кто не жалеет сил для помощи ближним своим.— С. III).

В ту хмурую осень о Кашпировском писали, пожалуй, не меньше, чем летом. Но чем короче становились дни, тем жестче и злее были публикации. Газеты, которые летом удивляли читателей описанием чудес психотерапии, теперь едва ли не состязались друг с другом в поисках несчастных случаев, имевших истоки, в телесеансах. Правда, нередко выяснялось, что информация была ложной, и тогда приходилось давать опровержения. Впрочем, назовите хотя бы одного врача, обходящегося без неудач! За плечами даже лучших хирургов всех времен и народов — кладбища.

Так называемые ошибки врача — далеко не всегда ошибки. Мы — разные, а медицина все-таки нормативна. Она зиждется на постулате, согласно которому то, что помогло одному, должно помочь всем. Но индивидуальные отклонения и особенности смещают вектор врачебной помощи. И вот то, что было благом для одного, стало бедой для другого, лекарство превратилось в яд.

Худший вариант лечения у Кашпировского — это истерическая реакция, излишняя расслабленность. Но ведь не кровь, не смерть, не отравления. Были случаи, когда люди долго не могли выйти из транса. Случались обострения при психических заболеваниях. Но ведь Кашпировский многократно предупреждал об этом, просил не допускать на сеансы таких больных. Когда я писал эту книгу, еще не было результатов статистической обработки почты, пришедшей после телесеансов ЦТ. А по поводу украинских телесеансов лишь в 35 письмах сообщалось о неудачах. На очных сеансах в Киеве зафиксировано 7 случаев ухудше-

ния состояния здоровья, на московских очных сеансах -5 таких случаев. Допускаю, что статистика неполная.

Но если судить по некоторым выступлениям в печати, страну прямо-таки захлестнул поток бедствий, порожденных телесеансами. Вот к примеру, выступление доктора наук В. Лебедева в «Советской культуре» (28 ноября 1989 г.): «После первого сеанса, который был проведен 8 октября по первой программе ЦТ, мы взяли под контроль 35-ю подстанцию «скорой помощи», обслуживающую 650 тысяч москвичей... Во время сеанса и два часа после него вызовов не было. Была тишь. И вдруг вместо обычного спада в вызовах, который бывает вечером, резко возросло число больных, обратившихся к «скорой помощи» в тяжелом состоянии — отек легких, нарушение ритма сердца, гипертонические кризы. Смертность в первые сутки после сеанса Кашпиоровского увеличилась в три раза».

Эти данные слишком серьезны, чтобы равнодушно пройти мимо них. Я обратился за уточнением сведений в московскую службу «скорой помощи». Вот официальная справка по 35-й подстанции: «7 октября было 266 вызовов, 8 октября — 268, 9 октября — 250, 10 октября — 217». Резкого увеличения вызовов что-то незаметно, скорее наоборот. А как со смертностью? «7 октября — 7 констатации смерти, 8 октября — 10, 9 октября (первые сутки после сеанса) — 5 смертных случаев. Эти цифры не превышают средних за месяц».

Как же можно публично (тиражом в несколько миллионов газетных экземпляров) обвинить-своего коллегу в способствовании гибели людей? Откуда взяты явно ложные данные? У меня на полке стоят две любопытные книги доктора В. Лебедева. Теперь я вынужден обходить их стороной: не могу брать на веру приводимые там данные.

В том же номере газеты опубликована статья болгарского врача Тодора Дичева. Она называется совершенно сокрушительно: «Сеансы Кашпиоровского — это психологический Чернобыль». Собственно, это не столько статья, сколько сокращенный вариант выступления Дичева в Институте философии АН СССР. Я был там и записал Дичева на пленку. В очень эмоциональной речи болгарский врач потряс слушателей апокалиптической перспективой, ожидающей наше общество в случае продолжения телесеансов. Он выглядел подкупающе искренним, чрезвычайно обеспокоенным за судьбы народа, и даже вызвал аплодисменты, когда бросил в зал: «Я сказал все и тем спас свою душу!» Правда, потом он заметно смутил слушателей, когда сказал, что единственная возможность у Кашпиоровского сохранить телесеансы — это пригласить к сотрудничеству его, Т. Дичева, очень хорошо понимающего нужды телезрителей.

Я назвал Дичева врачом и засомневался. Сомнения посеяла справка, полученная из болгарского города Пловдива. Вот она, заверенная официальными подписями и печатями: «Сообщения, помещенные в газетах «Советская культура» и «Известия» от 28 ноября 1989 г. и 8 декабря 1989 г. о том, что Тодор Дичев является консультантом и дирек-

тором болгарского Центра биотерапии, не соответствуют действительности. В Болгарии вообще не существует Центра биотерапии».

Неразборчивость в аргументах, неразборчивость в средствах, неразборчивость в авторах — не в традициях демократической прессы. Жаль, что прямая ложь и недоброжелательные домыслы, опубликованные в некоторых газетах, были старательно собраны и выпущены повторно в двух брошюрах огромными тиражами. Фабрика клеветы трудится без выходных...

Не хочу поддаваться личным обидам, но должен здесь сообщить, что эта книга была заказана мне издательством Агентства печати «Новости» как раз в период бума. Руководство издательства, чутко реагировавшее на социальные настроения, не смогло пройти мимо столь популярной личности. Но когда пришло время выпускать книгу в свет, сработала конъюнктура со знаком минус. Официозное издательство не решилось пойти против «общественного мнения». Договор был беспардонно расторгнут, несмотря на некоторое сопротивление редактора и автора. Чего добились? Книга о Кашпировском нашла своего читателя с опозданием почти на два года.

Остановлюсь на еще одной газетной кампании, связанной с «разоблачением» Леси Юршовой.

Вот статья, которая называлась «Цена сенсации».

«Многие, конечно, помнят на телеэкране улыбочивое лицо этой молодой женщины, которую без наркоза оперировали по поводу грыжи в тбилисском Институте клинической и экспериментальной хирургии.

В роли анестезиолога в этом телевизионном шоу выступал находившийся в Киеве его организатор и режиссер-постановщик психотерапевт А. М. Кашпировский.

— Да, я действительно улыбалась,— рассказывает мне Леся Юршова.— Но если бы кто-нибудь только знал, чего стоила эта улыбка и те песни, что начала петь, лишь бы заглушить чудовищную боль, которая мучила меня с первой минуты операции до последней.

Все, что было связано с этой операцией, оказалось нагромождением лжи, в которой, каюсь, самое активное участие приняла и я. Посещающая платные сеансы Кашпировского в его киевском кооперативе, у меня, как и у большинства людей, появилась беспредельная, безграничная вера в Кашпировского. И когда Анатолий Михайлович предложил мне оперироваться без наркоза, даже тени сомнения не возникло. К тому же он пообещал, что после операции излечит мои многочисленные болячки, что я похудею и что меня ждут поездки в зарубежные страны с рекламой его метода телевизионной анестезии. При этом Кашпировский заверил меня, что никакой боли не будет («как комарики кусают»).

Я настроилась на улыбку. Как бы ни было — улыбаться, чтобы не подвести Кашпировского. Подкрашенные глаза, маникюр, румяна, серьги, кольца на руках, заколка на голове (это на операционном-то

столем!)—и все это ради него, чтобы хорошо выглядеть. А потом началось...

Боль была ужасная. Кстати, как потом я узнала от медиков, мне можно было давать наркоз. Его просто надо было подобрать толком

Пять дней перед операцией я себя настраивала: что бы ни было в операционной, твои мозги должны работать только на Анатолия Михайловича, на его престиж. И, по-моему, я неплохо подыграла ему. Но чего мне это стоило!... Я задыхалась от боли. Я была сама боль: мозг работал, а все остальное отупело от нее. Но улыбалась, пела. В отснятом фильме показывали мое лицо, улыбку. А руки — нет. Руки у меня ходуном ходили, меня держали, я царапала тех, кто стоял у операционного стола. Но терпела, потому что мне так хотелось помочь Кашпировскому осуществить его мечту провести полостную операцию с обезболиванием пациента на расстоянии. По этой же причине, как она мне призналась потом в палате, сумела сдерживать крики и стерпеть самую дикую боль и вторая оперируемая — Оля Игнатова...

Мне стыдно, что я молчала так долго. Но все надеялась, верила, что после того, как во имя Кашпировского вытерпела операцию без обезбоживания, теперь он выполнит свои обещания и займется моим здоровьем. Но увы... После операции, которая стала для Анатолия Михайловича еще одной ступенькой на Олимп славы, моя судьба сделалась для него безразличной, о чем он мне и сообщил. Попросил не надоедать своими жалобами и просьбами.

Со дня операции прошло восемь с половиной месяцев. Заживление раны плохое, она до сих пор гноится. Медленное заживление врачи объясняют возможным влиянием того болевого шока, который я перенесла во время операции. Кроме того, у меня ухудшилось зрение, теряется слух. Появились головные боли, боли в сердце, аллергия, быстро утомляюсь, не худею, еще прибавила в весе. Но стоило мне в украинской молодежной телевизионной программе «Гарт» сказать, что меня обманули, телефон в моей квартире не умолкает. Звонят, угрожают, запугивают...

К этому остается добавить, что рассказ Леси Юршовой, может быть, несколько отрезвит тех, кто готов сегодня слепо верить в любые нетрадиционные методы лечения, и заставит тех, кто руководит нашим здравоохранением и наукой, наконец-то заняться настоящим анализом деятельности официально признанных экстрасенсов и кудесников. А пока что о чудесных исцелениях в результате телесеансов Кашпировского мы узнаем от ... самого Кашпировского, слушая зачитываемые им телеграммы.

Наша газета уже писала о ненаучности подобного подхода к результатам телеэксперимента, об отсутствии объективной статистики, которая учитывала бы близкие и отдаленные последствия телетерапии. Конечно, когда в аптеках нет даже анальгина, когда к любому врачу в поликлинике выстраивается многочасовая очередь, людям проще лечиться перед экраном телевизора. Но складывается впечатление, что

и нашему Минздраву проще и приятнее именно так проводить перестройку в отечественном здравоохранении и именно таким способом восстанавливать в нем социальную справедливость.

Сергей Киселев, соб. корр. «Литературной газеты» по Украине»

Спустя два дня после этой публикации я присутствовал на выступлении Кашпиrowsкого в одном Дворце культуры. Он был совершенно потрясен.

— Я в полном недоумении, ничего не понимаю,— сказал он.— Леся не отдает себе отчета, что своей ложью нанесла телепсихотерапии непоправимый ущерб. Она, конечно, когда-нибудь раскается, но все равно без следа это пройти не может.

— Что вы сделаете, если она придет к вам просить прощения?

— Обниму и скажу: «Что же ты, дурочка, наделала?»

— Это будет означать примирение?

— Это значит, что я ее люблю. Ее и Ольгу Игнатову. И буду любить, что бы ни случилось!

Редакция «Литературной газеты» не стала настаивать на расследовании обстоятельств тбилисской операции. Не стала, потому что спустя три недели после сенсационной публикации Леся Юршова, заявила, что отказывается от своего интервью, что все сказанное там не соответствует действительности.

У меня есть запись беседы с Лесей, сделанной на Ленинградском телевидении. Юршова выглядела очень обескураженной. Она объяснила, что ощущала потребность в общении с Анатолием Михайловичем. Но он в это время был очень занят, редко приезжал в Киев, а когда приезжал, то от него не отходили журналисты и телевизионщики. Ей стало обидно, а тут еще кое-кто начал объяснять, что для Кашпиrowsкого она человек ненужный, отработанный материал, все, что мог использовать, он уже использовал и теперь даже говорить с ней не хочет. Лесе стало еще обиднее. Она пошла на телевидение и там встретила телекомментатора Щербачева, которого раньше видела с Кашпиrowsким и поделилась с ним своими горестями. Но тот сразу повел ее к телекамере, дал микрофон, стал задавать вопросы, которые распалили ее еще больше, и она решила отомстить Кашпиrowsкому за свою обиду, досадить ему. Потом появился Сергей Киселев из «Литературной газеты». Ему она тоже сказала все так, чтобы побольнее уязвить Кашпиrowsкого. Позднее ей предлагали снять в небольшой ленте, чтобы окончательно разоблачить Кашпиrowsкого. Обещали большие деньги. Это ее отрезвило, она поняла, что заигралась, и решила сказать, наконец, всю правду.

В этой полукриминальной истории многое в тумане, ясно лишь, что Леся — натура неуравновешенная и безответственная. И еще ясно, что у Кашпиrowsкого немало недругов, готовы на «подвиги». Правда, тех,

кто предлагал деньги, Леся не назвала, сказала, что знает их лишь по именам. А более всего не ясна мне позиция газеты. Ведь работают там серьезные, солидные люди. Они не могли не считаться с очевидным фактом, что миллионы людей видели тбилисскую операцию на своих тете Кранах, видели, как Леся улыбалась, как пела «Подмосковные вечера». Что же, нас совсем идиотами считают? Своим глазам-то мы пока еще верим.

В Ленинградской студии Юршову спросили:

— Вы раскаиваетесь в том, что сделали?

— Конечно,— ответила она.— Если бы меня спросили, какая самая участливая минута в моей жизни, я бы сказала, что та, когда мне разрешили живот и я поняла, что мне не больно.

Но я и не собираюсь в этой книге «давать отпор» всякому недоброжелательному высказыванию. Замечу лишь, что складывается впечатление, будто кто-то решил: чем беспардоннее ложь, тем большее впечатление она произведет не столько из-за очевидной нереальности, сколько из-за оглушительной неожиданности. Однако не будем создавать образ врага, искать злоумышленников. Если кому-то и выгодно оторвать Кашпиrowsкого от лечебной практики, то только не миллионам больных, нуждающихся в помощи и поддержке.

Под аккомпанемент постоянных обвинений Кашпиrowsкий стал легкой добычей карикатуристов, эстрадников, пародистов, еще недавно воздававших ему хвалу. Интересно, смеялись ли над их новогодними пародиями дети, избавившиеся от энуреза, киевлянка Л., у которой ре стало порока сердца, или те тысячи больных людей, связывавших И связывающих свои надежды с именем Кашпиrowsкого?

Я не врач, но тем не менее понимаю, что лечебный эффект сеансов Кашпиrowsкого во многом основан на вере людей в этот эффект (заметьте на вере людей, а не на власти над людьми!). Интересно, создают ли пишущие медики и не медики, что, безосновательно подрывая веру в Кашпиrowsкого и его авторитет, они мешают выздоровлению многих людей? Недаром же сообщения об отрицательных результатах появились в ноябре-декабре 1989 года, когда критика Кашпиrowsкого очень быстро превратилась в травлю.

Надо сказать, что в наши времена тотальной гласности центральная пресса при всем уважении к ней не всегда и не во всех вопросах Достаточно полно отражает мнение граждан. В конце 1989 года по главным газетам и журналам катилась волна критики и брани в адрес Кашпиrowsкого, а страна дала свои оценки знаменитому психотерапевту. Республиканские и городские газеты по-прежнему восхищались им. Рижская газета «Советская молодежь», имевшая подписчиков по всей Стране, провела опрос среди читателей, в котором самым авторитетным и популярным мужчиной 1989 года был назван Кашпиrowsкий. Он опередил знаменитых политиков, актеров, экономистов. Люди посчитали лечение и умиротворяющие проповеди Кашпиrowsкого **более весомым** аргументом в плебесците, чем политические лозунги.

Меня удивляет нелюбознательность психологов и психотерапевтов, борющихся с Кашпировским. Мне, не специалисту, страшно интересен механизм воздействия слова на организм, пределы этого воздействия, варианты индивидуальных возможностей врача и пациента во время сеанса психотерапии, избирательность воздействия словом. До сих пор мы знали, что слово может воодушевить, повести, заставить смеяться или плакать. Слово может даже убить. Но срассить межпредсердную перегородку или избавить от грыжи...

Неужели уважаемым докторам наук все здесь ясно? Тогда пусть они объяснят нам, несведущим, как и почему излечились тысячи людей, сидевших у телевизоров (не все, конечно, но в масштабах страны один процент — десятки тысяч, а здесь процент не один). И почему другие не излечились? И можно ли сделать так, чтобы тем, кто не излечился, сеансы все-таки помогли? И не оставляет меня мысль: а вдруг Кашпировский поможет нам находить волшебные слова и установки для того, чтобы мы сами могли снимать свою боль, или сердечный приступ, или нормализовать давление. Вылечил же себя смехом и анекдотами Норман Казинс. Уверяю, тут есть над чем подумать...

Недоумение по поводу позиции некоторых специалистов не покидает меня после встречи с учеными, которая проходила в Центральном доме литератора. Там обсуждали проблемы психотерапии и под напором недоброжелателей Кашпировского негативные интонации зазвучали даже у тех, кто вроде бы хотел сказать добрые слова. Настроение переломил Василий Захарченко, многолетний боевой редактор журнала «Техника — молодежи», отправленный на пенсию за строптивый характер.

«Всю жизнь,— сказал он,— я занимаюсь необыкновенными людьми. Здесь и Роза Кулешова, и Нелли Кулагина, и многие другие, одаренные чем-то невероятным, что, к сожалению, нашей наукой ни в какой мере не освещено. И те истории, которые мы слышали сегодня, в этом зале, чудесные истории из жизни животных и людей, даже не посягают на углубленный анализ, на попытку понять суть **любых** удивительных процессов. В моем представлении это логически увязано с неприятием всего нового. Вспоминаю, сколько подзатыльников мы получили на всех уровнях, начиная от отдела науки ЦК КПСС, когда в свое время опубликовали статью Тимофеева-Ресовского о генетике. «Вы же знаете, говорили мне, что ориентироваться надо на Т. Д. Лысенко и его идеи». А что творилось, когда мы первыми в Советском Союзе поместили статью академика Колмогорова, связанную с кибернетикой?! Тогда в наш адрес полетели упреки в пропаганде «буржуазной идеалистической лже-науки». Стоило нам опубликовать статью об иглоукаливании— а это тоже была первая такая статья,— как мне позвонил министр здравоохранения с упреками, что мы, дескать, навязываем метод, ведущий к заражению крови. Новое всегда принимают в штывки!

Я, как и многие, совершенно скептически относился к Кашпировскому. Жена едва уговорила меня посидеть у телевизора. Я смотрел сеанс с подначками, с издевками. И точно так же — второй сеанс. А через три дня у меня исчезло варикозное расширение вен, которое я носил почти пятьдесят лет. При том заметьте, я совершенно не гипнабелен. Меня пытались загипнотизировать Райков, потом другие гипнотизеры — тщетно.

Как инженер могу сказать, что лечение биополем через телевизор — нонсенс, бред. Чумак посылает свои импульсы в эфир, они идут на спутник, с него — на локационные установки, оттуда к вам в телевизор. Простите, о каком поле здесь может идти разговор! Телевизор ведь не живое существо! Но результат, лечебный результат есть! И это главное.

Но даже самые невероятные факты поддаются объяснению. Вспоминаю диспут с моим постоянным оппонентом профессором Китайгородским. «Вы черт знает что печатаете в своем журнале, — заявил он однажды, например, что Иисус Христос ходил по воде, а по воде ходить невозможно». Мы опубликовали это в «Технике — молодежи» и получили несколько сот писем. В одном из них студент из Днепропетровска писал: «Я воднолыжник, при скорости катера 30 км в час я умчусь на лыжах и вода подо мной твердая, как стекло. Вы скажете, что Христос вряд ли пользовался водными лыжами. Да, но при скорости катера 60 км в час любой из наших ребят будет мчаться по воде на голых пятках». Значит, в принципе может человек двигаться «по воде аки по суху». Как Христос мог набрать нужную скорость — это уже другой разговор.

Здесь возмущались, что Кашпировский, Джуна, Чумак умело создают в народе свой авторитет. А где бы они были без этого умения? У меня на глазах Комитет по науке и технике заблокировал сотни, тысячи гениальных проектов и изобретений. Есть множество способов загубить новое. В отношении Кашпировского «Литературная газета» делает это с помощью оскорбительных ярлыков, мой друг Ярослав Голованов — с помощью злой иронии. А может быть, лучше взять на себя труд разобраться?»

Выступление Василия Дмитриевича Захарченко выслушали под аплодисменты, хотя зал ЦДЛ был настроен скептически. Это вообще тяжелый зал. Летом 1989 года в самый разгар своего триумфа Кашпировский выступил там. Он с радостью согласился «встретиться с писателями». Я видел, что ему хотелось поделиться своими литературными познаниями, рассказать о заветном, почитать стихи, послушать «властителей дум». Но в зале были в основном писательские родственники Да околелитературные дамы. Известно, что это публика — весьма консервативных привязанностей, неофитов здесь встречают настороженно. А когда Кашпировский стал читать Тютчева, Блока и Пушкина, его начали захопывать. Как порох, вспыхнула неприязнь. Встреча прошла весьма напряженно.

Не только в этом зале, но и в других аудиториях, где собираются люди, связанные со сферой искусства, литературы, науки, культуры, отношение к Кашпировскому кажется несколько настороженным. Почему? По-моему, это связано с тем, что в интеллигентской среде повышенное внимание уделяют репутации человека. А о Кашпировском чего только не писали! Причем обвинения нередко носили определенно криминальный оттенок. А это настораживает, хотя люди попроще и относятся к таким вещам попроще. Какие-то нелепые обвинения отпали, но какие-то остались без ответа, поскольку невозможно постоянно оправдываться. К тому же Кашпировский не раз допускал досадные ошибки (как, например, со словом «толпа»), а это понимают и прощают не все и не всегда.

Конечно, можно по-разному относиться к этому психотерапевту. Кому-то не нравятся его глаза, кому-то прическа, кому-то повелительные интонации, кому-то кажется, что Кашпировский слишком хмур и слишком много цитирует стихов. Все это дело вкуса. Мы вообще привыкли к телевизионным шоу и невольно искали в телесеансах именно элементы такого шоу.

А Кашпировский думал не о том, как развлечь, а о том, как вылечить. И телевидение ему было нужно, чтобы расширить аудиторию, поскольку нуждающихся в его помощи не вместят все залы нашей страны вместе взятые. Повторяю, можно думать об этом враче все, что угодно. Но самое глазное для врача — лечить. Лечит же Кашпировский удивительно успешно.

Однако, несмотря на поразительные результаты этого лечения, нас все настойчивее подталкивают к тому, чтобы приготовить бульон из курицы, несущей золотые яйца. Что же, наше общество уже не раз совершало подобные операции. Правда, потом мы спохватывались и очень жалели об уехавших или ушедших.

Я пишу эту главу, когда, словно булыжники, продолжают громыхать уничтожительные статьи, когда вконец издерганный Кашпировский уехал в турне по Америке и другим странам и никому не известно, когда он вернется на Родину.

Но я не сомневаюсь, что с Кашпировский все будет в порядке: чрезвычайно нужен он стране. Кашпировский, уверен, вернется на наши телеэкраны, причем не обязательно это будут сеансы, к которым уже успели привыкнуть. Он придумает что-нибудь новое и неожиданное. Маятник удачи вот-вот качнется в другую сторону...

Кашпировский говорит начистоту

В собеседнике привлекает откровенность. Хуже нет, когда он говорит одно, а в мозгу прокручивает совсем иное. Или как-то еще вуалирует свои мысли и поступки. Много общаясь с Кашпировским, я в каждом новом разговоре с удовольствием убеждаюсь в его полной открытости, абсолютной готовности рассказать совершенно все, что он знает и думает о предмете беседы. Эта почти детская распахнутость и откровенность столь доминантна в его поведении, что при обстоятельствах современного московского политеса, когда приходится о чем-то умолчать, недоговорить или схитрить, нечастое лукавство Кашпировского видно невооруженным взглядом. Это не его стихия.

Так что Кашпировский — привлекательный собеседник. Эта привлекательность возрастает, когда убеждаешься в том, сколь точно он умеет выразить свою мысль, сколь богата и образна его речь. Впрочем, на это мог обратить внимание каждый, кто внимательно вслушивался на его сеансах. Но одно дело сеансы, особенно телесеансы, обращенные к миллионам, а совсем иное — беседы с глазу на глаз.

Анатолий Михайлович не возражал, если во время таких бесед я включал диктофон, немного свидетеля наших бесед. Порой трудно было проложить грань между дружескими разговорами и журналистскими интервью — заготовками для этой книги. Трудно, потому что Кашпировский был одинаково откровенен в обеих своих ипостасях. Случалось, что не желая спугнуть предельную откровенность собеседника, я предлагал выключить диктофон. «Зачем? — удивлялся Кашпировский. — Если вы сочтете нужным, можете вставить в книгу абсолютно все, о чем мы с вами говорим.»

Я решил воспользоваться этим разрешением и опубликовать наиболее важные и интересные, на мой взгляд, фрагменты наших бесед. Те, которые, как мне кажется, хоть в малой степени приоткрывают завесу над тайной, загадкой, проблемой, которую можно было бы назвать феноменом Кашпировского.

О гипнозе и «гипнозе»

Вот одна из записей, имеющая самое непосредственное отношение к скрытым от глаз пружинам сеансов Кашпировского.

— И специалисты, и журналисты, и обычные рядовые телезрители упорно называют то, что вы делаете, гипнозом. Подозреваю, что здесь имеет место просто различное толкование одного и того же термина. Не проще ли вам с вашими оппонентами договориться о том, что понимать под термином «гипноз»?

— С этим термином, кажется, все ясно. В любом учебнике, в любой энциклопедии он истолковывается вполне определенно. Хипнос — по-древнегречески сон. Под гипнозом понимают состояние суженного сознания, дремотное состояние, вызванное и управляемое другим человеком. А бывают и иные формы, скажем, так называемый дорожный парагипноз, когда мелькающие дорожные столбы могут вызвать у шофера суженное сознание, переходящее в сон. Это гипноз, вызванный не другим лицом, а определенными обстоятельствами. "

В любом случае гипноз подразумевает воздействие на психику с последующим ее переходом в дремотное состояние или в состояние суженного сознания. Вот что такое гипноз.

— Это классический вариант?

— Да, это считается классическим вариантом. Именно так. Уточнить формулировку можете в учебниках. Но я, врач с почти тридцатилетним стажем, понимаю его так.

Не только гипноз, но и любое воздействие психолога или психиатра считается воздействием на психику. Собственно, к этому всегда традиционно сводилась работа психотерапевта: коррекция нарушенной психики. Вспомните работы Фрейда. А воздействие на психику эффективно тогда, когда снижено критическое начало. Даже есть у психотерапевтов такое выражение: «Внушение приходит не с переднего крыльца, а с черного хода, минуя сторожа — критику». Считается, что если этот сторож усыплен, то можно беспрепятственно проникнуть в мозг и дать ему необходимую установку.

Например, человек боится темноты. Его погружают в гипнотическое состояние. В этом состоянии он уже не очень зорко караулит врача, который с ним общается, без всякой критики, с полной готовностью подчиниться воспринимает его слова. И когда гипнотизер говорит: «Вам не страшно!», эти слова воспринимаются как безоговорочное руководство к действию, запечатлеваются в мозгу, и человек отныне действует по программе «мне не страшно».

Бывает, что нужно человеку что-то внушить, а он не поддается гипнозу. Тогда прибегают к определенным медикаментам. Это уже наркогипноз. Помню, в Харькове слушал курс лекций профессора Марии Эмильевны Телешевской. Речь шла о наркопсихотерапии. Так вот, чтобы установки беспрепятственно воздействовали на психику, в лекциях предлагалось давать препараты, снижающие активность мозга. Человек как бы дурел, а в этот момент ему внушалось: вы не заикаетесь, у вас прошли навязчивые состояния, прошла импотенция. Не думаю, что столь бесцеремонное вторжение химии в мозг, в психику проходит бес-

следно. К тому же и эффективность воздействия при таком методе не убедительна. Но все это так, к слову.

Вернемся к гипнозу.

— Да, есть ли у гипноза какие-то материальная, биохимическая основы?

— Все имеет материальную основу. Как иначе? Смотрите, если человек под гипнозом вдруг засыпает, хотя до этого он спать не хотел, значит в крови появляются какие-то вещества, способствующие засыпанию. То есть снотворные вещества эндогенного происхождения, выработанные самим организмом под воздействием внушения.

Вот тут мы подходим к главному. Предположим, человека надо обезболить без наркоза. Это удавалось не мне одному, вы знаете. Если следовать логике, о которой мы сейчас говорили, то надо сперва усыпить человека, заставив организм выработать снотворные, а только потом обезболить, стимулировав выброс в кровь морфиноподобных веществ, делающих нас нечувствительными к боли. Бывает и так. Но организм мудр, слишком емкую задачу он решает наиболее рациональным путем: вырабатывает только обезболивающие вещества, минуя стадию выработки снотворного, потому что без него можно обойтись.

— Но это совсем другая установка?

— Конечно, прямая установка на обезболивание. Без предварительного усыпления, то есть без гипноза. И в массе других случаев возможны прямые установки без гипноза.

■ — Да и в бытовом общении мы воздействуем друг на друга без всякого гипноза. Смешим, злим, делаем приятно, делаем больно, радуем, огорчаем, доводим до слез, пугаем, делаем счастливыми.

— Совершенно верно. Все влияют на всех. Но это, как правило, хаотическое, случайное, мало управляемое влияние. А тот, кто придает этому влиянию стройность, направленный характер, называется, знаете как? Психотерапевтом!

Он психотерапевт, потому что сознательно и профессионально организует воздействие на психику и через психику, а не потому что гипнотизирует. Но в сознании людей преобладает старая догма: психотерапия — это гипноз. И создали эту догму, к сожалению, поколения психотерапевтов, полагававших, что главное — это усыпить сознание.

Но я ничего не усыпляю. Я предпочитаю создавать ситуацию при сеансах, когда в организме вырабатываются те лечебные вещества, которые нужны при язве желудка, или псориазе, или диабете, или вещества, влияющие на обменные процессы.

О нарушении границ

— Классическая психотерапия убедительно трактует и обосновывает воздействие на психику. Я понимаю, что у вас в руках всего лишь практика. Это немало, если суммировать все достигнутое. Но давайте

попробуем обосновать ваш прорыв в воздействие на органические заболевания.

— Как я понимаю психотерапевтическое лечение органических заболеваний? Не через психику на психику, как принято считать, а через психику — на тело, на сому.

Привычное поле деятельности психотерапии — неврозы, неврозоподобные состояния, неврастения, навязчивые мысли. Медицина жестко поделила человека на части и строго-настрого запретила узким специалистам нарушать границы. Глаз — офтальмолог, желудок — гастроэнтеролог, кожа — дерматолог, нервная система — невропатолог, психика — психотерапевт, сердце — кардиолог. Но жизнь опровергает эту бюрократическую систему. Все чаще мы задумываемся о том, что надо лечить не болезни, а человека, что надо не расчленять организм, а воспринимать и лечить его как единое и неделимое целое, где все накрепко взаимосвязано.

— Вы хотите сказать, что психотерапевт...

— Я хочу сказать, что у врача любой специальности есть некоторое количество пациентов, которых можно привести в порядок средствами психотерапии, то есть воздействуя через психику на тело.

Пусть Федоров и Утехин продолжают столь же успешно избавлять людей от близорукости и дальнозоркости, но ведь есть и у меня примеры, когда люди снимали очки, когда уходила катаракта, когда рассасывались рубцы на глазном дне, когда проходила глаукома. Ни в коем случае не претендую на поголовное исцеление. (Впрочем, даже Федоров не всех вылечивает.) Почему бы психотерапевту не внести в офтальмологию, как говорится, «свои пять копеек»?

Кто из дерматологов или косметологов избавлял людей от лысины или заставлял потемнеть седые волосы? Вы помните немецкую артистку, у которой на голове и на лице не было даже намека на волосы. Потом ее показывали по телевидению: при бровях, при ресницах, при красивой натуральной прическе. Вы знаете о сотнях случаев потемнения седины. По-моему, никто из медиков всерьез даже не пытался бороться с сединой.

— Седина — не болезнь.

— Не болезнь, но признак старости. Кто знает, убирая седину, мы, быть мол-сет, даем задний ход и каким-то другим признакам старения организма?

Посмотрите статистику, которая хранится в нашем центре. Интереснейшие случаи, когда проходит гайморит, тонзиллит, рассасываются полипы. Масса примеров. Понятно, что грыжа — компетенция хирурга. Однако зафиксированы случаи, когда после сеансов не потребовалось операционного вмешательства при пупочных, паховых, диафрагмальных грыжах.

О проценте попадания

— У вас большой процент «попадания» с теми же грыжами?

— Процент не назову, но случаев много. А закономерностей попадания я пока не нащупал. Вы удивитесь, если я скажу, что у моего сынишки до сих пор, небольшая пупочная грыжа. И я его не вылечил. Хотя, конечно, пытался. Я шел своим обычным путем через психику. Шел, но на что-то наткнулся. Никак не доберусь до его внутренних резервов. Они пока наглухо закрыты плотно притертой пробкой. И раскрутить эту пробку очень трудно. То ли он протестует, не дается, то ли какие-то обстоятельства мешают, то ли просто в этой его закрытой «пробирке» не производятся вещества, которые киллоидную ткань растворяют. Но примеров удачного лечения других людей, повторяю, много.

— Что значит «много»? Вы же понимаете, что «много» или «мало» — это не разговор.

— Хорошо. Вот самый последний пример. В Иркутске я три дня проводил очные сеансы. За это время было зафиксировано более 150 случаев исчезновения паховых и пупочных грыж. Это результат и телесеансов, и очных сеансов. Можно даже процент вычислить: на сеансах за 3 дня было 18 тысяч человек. Значит, грубо говоря, каждый сотый избавился от грыжи.

— Но, простите, не каждый же пришедший страдал от этой болезни. Процент здесь не просчитывается, но цифра все равно выглядит внушительно.

— Да. А возьмите варикозное расширение вен. Как и грыжи, это заболевание не психогенного характера. Причиной варикоза бывает травма, повышенная свертываемость крови, анатомические особенности, образ жизни, генетика. Но независимо от причины — проходит. Можно назвать десятки болезней, поддающихся воздействию на сеансах психотерапии. Причем излечение от каждого из заболеваний многократно подтверждено медицинскими документами, результатами объективных обследований.

— Вы говорите: «через психику — на тело». Значит, психика в данном случае играет роль некоего трансформатора вашего воздействия, да? Но если я вас правильно понял, то при гипнозе, когда сознание слегка задурманено, и при психовоздействии при ясном сознании роль этого трансформатора совершенно различна?

— Очень хорошо. Психику в данном случае можно сравнить с трансформатором, можно с призмой. Гипноз лишь замутнит эту призму. И тогда через замутненную оптику не пробьется луч воздействия психотерапевта, как бы силен он ни был.

О «болезнях Кашпировского»

— Если вы пока не можете более или менее определенно типологизировать людей по отношению к вашему воздействию, то есть зара-

нее говорить, кому вы поможете, а кому не очень, то возможно есть какие-то особые признаки у заболеваний, при которых вы помогаете чаще всего. Целый ряд заболеваний люди на сеансах называют особенно часто. Я даже как-то слышал: «Это болезнь Кашпировского, здесь он поможет». Есть ли, на ваш взгляд, что-то общее у этих болезней?

— Да, закономерности есть. Замечено, что наилучшим образом воздействию поддается рубцовая ткань. Зафиксированы многие тысячи случаев рассасывания рубцовой ткани. Думаю, что здесь можно довольно уверенно говорить о выработке под влиянием психотерапевтического воздействия особых веществ организма, которые растворяют эту ткань. Это значит, что исчезают не только косметические дефекты—шрамы, швы, дефекты кожи, но и более серьезные повреждения: контрактуры, мешающие движению; сужение пищевода в результате ожога; непроходимость в пищеварительной системе; спаечная болезнь; рубцы на глазном дне, на барабанной перепонке, наконец, на сердце.

Но о методе лечения, по-моему, говорить пока рано. Это лишь первая тропинка к методу. Показать, что есть такая возможность—это первые шаги к лечебному методу. Второй шаг—расшифровка биохимической формулы излечения. Третий шаг—создание на этой основе лекарственных препаратов и их практическое использование.

О невнимании к больным

— Вы знаете, в чем вас чаще всего упрекают? В невнимании к больному человеку. Мы привыкли мечтать о враче, который, прежде чем выписать лекарство, поговорит, обо всем расспросит, даст советы. Порой от одного такого разговора, от того, что ты почувствовал внимание к себе, становится легче, даже если лекарства не помогли. А вы постоянно просите больных не говорить вам, чем они страдают. У людей создается впечатление, что лечить вы их не хотите и сами они вам совершенно не интересны.

— У многих людей под влиянием легенд о гипнозе сложились примитивные представления о работе психотерапевта. Пациент хочет прийти ко мне в кабинет и сообщить, что у него грыжа, подробно рассказать о том, что он чувствует и, желательно, показать мне все, что можно. И он ждет, что я его внимательно выслушаю, порасспрошу кое о чем, попрошу расстегнуть пиджак, лечь, потом удобно сесть. Потом скажу: «Расслабьтесь! Закройте глаза!» Короче говоря, он ждет многократного описанного в литературе сеанса, при котором я буду проникновенно шептать: «Грыжа проходит, грыжа проходит!»

А она возьмет и не пройдет, пусть хоть все психотерапевты мира тысячу раз скажут, что она проходит. Не пройдет и правильно сделанная—мало. Доминантная мысль о грыже так сильна, что и в гипнотическом состоянии она давит над всем, остается как бы на вершине сознания.

А я действую на подсознание. Если человек сидит в зале или перед телевизором и слышит о сотнях примеров, когда прошло то другое, третье, он невольно начинает удивляться и столь же неосознанно возникает установка на то, что у него, как и у многих сидящих в зале, может пройти **что-то, что-нибудь**.

— Даже если он вам не верит?

— Даже если ему не верится, что такое возможно. Даже если он меня ненавидит. Все равно он видит реальных вылечившихся людей. В нем подсознательно оседают впечатления о необычном. Подсознательно. А в подсознании сложным кибернетическим способом зафиксирована вся информация о состоянии организма. И вот каким-то образом подсознательные впечатления наложились на закодированную информацию о болезни. Возможно, при этом сыграли свою роль какие-то воспоминания и впечатления, услышанный в детстве рассказ о бабке, заговаривающей болезни, остались в подсознании обрывки вещего сна. Не знаю. Но вдруг зазвучали в подсознании точки проекции больной ткани. Удачное наложение расшифровало код, которым была запечатана система выработки внутреннего лекарства, стопроцентно помогающего при этой болезни.

Человек сидел перед телевизором, пил чай или пиво, подшучивал над тем, что видел на экране. Сеанс кончился, человек говорит: «Чепуха! Меня не взяло», потому что не крутил головой, а завтра пошел в ванную и понял, что грыжи-то и нет. Такое бывало тысячи раз.

То, что я сказал, конечно, не более чем гипотеза. Пока нет лабораторно полученных данных, можно говорить только о гипотезах. Но мне кажется, что при всех индивидуальных различиях многие, «звучащие точки» лежат не очень глубоко, целый ряд заболеваний закодирован так, что относительно легко поддается психотерапевтическому воздействию. Грех не использовать психотерапию при их лечении хотя бы в качестве одного из средств возможного воздействия.

Мне не обязательно знать, чем страдает пациент, потому что я невольно могу передозировать воздействие. А главное — он сам не должен акцентировать свое и мое внимание на какой-то определенной болезни. Этим легко «спугнуть» возможное выздоровление.

Пусть люди не обижаются на кажущееся невнимание к ним. Все мои мысли, все действия направлены на то, чтобы как можно успешнее помогать им, избавлять их от болезней.

Об обратной связи

— Да, отсутствие у вас информации о грыже пациента еще ни разу не привело к увеличению грыжи или к какому-то связанному с ней обострению. Все имеющее отношение к сеансам неприятности, по моим наблюдениям, случались лишь в сфере психики. Это либо легкая головная боль, легкая тошнота, давление, сонливость, транс, либо — что

гораздо серьезнее — обострение психического заболевания. Тут есть, видимо, какая-то закономерность?

— Конечно. Давно я уже понял, что с помощью психотерапии тело можно вылечить легче и быстрее, чем психику. Этим лечением тела, только этим я и занимаюсь на сеансах в залах и на телесеансах. — А коллеги, которые всегда лечили лишь психику, невольно подходят ко мне со своими мерками. Хотят, чтобы я лечил тело точно так, как они лечат психику.

— Как мы уже говорили, они и не только они недовольны, что в ваших контактах с больными связь лишь односторонняя: от вас — к пациенту. А для контроля, по их мнению, требуется, чтобы вы знали, что в момент лечения происходит с больным.

— Они исходят из своего опыта, согласно которому, и это совершенно справедливо, взаимный контакт необходим при психических заболеваниях. Я с этим согласен и много раз повторял, что при таких заболеваниях человек не должен присутствовать на телевизионных сеансах. Правда, зафиксировано немало случаев, когда и при этом происходили значительные улучшения. Но порой эпилептики получают от телесеансов помощь, а порой обострения. Рисковать нельзя, я здесь за строгий контроль.

Что же касается головных болей, пролонгированных трансов и подобных проявлений, то они ведь тоже из области воздействия на психику, а не на тело. На очных сеансах я снимаю эти проявления мгновенно. На телевизионных тоже не сложно создать профилактический фон, снимающий проблему.

Правда, плохую услугу оказали здесь нападки в прессе с навязчивым смакованием обострений, чаще всего — мнимых.

— Вы уверены, что сможете создать такую защиту? Есть люди, которые впадают в транс еще до начала сеанса. Им достаточно увидеть вас, чтобы тут же закрутить головой или замахать руками. Успокоить их вам во время встречи удавалось далеко не сразу.

— Стив Борисович, я ведь специалист, я знаю, как это делается. Что, объяснить вам сейчас эту процедуру?

— Почему бы нет? Хотя бы в двух словах, если можно.

— В двух словах. Нужно устроить встречу или встречи с главной установкой — не впадать в транс. Не сеанс, а просто встречи. А потом и сеансы пойдут без трансов.

О слове «психотерапевт»

— Порой создается впечатление, что вы и остальные психотерапевты занимаетесь совершенно разным делом, просто разные профессии: они лечат психику, а вы — тело.

— Знаете, я много лет работал с людьми, у которых нарушена психика, причем работал по общепринятым методикам и вполне успеш-

но. Эта работа требует индивидуальных контактов. Сеансы здесь не подходят.

Но вы правы в том смысле, что само слово «психотерапия» подразумевает лечение психики. А я через психику лечу тело. Я давно чувствовал это несоответствие, но другого слова, обозначающего мою работу, нет. Мне нравится точный термин «экстрасенсорика» — сверхчувствительность. Но этот термин уже занят другим понятием.

— Новое слово приходит, когда появляется новое понятие. Вот появился психотерапевт вашего направления работы. Надеюсь, что направление получит развитие, распространение. Тогда и родится новый термин. По-моему, самое главное — сказать новое слово, а термин для его обозначения придет.

О Чумаке

— Так получилось, что вы и Чумак появились на телеэкранах почти одновременно. В прессе ваши имена тоже рядом, особенно в критических выступлениях. Нетрудно догадаться, что оба вы не в восторге друг от друга. Вы можете сказать, какие у вас причины плохо относиться к Чумаку?

— Я не принимаю разговоров о конкуренции. Речь ведь идет не о торговле. Лично мне Чумак вполне симпатичен: приятное лицо, интеллигентные манеры. Возможно, он хороший парень. Но с позиций того дела, которым я занимаюсь, отношение у меня к нему особое.

Оно связано с тем, что объяснения Чумака совершенно сбили с толку очень многих телезрителей. Я воздействую словом, мимикой, интонацией — всем арсеналом реальных средств психотерапии. Чумак апеллирует к биоэнергии, космическим потокам, подзарядке. Предполагать, что все это как-то трансформируется через телеэкран, значит признать телевизор живым существом. Но для большинства телезрителей реальная, вполне материалистическая психотерапия и поток космической энергии, идущий от Чумака в квартиру, отстоящую от Москвы на тысячи километров, — явления одиноково или почти одинаково фантастические.

— Подождите, Анатолий Михайлович, лечебный результат ведь Чумак дает. Причем, кажется, неплохой. Какая разница, чем объясняет он этот результат?

— Очень большая. Его сеансы убеждают людей, что есть какие-то неземные, неуправляемые, потусторонние, мистические силы, определяющие состояние нашего здоровья. Я веду направленное воздействие на подсознание людей, а это подсознание у многих уже настроено еще на какое-то невысказанное хаотическое воздействие. Потребуется усилия многих психотерапевтов, чтобы ослабить его влияние. Я предполагал, что у телепсихотерапии будет немало трудностей, но в голову не могло прийти, что такая чертовщина нанесет ей столь тяжелый удар.

О критике

— В этой книге немало места отведено многочисленным выпадам против вас в печати. Еще большее место эти выпады занимают в вашей жизни и в вашей работе. Вы на них реагируете болезненно, и это, конечно, понятно, потому что каждое критическое выступление, как я понимаю, снижает эффективность вашего воздействия, мешает выздоровлению людей. Я сейчас не говорю о характере этой критики, хочу лишь обратить внимание на противоестественность ситуации: всякая критика вредит вашему воздействию — значит, никакой критики быть не должно. Если так, то вы ставите себя в совершенно особое, нереальное положение. Сейчас у нас, слава богу, критикуют даже президента, даже основоположника государства.

— Я не против критики. Но разве можно считать критикой измышления Леси или вздорные глупости Дичева о том, что я «засоряю» ноосферу, или ложь профессора Лебедева об увеличении смертности после сеансов? Разве это критика? Это самая настоящая клевета. Конечно, я против нее. А как вам нравится напечатанный-в «Известиях» мой пренебрежительный отзыв о работе академика Гуляева? Ничего подобного я никогда не говорил. Я сказал, что Гуляеву нет смысла изучать меня, а в газете — совсем иное. После этого мне стыдно ему смотреть в глаза. Или «Строительная газета» лихо написала якобы с моих слов: «Мы с митрополитом Филаретом сразу поняли друг друга». Какой-то жаргон. У нас совсем иной уровень отношений, а написать так — значит попытаться поссорить нас.

— Ваши обиды понятны, но разговор сейчас о другом. Не о клевете, а о критике.

— Отвечаю: я приму критику, если она квалифицирована, доброжелательна, не задевает моего достоинства...

— Вы заранее оговариваете столько условий, что всякое негативное мнение о вашей работе сможете квалифицировать как клеветническое.

— А как расценить карикатуру в «Литературной газете», где я изображен с рогами и хвостом? Это тоже критика? Все это делается для уничтожения, а не для выяснения истины.

— Вы опять ведете счет обидам. Давайте говорить о нормальной критике..

— А на нормальную критику положено отвечать. Мне же никто из оппонентов ни разу не дал возможность ответить: ни «Известия», ни «Литературная газета», ни «Советская культура», никто.

— Бывало так, что вас покритиковали, а вы не обиделись, приняли эту критику к сведению и даже сделали для себя выводы?

— Сколько угодно! Вы, например, критикуете меня постоянно, а мы до сих пор не поссорились.

— Действительно!

— Меня, бывало, справедливо критиковали. Кое с чем я **был** согласен. Если в печати высказывается точка зрения, не совпадающая с моей, я реагирую спокойно. Например, статья профессора Файвишевского в «Науке и жизни», интервью с академиком Симоновым в «Известиях». Кстати, такая критика ни в коей мере не снижает эффективность моего лечебного воздействия.

Хуже всего, когда специалистов критикуют неспециалисты. Хочу заметить по этому поводу, что в практической медицине вообще не очень-то принято критиковать лечащих специалистов. Вы много видели критических выступлений относительно результатов работы Федорова, Долецкого или Амосова? Они сами в своих книгах рассказывают о собственных неудачах, которые, к сожалению, не слишком редки. А вот их оппонентам или журналистам и в голову не придет публично рассуждать об изъянах в работе этих медиков. И не только этих. Такова этика практической медицины.

О последователях

— Надо признать, что ваши хулители кое-чего добились: у многих они подорвали доверие к вам. Но если, допустим, найдутся настолько доверчивые люди, что они поверят абсолютно всему придуманному про вас, то даже и при этом не удастся перечеркнуть главное: бесчисленные случаи исцеления. Их так много и они столь убедительны, что и без признания официальной науки стали бесспорным фактом медицины.

Ну а коль скоро такой факт существует, можно ли допустить, что его приумножат другие психотерапевты? Иными словами: считаете ли вы возможным, что сейчас найдутся психотерапевты, которые, используя ваш метод, смогут тоже излечивать болезни тела?

— Вы же знаете, что такое удавалось некоторым врачам и прежде. Бехтереву, например. Почему бы не быть этому сейчас? В спорте есть такое понятие — психологический барьер. Долго никто из штангистов не мог набрать в сумме троеборья 600 килограммов. Как только это удалось одному, сразу за месяц то же самое сделали человек десять.

Аналогично и в нашем случае. После того как результаты моей работы стали общеизвестны, сходные результаты появятся и у других психотерапевтов.

— Уже появились. Мне приходилось говорить с некоторыми из ваших коллег. Они утверждают, что дают лечебный эффект, связанный с органическими заболеваниями.

— Им мешает гипноз!

— Причем здесь гипноз, если речь идет об учениках доктора Довженко? Вы же знаете, что Александр Романович и его ученики предпочитают групповые сеансы отучения от алкоголизма, после которых следует индивидуальное кодирование. О том же рассказывала Юлия

Некрасова и прекрасный спортивный психолог Рудольф Загайнов. Их воздействие носит совершенно конкретную направленность, однако происходит и своеобразное попутное излечение от некоторых заболеваний. Возможно, подобное было и раньше, но на это не обращали внимания, пока не заговорили о ваших результатах.

— Вполне допускаю такое. Только хочу уточнить: мой метод скопировать нельзя. Чтобы работать так, как я, надо быть мной. Даже я сам работаю не всегда стабильно: есть сильные сеансы, а есть неудачные.

— Речь идет не о подражании. Вы нашли дорогу в воздействии на тело. И вот на эту дорогу потихоньку выходят некоторые из ваших коллег.

— Дело не только в них. В общественном сознании возникла доминанта, согласно которой психотерапевтическое воздействие помогает при многих болезнях тела. Эта доминанта настолько сильна, что порой действует, даже если работает не врач.

— Намек понятен. А вы можете представить, что к вам обратятся несколько молодых одаренных психотерапевтов с просьбой помочь им освоить ваш метод, набраться опыта, перенять какие-то приемы?

— Такое уже было. Но пока безуспешно.

— А в перспективе?

— Конечно, я готов к такой работе. Не сомневаюсь, что смог бы быть полезным для таких ребят. Но проблема не во мне, а в них. Говорят, что когда созрел ученик, появляется учитель. Пока я не вижу человека, которого мог бы назвать или сделать своим учеником.

О секретах

— У вас есть профессиональные секреты, о которых вы предпочитаете не говорить?

— Есть! Есть такое, что я не скажу никогда и никому. Даже лучшему другу.

— По-моему, вы сами себе противоречите. То вы говорите, что единственная ваша цель — помочь людям, то скрываете секрет, с помощью которого людям могли бы помогать другие специалисты.

— В данном случае речь идет о секрете, который, если его разгласить, мог бы нанести ущерб людям.

Об отрицательной установке

— Наверное, самое серьезное опасение, которое многие люди связывают с вашим именем, это боязнь, что вы можете навлечь беду.

— Такие страхи сеет недоброжелательная пресса.

— Но возьмем ситуацию, когда вы устали, раздражены, недовольны чем-то, возмущены... Знаете, я, пожалуй, выключу магнитофон...

— Нет! Ни в коем случае. Я все говорю начистоту.

— Вы не бойтесь, что этот разговор...

— Давайте без предисловий.

— Хорошо, я знаю два случая, когда вы грозили неприятностями людям, которые вас раздражали. Один случай совершенно пустяковый, он мог выглядеть просто как неудачная фраза. А второй...

— Это когда я угрожал импотенцией?

— Да это было ужасно. Сам я не присутствовал в зале, но мне рассказали очевидцы. Я понимаю, что был очень тяжелый сеанс, что в зал каким-то образом проникла масса безбилетников, что зал был переполнен сверх всякой меры и это свело эффект от сеанса едва ли не до нуля, что ваши помощники на этот раз были особенно нерасторопными. Все понятно. И повод был возмутительный: какой-то наглец курил за сценой, несмотря на то, что вы дважды просили не курить. Конечно, вы были в ярости, но и в запальчивости вы не имели права сказать, что у этого человека два месяца будет импотенция.

— Это была шутка.

Но все происшедшее свидетельствует, что отрицательная установка возможна...

— Нет, это свидетельствует, что отрицательная установка всем видна и слышна. Ее нельзя создать тайно, незаметно. Все мои действия публичны. Что бы я ни хотел внушить людям, я должен это сказать им вслух. Другой возможности нет. Я перед людьми раскрыт, все мои слова слышны всем. Надо понимать, что одно это дает гарантию того, что я могу и буду внушать только добро.

Помыслы мои чисты. Несмотря на все возможности, которые мне приписывают, я оказался безоружным и беспомощным перед всеми, кто нападал на меня и клеветал самым бессовестным образом.

— Простите, при желании вам можно возразить: дескать, на вас нападали люди, на которых вы не действуете.

— Допустим. А Леся? На нее-то я действовал. Да еще как. А то с чего бы она пела «Подмосковные вечера» на операционном столе! Но Леся оболгала меня, не боясь никаких кар. Их не было!

— Значит, не будем сомневаться: никакой отрицательной установки на ваших сеансах и при общении с вами быть не может!

— А почему вообще нужно думать об этом? Тогда давайте будем бояться генерала, что он со своими войсками затеет против нас недоброе. Давайте будем бояться шофера, что он напьется и пойдет давить людей. Давайте бояться прохожего...

— Люди и бояться всего этого. У них, к сожалению, есть на то основания. Общество довели до такого состояния, что опасности — реальные или мнимые — чудятся везде. Не удивительно, что в такой обстановке многие опасаются и Кашпиrowsкого, сила которого непонятна и трудно объяснима. Я и книгу эту сел писать, чтобы попытаться объяснить вас.

— Спасибо. Но эта обстановка, эти страхи свидетельствуют о падении нравов, о низком моральном уровне общества.

— Вы хотите сказать, что ваше воздействие подразумевает чистоту помыслов и что вы со своими публичными сеансами пришли слишком рано?

— Я хочу сказать, что жить и работать в обстановке недоверия очень тяжело. Почему люди, даже люди считающие себя культурными, верят всякому бреду? Дескать он черт, он дьявол, он творит беды. Как с этим бороться? Как все опровергать? Даже если не будет сеансов, даже если я закроюсь в комнате и не буду выходить на улицу, найдутся такие, кто скажет, что все неприятности из-за меня, что я черный или зеленый. Это и есть самая настоящая охота на ведьм. Что мне делать?

— Не надо драматизировать ситуацию. Конечно, вам было бы приятнее, если бы все, абсолютно все вас любили. Но так не бывает. У всякого известного человека находятся недоброжелатели. И другими люди в ближайшее время не станут. Вам придется иметь дело с людьми, какие они есть. Но пусть вас это не смущает. Миллионы вас любят, почитают и ищут новых встреч.

Об эксперименте «Литературной газеты»

— Осенью 1989 года «Литературная газета» обратилась к вам с предложением, цитирую: «...перейти от слов с голубого экрана к делу— провести чистый, научный эксперимент». Вам предлагалось отобрать 20 больных, предложить им присутствовать на ваших сеансах, а квалифицированные эксперты обследуют их до и после эксперимента. Вызов показался многим вполне корректным, вам предлагалось провести объективное исследование, однако вы на этот вызов никак не отреагировали. Почему? Неужели вы опасались неблагоприятных для вас результатов?

— Объективным этот вызов выглядел только со стороны. «Литературная газета» до этого неоднократно пыталась дезавуировать меня и мою работу. Я с ними дело иметь не хотел. И вообще, что это такое — «перейти от слов к делу»? Телесеансы, по их мнению, «слова», а сунуть голову в нехитрый капкан — «дело»?

Да и само предложение, на мой взгляд, было странным. Почему я должен доказывать недоброжелательной «Литературной газете», что я не верблюд? Пожалуйста, идите в архив. Там описаны тысячи случаев излечения, приложены подлинники медицинских документов, удостоверяющих состояние человека до и после сеансов. Почему не верить этим документам? Я много раз предлагал журналистам познакомиться с этими материалами. Корреспонденты «Литгазеты» до архива так и не дошли.

А теперь они говорят о 20 больных. Почему о 20, а не о 200? Если уж так хочется играть в эти игры, идите в клинику женских болезней, пригласите на сеансы женщин с мастопатией и фибромиомой матки,

обследуйте их до и после сеансов. Пожалуйста, я не против. Пусть интересуются нашими абонементными группами. Там сотни людей.

Но ничего этого, уверяю вас, они делать не будут. Потому что, я вижу, их интересует не истина, а возможность скомпрометировать меня.

О контроле

— Поскольку мы с вами сейчас проясняем различные мнения о вашей работе, давайте коснемся и мнения о контроле над вами. *От* одного уважаемого человека я многократно слышал публично высказанный тезис о том, что вас контролировать нельзя. В этом случае все ваше волшебство испарится. Ваша натура позволяет вам удачно работать лишь в обстановке стихийности.

— Точка зрения очень странная. Я постоянно нахожусь под контролем врачей. Ведь те больные, которые ходят на сеансы или смотрят их по телевизору, где-то лечатся. Когда в результате сеансов происходят изменения в состоянии здоровья, это фиксируется в истории болезни. Какой еще нужен контроль?

— Подразумевается контроль над вами.

— Что, изучать мой организм? Я устроен так же, как и все. А вот если говорить о моей работе, то я тысячи раз приглашал и специалистов, и журналистов на свои сеансы. Особенно тех, кто настроен недоброжелательно. Не идут! Неужели не любопытно посмотреть своими глазами на то, что ниспровергаешь? Масса людей звутся, но попасть не могут, а здесь — приглашения, лучшие места, возможность побеседовать, задать любые вопросы и получить на них обстоятельные ответы. Но эти люди чаще всего предпочитают роль критиков-заочников.

Об излечении на время и навсегда

— Человек прошел курс ваших сеансов, результат отличный. Но минуло время и болезнь вернулась — возможно такое?

— Все возможно. Представьте ситуацию. На очном сеансе в Ташденте подошел к микрофону мужчина и сказал: «Я Руфат Рискиев, бывший чемпион мира по боксу, инвалид второй группы!» Это прозвучало трагично. «Причина инвалидности,— продолжал Рискиев,— множественные переломы кистей обеих рук. Из-за контрактуры невозможно ничего взять в руки, даже сжать кулак нельзя — каково это для известного боксера! Но недавно, уже после телесеансов, я проходил контрольную комиссию и врачи сняли с меня инвалидность, поскольку кисти рук пришли в норму!» Скажите, могут руки у Руфата опять перекривиться? Могут, если их снова разбить и дать им срастись неправильно.

И так с каждым заболеванием. У нас в Киеве есть врач-гинеколог Валентина Константиновна Крепкая. Она наблюдает многих женщин,

проходивших мои сеансы и избавившихся от фибромиомы матки. Поговорите с ней, позвоните, узнайте, есть ли рецидивы фибромиомы.

(Я воспользовался предложением и позвонил. «Какие рецидивы?— сказала Валентина Константиновна.— Может, еще и будут, но пока — ни одного. Сколько прошло времени после излечения? Примерно полтора года. У кого немного больше, у кого — меньше».)

Бывает,— продолжает Кашпировский,— возвращается лишний вес. Но это происходит в том случае, если человек, забыв обо всем, вновь начинает обжираловку!

— Это уже другая тема: психотерапевтические сеансы и здоровый образ жизни.

— Да, сеансы — это по сути дела скорая помощь, спасающая в экстремальной ситуации. А здоровье человека формируется его образом жизни. Очень правильным было решение проводить мои телесеансы по программе спортивной редакции Центрального телевидения. Телесеансы должны быть подкреплены серьезной пропагандой здорового образа жизни. Люди должны приучиться к рациональному питанию, систематическим физическим упражнениям, к отказу от курения и пьянства. Психогигиена — тоже составная часть здорового образа жизни.

Когда эффект от психотерапевтического лечения подкреплен здоровым образом жизни, результат будет надежным и основательным.

О типологии

— Есть ли признаки, по которым можно определить, подействует ли вы на какого-то человека или не подействуете?

— Да, если речь идет о воздействии на его психику. Психотерапевт, общаясь со своим пациентом, понимает или чувствует, какой эффект может дать лечебное воздействие.

— У нас сейчас речь идет о соматических заболеваниях. Предела вим, к вам подходит человек. Можете ли вы заранее, еще до начала сеанса сказать, «ваш» это пациент или «не ваш»?

— Все человеки «мои». В том смысле, что у каждого из нас существует связь между психическим началом и физическим. Но чтобы реально помочь человеку, до него надо «добраться». Каждый заперт, к каждому нужен свой ключ. К кому-то подобрать ключ легче, к кому-то труднее. Но ключ есть. Если делить сеансы по нозологическому принципу, то легко ошибиться: лечишь от одного, а проходит другое. Сейчас и предпочитаю не направленное лечение от энуреза, скажем, или ма стопатии, а сеансы, цель которых пробудить саморегуляцию организма. Когда этот механизм запущен, организм сам определяет, от чего ему избавиться в первую очередь. Я пришел к выводу, что когда лечишь от «всего», выше шанс помочь при самых разных заболеваниях.

Об индивидуальном лечении

— Насколько я понимаю, вы лечите не только на сеансах но и в индивидуальном порядке тоже.

— Это не исключено, естественно. Особенно если речь идет о незрелых. Но болен народ, и я предпочитаю способы лечения, охватывающие максимальное число людей. А вот в прежние времена я лечил индивидуально.

— Эффективно?

— Конечно.

— На уровне эффективности других терапевтов или выше?

— Выше.

— За счет собственной концепции лечения или за счет профессионального мастерства?

— Концепция моя уже давно в принципе такая же, как и сейчас. Она всегда действовала сильно. Ну и индивидуальные мои качества тоже, -видно срабатывали. Сколько угодно было случаев, когда приходили ко мне пациенты с повышенным давлением. Я снимал его и норма держалась потом несколько лет. Так бывало и с другими заболеваниями. Но если человек приходит, допустим, с диабетом и ждет, что вот сейчас я возьмусь за его диабет, то эффективность снижается. Особенно если, как это было когда-то, я действительно начинал лобовую атаку на этот диабет.

О диктаторских интонациях

— Вы знаете, что расхожее мнение приписывает вам стремление властвовать.

— Нет ничего более далекого от истины. В круге моих представлений о счастье, об удовольствиях, нет понятия «властвовать». Это мне неинтересно. Другое дело, что я воспитан в спорте, в духе спортивной дисциплины, люблю четкость поведения своих пациентов. Этим, вероятно, можно объяснить на сеансах твердость моих интонаций, которые некоторым кажутся диктаторскими. Но без твердости невозможно выдержать сценарий сеанса.

Для достижения лечебных целей нужно не властвовать над людьми, а увлекать их, даже отвлекать, чтобы исподволь дать установку на исцеление. Есть две возможности отправить ребенка в соседнюю комнату — приказать или сказать: «Сереза, в той комнате интересная игрушка». Я предпочитаю второй путь. Он больше соответствует моей натуре и только он эффективен при моем способе лечения. В своей работе я руководствуюсь библейским изречением: «Не так, как я хочу, но как хочешь ты». Иначе говоря, для излечения болезни мои желания не имеют значения, важны лишь потребности больного организма, которые я стараюсь материализовать.

О доверчивости и искренности

— Мне кажется, у вас было бы меньше недоразумений с прессой, если бы вы просили до публикации давать вам текст интервью для вивизирования. Это ваше право.

— Скажу откровенно, что, несмотря на немалый уже возраст, у меня сохранилась абсолютная доверчивость к людям. Пришел незнакомый человек, улыбнулся, выказал доброжелательность — и все, я готов поделиться с ним самым сокровенным, беседовать как с личным другом. У меня с давних пор сохранилось книжное представление о людях, об их изначальном доброжелательстве. Мне казалось, что если я несу людям добро и здоровье, то и ко мне должны относиться точно так же. И когда в своих интервью я формулировал какие-то соображения недостаточно четко, я полагал, что журналист сам сформулирует как надо: мы же делаем общее дело. Некоторые так и поступали, особенно в тот период, когда меня все наперебой хвалили. Но порой вдруг выплывали жуткие ляпсусы, как в интервью газете «Аргументы и факты», когда мне в уста несколько раз было вложено слово «толпа».

— А вы его не произносили?

— Произносил в том научном значении, в каком его употреблял Зигмунд Фрейд и другие специалисты. В газете же оно прозвучало оскорбительно, а я стал выглядеть чудовищем, презирающим людей. Корреспондент не мог не понимать, что он делал. И не случайно он не стал согласовывать со мной текст интервью.

— Разумеется, ваша ошибка очевидна, однако я считаю, что еще большей ошибкой была бы другая крайность — тотальная бдительность, подозрительность по отношению ко всем журналистам. Но это были бы уже не вы.

— Спасибо, вы правильно заметили. Ив быту, и в общении с людьми, и на сеансах я стремлюсь оставаться самим собой — человеком открытым и искренним. Перед зрителями я остаюсь таким, какой я есть — не прячу и своих недостатков: порой несдержанный, порой взрывной, могу прервать выступающего, не считаю для себя унижительным извиниться в микрофон, если чувствую, что неправ. Мне претит маска бесстрастного, безошибающегося мудреца в роли психотерапевта. Думаю, что моя искренность и откровенность помогают живому контакту с людьми, без чего лечебный эффект вряд ли возможен.

О контактах

— Перестройка и гласность сделали нашу общественную жизнь необыкновенно насыщенной. Люди, молчавшие годами, стали выходить на трибуну, резко возросло количество межличностных контактов, особенно у тех, кто активно включился в политическую жизнь. Вы не политик, но число контактов у вас чрезвычайно велико, я это наблюдаю

постоянно. Вы не подсчитывали, со сколькими людьми вы беседуете в течение дня один на один?

— Один на один не так уж и много. Гораздо чаще в разговоре участвуют одновременно семь-десять человек. Особенно в дни сеансов. Причем, контакты эти очень напряженные, потому что у моих собеседников не праздное любопытство, не просьба об автографе, а самое главное— проблемы здоровья. Мать знает, что ее ребенок тяжело болен и что медицина не помогает ему, а у Кашпировского есть случаи исцеления. Конечно, она пробивается ко мне, все сметая на своем пути. И рядом с ней еще пять таких же матерей. В разговор со мной они вкладывают все накопившееся у них горе, все надежды.

— Это тяжелые для вас разговоры?

— Конечно, тяжелые. Окунаюсь в чужое горе сотни раз в день — безумно тяжело. К сожалению, я не имею возможности вникнуть в судьбу каждого пациента. Да для психотерапевтического воздействия на организм — вы знаете — это и не нужно. Женщина только открывает рот, а я уже понимаю, что она спросит, как попасть на сеанс. Это одна из самых распространенных тем в разговорах со мной. Но, конечно, не единственная. Представьте, что на вас насаждает человек двадцать, щиплют со всех сторон и приговаривают: «Пой, пляши, улыбнись, дотронься, посмотри в глаза...»

— Сотни подобных контактов ежедневно — достаточное основание для нервного срыва.

— Для срыва, для инфаркта. Ведь многие довольно бесцеремонны в своих претензиях. Но я хорошо настроен для таких разговоров и переносу их вполне спокойно. Хуже когда поток таких контактов накладывается на всевозможные организационные неувязки, которых, к сожалению, было очень много. Вот тут я, случалось, раздражался.

Об энергетической подпитке

— Хочу спросить: где вы черпаете силы, энергию? Вопрос вроде бы почти риторический, но у него есть и второй смысл. Я имею в виду тот вопрос, который тихонько ползает среди недоброжелателей: не отнимает ли Кашпировский энергию у одних людей, чтобы передать ее другим, которые благодаря этому выздоравливают?

— Вопрос об энергетической подпитке следует рассматривать в двух планах.

Первый — мистический, примитивный, основанный лишь на невежестве и пустых домыслах, не подтвержденный ни теоретически, ни практически.

Второй — реальный, принимаемый вековой мудростью человечества. Это тот случай, когда можно говорить о переходе информации в силовое воздействие. Этот переход может осуществляться по-разному. Пушкина давно нет, но его стихи меня странно волнуют. Есть строки, от которых дрожь по телу. Есть строки, от которых у меня ускоряется

пульс, усиливается кровообращение. В этом смысле я постоянно питаюсь энергией Пушкина, других великих поэтов и мыслителей. Меня заряжают энергией холодная вода, шум листвы, беседа с симпатичным мне человеком. Как специалист я наблюдаю себя и вижу, что психика моя очень пластична, ее трудно травмировать, зато легко восстановить. То ли спортивная закалка, то ли пережитые трудности, то ли природные особенности сформировали у меня способность к быстро!; возобновляемое™ психических сил.

Бальзам для меня — сообщение о лечебной помощи, которую принесли мои сеансы.

— Значит, источник энергетической подпитки не люди, а получаемая от них информация?

— Можно говорить о подпитке, а можно употребить и другой термин, который давно используют и в науке, и в литературе, и в обиходе,—положительные эмоции. Именно они заряжают новой энергией, дают, силы, вдохновляют. Самый мощный для меня источник положительных эмоций — информация об излечении людей. Я их заряжаю здоровьем, они меня — счастьем сознавать пользу, которую я им приношу. Это та энергетическая подпитка, без которой я не смог бы продолжать свою работу.

О славе

— Для вас так важна информация, получаемая на сеансах, но я много раз был свидетелем, как вы довольно бесцеремойно прерывали людей, рассказывавших об ушедших болезнях.

— Мне было лет шестнадцать, когда один мой приятель сказал: «Ты очень многословен!» Эти слова меня поразили. Я понял, что мысль свою надо выражать кратко и точно. Я вообще всегда был склонен к самоанализу и к жесткому самовоспитанию. А в шестнадцать лет, когда формируется личность, к самовоспитанию относиться особенно строго. Так вот, с тех пор я стал внимательно следить за своей речью.

Не мне судить, чего я добился, но вот со стороны словесная Шелуха мне очень заметна, особенно когда время дорого. Поэтому я не хочу, чтобы на сеансах произносились лишние слова и все, без чего можно обойтись. Говоря сбивчиво и бестолково, постоянно повторяя мое имя и бесконечные благодарности, выступающий бездарно расходует мое время и время всех сидящих в зале, время, которое следовало бы употребить на лечение.

— Ваше стремление уплотнить сеансы понятно. Но я не уверен, что если бы вдруг прекратились слова благодарности, то вы остались бы довольны.

— Нет. Мне более чем достаточно сообщений о достижениях. Выражение признательности, популярность, слава — все это меня ни капельки не пьянит, не льстит мне. Я наблюдаю это так, как будто происходит все не со мной. А сама популярность бесспорно очень и очень

обременительна. Я уже себе не принадлежу. Каждый мой шаг, каждая встреча словно просвечена прожектором. Это неудобное состояние.

О достижении цели

— Мы беседуем с вами в самом конце 1989 года, года, уверен необычайного в вашей судьбе. Мне кажется, в этом году сбылись самые смелые ваши мечты: телесеансы на Украине, потом на весь Союз всеобщее внимание к вашей работе, поразительные достижения. Что вы сами сейчас чувствуете, когда кончается этот необыкновенный для вас год?

— Усталость, огромную усталость. Должен сказать, что у меня очень устойчивая психика. Я выдерживаю огромные перегрузки, но все-таки, видно, есть порог и для меня. Я с неприязнью думаю уже о телевидении, о сеансах, о лечении. Мое любимое дело, вызывает раздражение. Понимаю, что это — усталость. Отдохну — опять вернется радость, которую дает любимая работа.

— И тем не менее год был необычайно успешным для вас. Можно ли сказать, что вы добились намеченной цели?

— Нет, я на полпути. Цель моей работы — не только помогать людям, но и расшифровать механизм этой помощи. Пока что объяснения идут на уровне гипотез. А науке нужны точные знания. Мера всех вещей есть число. Когда на стол лягут точные цифры лабораторных исследований того, что происходит на сеансах, тогда можно будет с уверенностью сказать, что психотерапевтическое лечение органических заболеваний обрело научное обоснование. Вот это и является моей целью. Я всеми силами буду стремиться достигнуть ее.

Об истоках психотерапии

— Помнится, на встрече в Концертной студии Останкино вас спрашивали о возможных генетических предпосылках вашего умения воздействовать. Вы говорили об унаследованных вами свойствах матери и отца. А если поискать не так далеко? Может быть, в вашем детстве, в ваших ранних годах можно нащупать истоки того, что проявилось сегодня?

— Я тоже думаю, что зарождалось это давно. У меня всегда был жадный интерес к людям, мне хотелось разобраться в них, осмыслить. Вот представьте картинку. Десятый класс, летний вечер, деревенский клуб, музыка, танцы. А я сижу дома и читаю «Логик» Челпанова. Всегда очень волновали меня философские книги.

— Вы хотели понять человека?

— Да, его суть, его предназначение. Осмысление человека — это не только философские трактаты, это и классическая проза, это и стихи, к которым я отношусь очень серьезно.

— Такая направленность как-то отражалась на ваших взглядах, на поведении?

— Конечно. Я жил под постоянным стремлением к самоусовершенствованию—физическому, нравственному, интеллектуальному. Я часами изнурял себя упражнениями со штангой. И это доставляло мне удовольствие. Я строго придерживался нравственного катехизиса, который почерпнул из художественной литературы. И эта нравственная чистота тоже совершенно не тяготила меня. Я не пил и не курил не только в мальчишеские годы, хотя вокруг дым стоял коромыслом, но и в студенческие времена. Новый год встречал в спортивном зале, поднимая штангу. Впервые попал на танцы на шестом курсе института. Выбрал самую некрасивую девушку, которую никто не приглашал, и, пожалев, подошел к ней. И что вы думаете? Она мне не размышляя отказала. Было досадно, но любопытно. Еще одна загадка.

— Вероятно, вам было трудно со сверстниками?

— Да, наши интересы чаще всего не совпадали. К тому же моя семья вела кочевой образ жизни, мы переезжали с одного места в другое и слишком часто я был чужаком в сложившихся компаниях. К тому же у меня нередко проявлялось книжное отношение к жизни, к людям.

— Мне кажется, это сохранилось у вас и до сих пор. Я вижу ваше немного наивное отношение к некоторым недоброжелателям-журналистам. Вам кажется, что вот сейчас вы объясните такому человеку свою идею, расскажите о необыкновенном случае, и он сразу поймет свою ошибку и напишет статью в защиту ваших сеансов. Я думал об этом, когда наблюдал вас и ваших оппонентов на пресс-конференциях. Увы, ваши надежды не оправдывались. Противоречия между вами оказывались глубже, чем непонимание ваших подходов к психотерапии.

Если хотите еще один пласт: ваше отношение к знаменитым артистам. Вы с таким детским восторгом приглашали их на сеансы, так восхищенно беседовали с ними...

— Это дело более тонкое, их участие в сеансах входит в лечебную программу. К тому же они мне очень интересны, как люди, которые чего-то достигли. Мы привыкли видеть их на экранах, а мне предоставляется возможность видеть их теперь вблизи, сопоставить увиденное прежде и теперь. Я смотрю на Аллу Пугачеву и думаю: «Эта женщина потрясает миллионы людей!», стараюсь понять суть ее человеческой природы.

— И какое впечатление?

— Я увидел большую глубину и основательность. Но и некоторую суетность тоже, кажется. Я имею в виду изменение ситуации: как только громыхнули по мне первые статьи, я почувствовал определенную отгороженность. Месяц назад она пригласила меня на концерт, потом беседовали. Меня бомбят беспощадно со всех сторон, а она о себе говорит: «У меня все прекрасно, все хорошо, нет проблем...» Порадовался я за Аллу Борисовну, но стало грустно.

Вчера встретил Евтушенко. Он бывал у меня на занятиях, беседовали. В свою очередь приглашал к себе, просил звонить. А вчера при случайной встрече вдруг поспешно ретировался, что было замечено даже не психологами. Понимаете, в нынешней ситуации я связываю все это с газетной травлей. Обидно.

— Не судите строго: они не в курсе истинного положения вещей. Пока клевета публично не опровергнута, люди не знают, что это клевета.

— У них стабильные достижения, утвердившийся талант, книги, пластинки, фильмы. А у меня странная, никому прежде неизвестная работа, взлеты и падения, хвала и хула.

— Там тоже были жесткие падения. Там тоже были грубые и беспардонные нападки в прессе. Видно, такие колебания маятника неизбежны едва ли не у каждой творческой личности.

Но их творческий путь — многие годы. Ваш — пока всего лишь один год. Не сомневаюсь, что и у вас все образуется и стабилизируется.

О спортивных достижениях

— Спортивные увлечения сыграли большую роль в ваших взглядах на жизнь, на человека, в формировании вашей личности.

— Главное — штанга. У меня не было тренера, была только идея, что успех принесет лишь труд. Чем больше и интенсивнее тренировки, тем выше будут достижения. Но в спорте, как и в жизни, зависимости далеко не всегда так определены. Короче говоря, со своей беспощадностью к мышцам, я, как говорится, загнал себя. В семнадцатилетнем возрасте я толкал одной рукой две двухпудовые гири по пять раз. Очень быстро достиг уровня, когда толкал штангу в 150 килограммов, а потом надолго застрял на этом весе. Перегрузки тормозили прогресс. Но все-таки в жиме брал 120 килограммов, в рывке — тоже 120. Стал толкать 160. И втренировочных упражнениях преуспел: 170 килограммов на грудь, десять раз приседал с 200-килограммовой штангой. И это все, конечно, без анаболиков, без химикатов.

— Вы выполнили норму мастера спорта или кандидата в мастера?

— Тогда не было нормативов кандидата в мастера. В соревнованиях я звания мастера спорта не добился, но если суммировать, сложить воедино мои лучшие достижения в отдельных видах, то получится норматив мастера в среднем весе.

О поисках психотерапии

— Вы учились в медицинском институте с увлечением?

— Не могу так сказать. Хирургия и терапия меня мало привлекали. Кровь, операции, лекарства — не моя стихия. Мне был интересен человек как единое целое во всех его физических и психических проявлениях. Но такой науки в медицинских вузах по сути дела нет. После

окончания Винницкого медицинского меня направили в Жмеринку врачом лечебной физкультуры. Проработал я там всего три месяца: приходилось каждый день ездить из Винницы, это два часа в один конец. В Виннице я некоторое время работал врачом в футбольной команде, пока не устроился в городскую психиатрическую больницу, в отделение невротозов. Это был апрель 1963 года. Там я почувствовал себя на месте.

Работал я с огромным увлечением. Потом четыре месяца учился в Харькове на курсах психотерапии Института усовершенствования. Там была первая в стране кафедра психотерапии. Честно сказать, курсы меня несколько разочаровали, разочаровали косностью подхода к этой медицинской специализации. Великолепная наука была сориентирована не на человека, а на оторванные от жизни догмы.

Но были там и яркие фигуры. Например, Казимир Маркович Дубровский, блистательно проводивший сеансы снятия заикания. Сейчас я понимаю, Дубровский отверг погружение в гипнотическое состояние, пренебрег предварительным расслаблением, предпочел прямую установку. Дубровский был великолепным практиком, что делает его в моих глазах очень привлекательной фигурой. В Харькове я прочитал всего Фрейда, Фореля. Это дало неизмеримо больше плановых анемичных лекций. Я понял, что связан с психотерапией на всю жизнь, но не с той, которую читают в нормативных курсах, а с живой, работающей на человека.

Психотерапия в моем понимании — это постоянные контакты с людьми, осознание их жизни, их забот, их устремлений. В этом отношении жизнь преподала мне первоклассные уроки. Дело в том, что зарплата и быт врача, особенно начинающего, никак не позволяют ему жить выше, как сейчас говорят, уровня бедности. Квартиру я получил только к сорока годам. До этого скитался по углам, снимал жалкие комнаты, жил без прописки. Помню, как морозными ночами спал на чердаке, не снимая пальто и туфель, и как волосы примерзли к заиндеветшей стене. Помню, как снимал угол у женщины, которая превратила свою квартиру в ночлежку самого низкого пошиба. Возвращаясь поздним вечером с работы, я переступал через спавших на полу людей, через каких-то опустившихся пьяниц.

— Вас не убивала такая жизнь?

— Нет. Выросший в традициях аскетизма, я придавал мало значения невзгодам. С комфортом я был незнаком и даже не мечтал о нем. Нищенское существование казалось мне нормальным. Я был силен, здоров, полон идей и надежд. Я чувствовал, я видел, что психотерапию ожидают великие свершения, и казалось, что они мне по плечу. Это была не только мечта и даже не только ожидание, но и понимание. Сравнивая сложившуюся теорию и практику официальной психотерапии со своим пониманием лечебной работы, я видел огромные резервы, могучие перспективы. Надежды и увлеченная работа делали мою жизнь совершенно счастливой. Сейчас у меня есть реальные до-

стижения, есть все материальные блага, но я не ощущаю себя таким счастливым, как в те годы.

Вернувшись в Винницу, я стал проводить сеансы снятия заикания в своей больнице. Мне нравилось, как это делал Дубровский. Но я — не он. Казимир Маркович к тому времени прожил тяжелую жизнь: 17 лет лагерей, страшная нужда, нездоровье, возраст под восемьдесят. Это был высокоинтеллигентный человек, знающий языки, светлая личность. Я хочу сказать, что работа каждого психотерапевта не похожа на работу ни одного из его коллег. Работа в полной мере отражает особенности и свойства личности. В моих сеансах я не подражал Дубровскому, а проводил их так, как удобнее мне.

Пациентов было много, и результаты были хорошие, хотя условия оказались ужасающими. Сеансы проводились в коридорах, в каких-то закутках. Мешали и гоняли нас, кто хотел, начиная с уборщиц. На заикании я не остановился. Вы знаете, даже сейчас я горжусь многими яркими случаями излечения, которые были у меня, 24-летнего врача-психотерапевта. Помню, вылечил художницу, которая была парализована. Помню учительницу, избавленную от насильственного словоговения. Хорошо вылечивал многие функциональные заболевания — неврозы, импотенцию, бессонницу, истерические состояния и тому подобное. Органики тогда не касался. Я был энергичен, напорист, хладнокровен, не боялся ни публики, ни коллег, ни начальства. Я сознавал уже свою силу и приобрел уверенность.

О публичных выступлениях

— Кажется, именно в этот период начались ваши публичные выступления на эстраде?

— Да, уже лет шесть-семь я успешно практиковал в психбольнице, когда появился на моем горизонте одесский врач Геннадий Николаевич Смертин. Он проводил в Виннице публичные выступления эстрадного типа. Я почувствовал, что подобный жанр может и мне предоставить возможность высказаться, провести широкомасштабную психотерапевтическую работу. А мне к тому времени уже было, что сказать и что показать. Я видел, что умею не меньше, чем Смертин, но в отличие от него гораздо более уверен и хладнокровен, выступая перед людьми. Тогда-то я и решил попробовать себя на новом поприще. Обратился в местное отделение общества «Знание», написал по их предложению лекцию, с которой должен был выступить: Куэ, Месмер, различные школы — эту азбуку психотерапии можно подать очень интересно. Лекцию отрецензировали и стали направлять меня в районы для выступлений. Я читал лекции. Не читал, конечно, а рассказывал. Ну а потом проводил психологические опыты.

— Простите за нескромный вопрос: стимул — заработок?

— Не могу так сказать. Во-первых, я ощущал потребность в профессиональном общении с людьми. Во-вторых, будучи специалистом,

высоко оценивающим свои возможности, чувствовал себя уязвленным: в город, где работаю я, приезжает Смертин и делает публично то, что я могу сделать лучше, чем он. Задета была профессиональная гордость. Да, а в-третьих, действительно заработок. Но для меня, аскета и спартанца, это не имело большого значения, хотя получал я как врач всего лишь 120 рублей в месяц, а у меня уже были жена и ребенок.

В том же 1970 году стал я ездить по Украине, по ее западным и восточным городам и селам. И тут появился еще один стимул для выступлений— дорога. Во мне проснулся бродяга и путешественник, причем транспортные проблемы, неустроенность гостиничного и поездного быта, обычная наша дорожная бестолковщина— все это меня совершенно не смущало, не смущает и теперь. Меня волнует возможность увидеть новые места, встретиться с новыми людьми, посмотреть им в глаза, помочь им.

Быстро расширялась моя география. Определялся свой стиль выступлений.

— Что можно сказать о нем?

— Коротко я назвал бы его спортивно-наступательным. Человек, находящийся на сцене, должен быть интересен зрителям, иначе даже самые благородные и важные его мысли до них не дойдут. Его просто не станут слушать. Вот я и искал свой стиль— динамичный, доходчивый. Демонстрировал на сцене гипноз. Быстро понял, что некоторые стандартные положения психотерапии, рассчитанные на лечение душевнобольных, не оправдывают себя в общении с обычными людьми. Оказалось, что многие установки прекрасно выполняются и без гипноза. Мысль эта настолько крамольна, что даже сейчас специалисты не хотят согласиться с ней, хотя ее практически подтверждает каждый мой сеанс.

— Но вернемся к поездкам.

— На следующий год я попал на Сахалин. Объездил его вдоль и поперек. Сахалин, Дальний Восток произвели огромное впечатление.

— А спортом вы продолжали заниматься?

— Времени на тренировки почти не оставалось. Лорой приезжаешь на выступление и вдруг ухо ловит знакомый звон штанги. Подойдешь невзначай, посмотришь на тренировку. Тут, конечно, кто-нибудь скажет: «А штангу можете загипнотизировать?» «Могу»,— скромно отвечаю. Помню, в одном сельском клубе идет такой разговор, а на штанге 135 килограммов. Местные ребята ее еле от пола отрывают. Я даже без разминки шесть раз подряд взял ее на грудь. Эффект, помню, был совершенно потрясающий.

— Можно сказать, что обычно ваши выступления проходили в спокойной и доброжелательной обстановке?

— Чаше всего— в трудной обстановке. Как-то послали меня на китобойное судно, маленькое помещение, сидят матерые мужики, ни во что не верящие алкоголики и все повидавшие бывшие зеки. А ведь надо, чтобы они не просто спокойно выслушали лекцию, но еще и выпол-

нили мои установки — под гипнозом и без гипноза. И в обезболивание поверили.

— И как?

— Убедил всех до одного в могуществе психотерапии. Такое повторялось и в воинских частях, и в студенческих залах, и в сельских клубах и в заводских. И каждая аудитория — большая или малая — пробовала меня на прочность, пытаясь поставить в критическую ситуацию. Все это по два-три раза в день, сразу с поезда или автобуса, часто после бессонной ночи. Но никаких скидок, никаких поблажек. Когда аудитория тяжелая, а ты устал или плохо себя чувствуешь, приходится напрягаться предельно, выдавать по максимуму все, что можешь и даже больше. Тяжело, но лучшей школы я не знаю.

— Эти сеансы не мешали вашей постоянной работе?

— Они проводились только во внеслужебное время — по выходным дням и вместо отпусков. Я двадцать лет не был в отпуске.

— Как сочетался опыт, накопленный в выступлениях, с постоянной практической работой?

— Первые годы никак, потому что меня, к сожалению, перевели в хроническое отделение, к тяжелым запущенным больным. Это совсем другое направление, не сочетающееся с тем, к чему меня тянуло. И лишь в 1980 году меня перевели все-таки в диспансер, где я стал работать в психотерапевтическом кабинете. Это была моя работа. Правда, кабинетик маленький — на 15 человек, потом его перестроили — на 30 человек. Ну а после первого телемоста помещение выросло еще вдвое, но я вскоре перебрался в Киев.

— Вы часто вспоминаете эти свои выступления, даже называли цифру—1700 раз поднимались на сцену. Нетрудно подсчитать, что в среднем у вас было около 100 выступлений в год. По-моему, это очень много. Можно ли сказать, что без них не было бы теперешних сеансов?

— Можно. Выступления дали огромный опыт работы с любой аудиторией. В любом зале я чувствую себя совершенно уверенно, знаю, что добьюсь своей цели, что бы ни случилось. Как-то выступал в Министерстве иностранных дел, мне замерили пульс — 60 ударов в минуту. Поездки выработали умение отыскивать ключи к самым разным людям. Очень важным считаю то, что именно на этих выступлениях я понял, как можно исключить гипнотическое воздействие и давать прямые установки, хорошо напрактиковался в безгипнозном воздействии. Работа с большими аудиториями укрепила в мысли, что воздействие в группе имеет большие преимущества по сравнению с индивидуальным воздействием. Так называемые эстрадные выступления на первый взгляд — пустяк, развлечение, а в действительности — это отличная школа для психотерапевта, а в моем случае — осознание и отработка многих приемов, которые впоследствии были использованы в лечебных психотерапевтических сеансах.

О болезни врача

— Понятно, что врач, леча и обучая своих пациентов здоровью, должен сам пройти хорошую школу оздоровления. Вы — человек спортивный, усвоивший методы оздоровления с помощью физических упражнений, других естественных средств и успешно пропагандирующий эти методы. Здесь все в порядке. Но настоящий врач должен еще уметь сопереживать, глубоко сочувствовать страданиям своих пациентов. И мне кажется, что научить состраданию могут только собственные страдания. Вам, человеку сильному и здоровому, они не чужды?

— Мне довелось пройти через суровое испытание. Практически никогда ничем не болел и вдруг на фоне этого железного здоровья — тяжелейший приступ. Проснулся ночью от страшной боли в животе, дыхание забито, чувствую — погибаю. Забрали в реанимацию. Видимо, это был панкреатит, воспаление желчного пузыря, я моментально покрылся желтизной. Хотели делать операцию, меня держали в хирургическом отделении. Но операцию удалось избежать.

— Как?

— Очень не хотел я этой операции. И организм, видимо, не хотел. Когда мне сказали, что завтра будет операция, желчь сразу стала уходить. Врачи удивились. Диагноз поставили под сомнение. Меня выписали, а я тут же уехал выступать, хотя был, конечно, еще очень слаб. Послали в Хмельницкую область, у меня подряд 19 приступов. Помню, схватило на автобусной остановке, прямо туда вызвали «Скорую помощь». Вернулся домой в тяжелом состоянии, поместили в железнодорожную больницу. Диагноза нет, боли отчаянные. Стали подозревать рак. Положение — хуже некуда. Вот тут-то и появился хирург-отоларинголог Шлаен, который, как я уже рассказывал, уговорил меня обезболить операцию без наркоза. Мне даже думать об этом было больно. Потом я согласился и все прошло хорошо. Правда, сам я ходил в эту операционную скорченными от боли, в поту.

— Когда это было?

— 1972 год. Так вот, вижу я, что выздоравливаю плохо, но напряжение, какое случалось во время операций, все-таки поддерживает. Это заставило задуматься. Сердце, печень, желудок, кишечник — я содержал свое хозяйство в идеальном порядке: не травил водкой и табаком, не портил обжорством и бездельем. Так что же произошло? Нужна мобилизация всех ресурсов, решил я. Напряжение заставляет организм работать максимально четко. И прямо из больницы я отправился... на Дальний Восток. Родные, конечно, были против — я худ, бледен, измучен. Взял с собой лишь сверток, где было штук тридцать пряников, которые испекла мама. Только их я и мог есть, даже от манной каши валялся по полу. Уже в самолете наступила расплата. Была мысль вернуться, но в Хабаровске не оказалось обратных билетов, и я полетел на Сахалин. Программу предложили тяжелейшую. Непрерывные перезеды, автобусная тряска — а у меня беда в животе, в пять утра уже в

пути, пища — пряники и вода. Но организм понемногу переборол болезнь. Стало легче, даже штангу, помню, однажды с ребятами поднимал — 115 килограммов несколько раз толкнул. Потом попал к корейской знахарке, она меня поддержала. Короче говоря, вернулся домой через два месяца совершенно здоровым окрепшим.

— Что же все-таки было с вами?

— Считаю, что это был гастрит, который вызвал спазм, воспаление желудка и двенадцатиперстной кишки, забились отверстия желчного протока и поджелудочной железы. Отсюда и все неприятности.

— Они не повторялись?

— Был рецидив в 1980 году. Во Владивостоке. Переел по случаю дня рождения, и опять начался приступ. Спасся водой. Пища наша насыщена нитратами, которые вызывают неадекватную реакцию со стороны желудка. Вода снижает концентрацию вредных химических соединений, способствует быстрому их выведению из организма.

Больше рецидивов не было. Но я строго слежу за тем, чтобы не переесть и стараюсь во время еды и после еды пить как можно больше.

— Давайте разберемся. С больничной койки, в тяжелом состоянии, вы рванули на край Земли, в отчаянное путешествие. Это что — авантюра, безразличие к своей судьбе?

— Мы много говорили с вами о психовоздействии, о том, как оно мобилизует резервные возможности организма. Нечто похожее я проделал и с собой. Я рассчитывал, что в экстремальных ситуациях при мощной моей волевой концентрации включатся внутренние механизмы саморегуляции. Есть ситуации, когда человек успешно подавляет свои болезни. Например, известны случаи самоизлечения от рака.

Мы пока еще мало знаем себя, но силы в нас дремлют необыкновенные. В принципе — все, что рождается в организме, может быть и подавлено его собственными усилиями. Но средства этого подавления начинают раскрываться только сейчас. И то они еще ждут своих исследователей. Мне кажется, что эволюция зарядила нас и огромными регенерационными способностями, которые еще не пробуждены. Все эти резервы пока почти не используются, но я вполне допускаю, что медицина будущего станет базироваться не на химии, а на них.

Об экстрасенсах

— Во время публичных выступлений вы избегаете разговоров об экстрасенсах. В случае же прямого вопроса утверждаете, что не верите ни в биополе, ни в биоэнергетические воздействия. Да?

— Конечно!

— Ваше имя порой упоминают в одном ряду с известными экстрасенсами...

— Это недоразумение.

— Значит, вы утверждаете, что не воздействуете на пациентов биоэнергией?

— Конечно!

— Анатолий Михайлович, у моего диктофона другое мнение.

— Ах, вы об этом?

— Да! Простите, но я вынужден рассказать читателям небольшую историю, хотя не уверен, что вам это понравится...

...Накануне в программе «Семь дней» показали знаменитого Ури Геллера. Если вы помните, он рассказал, как остановил лондонские часы Биг-Бен, а потом проделал для советских телезрителей совершенно потрясающее волшебство: попросил отыскать какие-нибудь старые остановившиеся часы, завести их и по его команде зажать в руке на несколько секунд. «У большинства из вас,— сказал- Ури,— часы пойдут!». В самом деле у очень многих часы пошли. У моей сестры, например.

На следующий день мы беседовали с Кашпировским о всякой всячине. Я, конечно, спросил, какое впечатление произвел на него Геллер. «Ерунда,— был ответ.— У многих часы остановились не из-за серьезной поломки, а потому что кончился завод. Они прекрасно пошли бы и без Геллера. Это старый фокус». Но вдруг Кашпировский, отрицатель и ниспровергатель мистики и всяких чудес, неожиданно заявил: «Если хотите знать, все, что делает этот Ури, я могу делать ничуть не хуже!»

Я, конечно, очень удивился, мне показалось, что в голосе Кашпировского зазвучали ревнивые нотки. Чтобы собеседник мой не очень-то храбрился, я спросил только: «И Биг-Бен остановить можете?» — «Могут!» — не задумываясь ответил он.

Я предпочел не ввязываться в беспредметный спор. Диалоги наши потекли в прежнем русле. Мы говорили часа три, потом я беседовал с Людмилой Николаевной Лахтиковой, той самой, которая, если помните, похудела на 173 килограмма. Все было очень интересно. Я уже примеривался, как лягут в книгу беседы, записанные на пленку.

Перед уходом решил прослушать некоторые места. Перемотал пленку назад, нажал кнопку «плей», а из диктофона донеслось невнятное бульканье вперемежку с ревом. Что за ерунда? Проверил всю пленку — брак. Проверил вторую — тоже брак. «Чем вы так расстроены?» — спросил Кашпировский, заходя в комнату. Я рассказал. Он обругал японскую технику и предложил подвезти меня до гостиницы. В машине я, расстроенный, недоуменно помалкивал, сжимая лежавший в кармане диктофон. Около гостиницы «Украина» попрощавшись вышел и вдруг услышал: «Стив Борисович, у вас в кармане Биг-Бен». Этой шутки я не понял. Но в номере, когда решил еще раз проверить пленку, услышал совершенно нормальные голоса и четкую речь... Вот вам и Биг-Бен.

...Именно эту историю я напомнил Кашпировскому, когда он очередной раз стал отрицать свое биопольное воздействие на пациентов.

— Прежде всего я психотерапевт,—сказал он,— и не хочу касаться того, что остается за рамками психотерапии. Ее воздействие настолько мощно и многообразно, что не нуждается в подкреплении средствами малоизученными и не очень надежными. Как опытный врач я многое умею делать, ко на сеансах, тем более на телесеансах, использую только психотерапевтические средства. Только их. Это мое кредо.

О смерти

— Вас никогда не смущала конечность нашего существования?

— В детстве меня пугала неизбежность смерти. Не сама смерть, а ее неизбежность. То, что все это когда-нибудь кончится. Много думал об этом. Но позднее я преодолел страхи и сейчас отношусь к предстоящему когда-то концу спокойно. Бытие — небытие...

— И ничего не боитесь?

— Боюсь умереть некрасиво.

— Какое это имеет значение?

— Очень большое. Представляете: финиш в каком-то непотребном месте.

— Смерть всегда некрасива.

— У меня своя точка зрения. Помню: самолет, гроза, люди мечутся, с кем-то истерика, а я сидел неподвижно и спокойно ждал неизбежного. Был готов ко всему!

О деньгах

— Большую часть своей жизни вы прожили в нужде. Как я понял, вы не придавали слишком большого значения этому обстоятельству. Наоборот, вы не раз говорили, что нужда и аскетизм закалили вас, приучили не бояться трудностей. Теперь материальные проблемы позади. Как вы проходите испытание достатком?

— То, что вы называете достатком, пришло ко мне лишь в последние два-три года. По-моему, меня этот достаток не изменил. Я приобрел лишь то, что мне необходимо для нормальной жизни и работы. Судите сами. При постоянных разъездах нужен мне автомобиль? При работе над телесеансами нужна мне видеосистема? Вот мои главные приобретения.

— Но абонементы на ваши сеансы довольно дороги. А количество побывавших на них огромно...

— Признаюсь сразу: бухгалтер я никакой. Мне труднее пересчитать деньги, чем заработать их. По нынешним хозрасчетным временам это очень большой минус. Когда речь идет о серьезных финансах, нужна оборотистость, а у меня она, к сожалению, напрочь отсутствует. Понимаю, что меня многократно обводили вокруг пальца, обсчитывали,

попросту обманывали и обкрадывали. В финансовом отношении я оказался совершенно не защищен.

Вот лишь один пример. Меня долго уговаривали выступить в Мариуполе. Дескать, тяжелая экологическая обстановка и тому подобное. Нашел время, приехал, поставил одно условие: вход бесплатный. Чтобы не создавать хаос, решили бесплатные билеты распределить по предприятиям. Прекрасно. Вдруг в последний момент выясняется, что билеты все-таки платные. Причем цены местные дельцы заломили чудовищные — 50 рублей за билет. У меня волосы на голове встали дыбом. Что делать? «Выступать не буду!» — говорю. Падают в ноги, умоляют не делать этого. Продано 40 тысяч билетов, люди взбунтуются, разнесут горисполком. Мне, конечно, этого совсем не надо. Тогда прошу вмешаться прокурора и прессу, объявить, что все полученные незаконным путем деньги пойдут на нужды детей. Правильно я поступил? Думаю, что правильно. Но в городскую кассу вернулся мизер. Где остальные деньги? И вот, чтобы заглушить финансовый скандал, придумали невероятную провокацию против меня. Если, мол, против Кашпировского возбудить уголовное дело, то будет не до выяснения, кто прикарманил миллионы народных рублей. Вот так и закончилась моя попытка сделать билеты на сеанс бесплатными.

— Ну а то, что остается вам после обманов и обсчетов, куда обычно идет?

— Налоги, аренда залов — это большие деньги, оплата персонала. Много трачу на благотворительные цели. То купил коляски для инвалидов-афганцев, то четырехкомнатную квартиру для многодетной семьи, постоянно перечисляю деньги на детские дома и больницы. Из Америки привез 200 тысяч одноразовых шприцев. Детский фонд, фонд Чернобыля, другие фонды — на эти цели я даю большие деньги, не колеблясь. Получаю удовольствие, когда помогаю нуждающимся.

О таланте

— Мне нравится, что вы ни разу в своих выступлениях не употребили применительно к себе такие слова, как «талант» или «дар». Это наверняка нравится не только мне. Зато другие часто говорят о вашем таланте. Особенно специалисты. Даже те, кто вас критикует. Да, даже самые критичные из них не обходятся без слов «он несомненно очень талантлив». Как вы понимаете талант психотерапевта?

— На каждом сеансе у меня есть цель. Большая конкретная цель. И я веду к ней тех, кто присутствует на сеансе, но веду аккуратно, не переступая грань, за которой начинается грубая работа. Наверное, это самое сложное, самое тонкое. Может быть, здесь как раз и можно говорить о таланте.

Тут требуется понимание людей, аудитории, ощущение меры, которую переступить нельзя, чувство обратной связи с аудиторией: вот это можно сказать и нужно сказать, а это — нельзя.

— Каким должен быть психотерапевт?

— По-моему, психотерапевт — это театральный режиссер, художник. Это творческий человек, в котором живут драматург, актер, философ.

Психотерапевт в моем представлении — человек подтянутый, спортивный, вызывающий симпатии и желание подражать. Врача, обрюзгшего, невыятого, нездорового, ожидает слишком много неудач.

И, конечно, это врач, прекрасно знающий свою профессию и чуждый кодексу Гипократа. Без любви к людям, стремления помочь страждущим психотерапевт никогда не состоится.

О чтении

— Вы перечислили качества, которыми, по вашему мнению, должен обладать психотерапевт, говорили о жизненной школе, которую он должен пройти. Горькому принадлежат слова: «Всею хорошим во мне я обязан книгам». Какие книги читает психотерапевт?

— Мне меньше всего хочется диктовать некие каноны психотерапии. Все, о чем мы говорим, это мое сугубо личное мнение о профессии, сложившееся, естественно, из собственного опыта и собственных представлений.

Вы спрашиваете о чтении. Самое страшное — это замкнуться в круге специальной литературы. Такой врач будет безумно скучен и сам прекрестит контакты с пациентами. Психотерапия базируется на человековедении, а у человековедения лучшие учебники — художественная литература. Я давно уже читаю художественную литературу глазами психотерапевта. Есть повести, романы, стихи, которые подсказывают мне решение сугубо профессиональных проблем.

— Трудно представить.

— У Блока я увидел строчку: «О тоска! Через тысячу лет мы не сможем измерить души». Хорошо, подумал я, души не измерить. А тело? Оно, казалось бы, измерено, но измерено антропометрически, с точки зрения внешних параметров. А внутри, с позиций биохимии мы мало изведаны. И психика наша ничем не измерена. Эти мысли дали толчок предположению, о котором мы уже не раз говорили: психовоздействие пробуждает биохимию желез внутренней секреции. В организме просто нет других материальных сил, которые могли бы обеспечить тот уровень излечения, что происходит в результате сеансов.

Кладезь мудрости — «Библия». Там что ни строка, то постулат психотерапии. Гениальные подсказки я нахожу у Пушкина, Канта, Фонте-неля, Толстого, Гельвеция, Руссо, Монтеня.

— Вы всегда так читали?

— Нет, хорошие книги, кажется, нравились и волновали всегда. Но с позиций психотерапии их можно воспринимать тогда, когда есть позиция. Они не столько вооружают пониманием или мудростью, сколько отшлифовывают мысли, которые уже созрели.

Хорошее слово учит нестандартно мыслить, парадоксально подходить к рутинным решениям. Вот, например, один физик как здорово сказал: «Изучение атома — детская игра по сравнению с изучением детской игры». Великий философ Барух Спиноза снял все сомнения по поводу небывалых прежде случаев исцеления, когда сказал: «Совершается то, что возможно. Возможно все, что совершается». А какая бездна мудрости в словах Фонтенеля: «Мы пог-ибли бы, если бы мы не погибали».

— Это производит сильное впечатление, но литература состоит не из одних лишь парадоксальных афоризмов.

— Дело не только в ярких выражениях. Я наслаждаюсь вообще всякой талантливой фразой. Скажем, о посадке самолета тысячи раз писали: «Колеса самолета мягко коснулись земли». А Юрий Нагибин написал: «Прошло три часа, и Амстердам швырнул под крылья самолета черепичные крыши своих домов». Прекрасная джеклондоновская фраза, я ее смаковал, как диковинную конфету.

О чистоте

— Мы читаем стихи Пушкина, где он потрясает гениальным проникновением в душевный мир человека. А ведь Пушкин умер в 37 лет, совсем еще молодым, но, уже обладая удивительно нравственным пониманием жизни. Вот поразительная по своей гуманной сути фраза Иисуса Христа: «Не так, как я хочу, но как хочешь ты». Его распяли в 33 года. Откуда такая тонкость понимания?

— Мне нравится еще одна фраза: «Человек рождается совершенным». Я думаю, что людям изначально присуща нравственная чистота. Лучшие умы человечества говорили о ней, об этой природной, натуральной чистоте, и воспевали ее. Портят людей извращенные отношения к собственности, уродливые соблазны. Но изначально — нравственно чист человек.

— Интересно, у вас сохранилась память об этой первозданной детской чистоте?

— Вот, если хотите, такая история. Мне лет двенадцать, вместе с собакой Розой пасу коров. Чистое поле, дорога, Идет обоз. Пробегает девчонка лет пятнадцати. Остановилась. Пропустила обоз. Позвала меня. Я подбежал. «Хочешь?» — спросила она. Я не очень понял, но на всякий случай сказал: «Хочу». «А что ты мне за это дашь? Деньги есть?» — спросила она. «Есть блинчики», — сказал я. Она взяла блинчики и пошла в рожь. Я шел за ней, а за мной шла собака Роза. Мне казалось, что глаза собаки полны укора. Девочка зашла в рожь и легла на спину. Мне стало нехорошо. Я повернулся и со всех ног припустил к своим коровам, а следом мчалась довольная собака Роза. Сработал инстинкт чистоты. Но потрясение было сильным.

— Скажите, а в своем сыне вы видите изначально нравственность?

— Мне приятна его скромность. Он категорически отказывается от телевизионных съемок, не любит, когда его расспрашивают журналисты. Он очень стесняется популярности, которая вдруг свалилась на меня. Порой мне кажется, что он из-за этого даже испытывает неприязнь ко мне. Однажды после сеанса я спросил Сережу, понравилось ли ему.

«Нет!» — сказал он коротко. Мне кажется, что таким образом он сопротивляется всему суетному, что окружает его, пытается сохранить свою натуру от всего, что ему не свойственно.

— Вы уверены, что правильно делаете, когда во время сеансов касаетесь проблем морали и нравственности?

— Конечно. Проблемы эти чрезвычайно важны для духовного здоровья народа, но тема очень деликатна. Самое опасное оказаться навязчивым и бестактным, говоря о нравственности. Но я чувствую, иногда эти разговоры уместны и достигают цели.

О поездке в Америку

— Ваш отъезд в Америку проходил под аккомпанемент критических статей. Знакомые спрашивали меня: «Как ты думаешь, он (вернется?)» Вы, разумеется, вернулись. Настроение, вижу, у вас неплохое. Расскажите, пожалуйста, где вы были, как выступали.

— Был я в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Израиле. 63 дня, 22 взлета, 22 посадки, 26 выступлений. На первых порах на сеансах присутствовала в основном русскоязычная публика. Принимали доброжелательно. Надо было дать время прочувствовать результаты сеансов. Поэтому после первых американских выступлений я вылетел в Канаду и Израиль, потом снова вернулся в США. В Израиле публика была более подготовлена, так как там принимают первую программу нашего Центрального телевидения и очень многие смотрели телесеансы психотерапии, на себе ощутили их благотворное воздействие. Израильская пресса была очень доброжелательна. Второй визит в США подтвердил хорошие результаты не только у русских эмигрантов, но и у тех, кто посещал сеансы, не понимая по-русски. Между прочим, на некоторых выступлениях в Израиле тоже были-только те, кто по-русски не говорит. Выступать помогал синхронный переводчик. Но, по моей просьбе, переводил он не дословно, а лишь самое необходимое, чтобы люди в полной мере ощутили невербальное воздействие.

— И каким был эффект?

— Знаете, в некоторых случаях лечебный эффект оказался выше у тех, кто не знает русского языка.

— Интересно, были ли жалобы на ухудшившееся самочувствие?

— Ни одной.

— А как там было с критикой?

— Критика обычно появлялась еще до выступлений. Но это были

не оригинальные статьи, а перепечатки из «Известий», «Труда», «Литературной газеты».

— Можно ознакомиться с положительными статьями?

...Кашпировский передал мне внушительную пачку прессы на русском языке. Цитирую выборочно.

«Новая панорама», Тель-Авив, 10 декабря 1989 г. «Очередного телевизионного сеанса из Москвы все вокруг ожидали с нетерпением. Меня останавливали соседки, не говорящие по-русски: «Ну, как, будет сегодня профессор Кашпировский?» Люди звонили по телефону, набивались друг к другу в гости. Я забежала к знакомой, чтобы успеть сообщить, что та может записать его на видео».

«Круг», Тель-Авив, апрель 1990 г. «Зал заполнен до отказа. В проходах носилки, инвалидные коляски, старики, молодые, дети. Тяжело смотреть на них, на их лица. Для них осталась последняя надежда — вера в него, приехавшего издалека.

15-летняя девочка, парализованная с рождения. «После вашего сеанса,— говорит мать,— она впервые села, взяла печенье и от радости заплакала».

На сцену рвутся многие. Доктор внимательно слушает каждого, победившего недуг. Это и его победа.

Девушка 29 лет не может сдержать слез: перед ней открылась новая жизнь, перед ней, которую изводили насмешками за то, что дергает головой и руками. Как отыскать слова, передающие глубину чувств тех, кто исцелился?»

«Новое русское слово», Нью-Йорк, 9 марта 1990 года. «В огромном концертном зале Бруклинского колледжа людей было больше, чем посадочных мест. Это был третий и последний в Нью-Йорке сеанс Анатолия Кашпировского.

Слава Кашпировского пересекла океан раньше, чем его привез в Америку импрессарио Виктор Шульман. Видеокассеты его выступлений в Советском Союзе пользуются в Бруклине не меньшей популярностью, чем романы Эфраима Севелы. Легенды об излеченных передаются из уст в уста. О нем сложены уже анекдоты — верный признак всенародной известности. А однажды даже сам президент упомянул его в своем выступлении.

Думаю, что Кашпировский разочаровал не многих из тех, кто был прошлым воскресным вечером в Бруклинском колледже. Как не разочаровал и тех, кто и слышал его в воскресенье днем в прошлую пятницу вечером...

У людей, побывавших на его сеансах, исчезают опухоли, язвы, пропадают послеоперационные рубцы...

Мужчина: «Давным-давно страдал диабетом. Вечером в пятницу пришел к вам. Наутро перестал чувствовать боль. Проверил сахар — 120. Вы меня вылечили.»

Женщина: «После просмотра ваших кассет перестала болеть поясница, ноги не отекают, утихли головные боли, рассосался шов, сон стал лучше.»

Мужчина: «Мы с женой просмотрели все восемь ваших кассет. У жены прошел тромбоз, у меня прошел бронхит.»

Мужчина: «Два года назад мне сделали операцию на сердце. Смотрел ваши кассеты — шов затянулся.»

Мужчина: «В пятницу после вашего сеанса у меня стало совсем другое зрение. Сел за руль без очков.»

Мужчина: «Десять лет все болело. Куда только ни обращался. В пятницу послушал вас и боли прошли. Сначала не верилось, но более нет.»

— Спасибо, Анатолий Михайлович. Приятное чтение. Жаль, два месяца, что вас не было в Советском Союзе, мы совершенно не имели информации о вашей поездке. Ведь в Америке есть советские корреспонденты, есть ТАСС. Они никак не отреагировали на ваше турне?

— Почему не отреагировали? Вот у меня копия телекса, который был направлен в Москву корреспондентом «Литературной газеты». Правда, заметка эта, довольно сдержанная по сравнению с многими американскими публикациями, так и не попала к читателям. Вот выдержки из нее.

«Спид можно лечить методами психотерапии, считает Анатолий Кашпировский. «Я уверен, заявил он, что если бы здесь, в Америке, мне дали группу человек в 500 больных этим тяжелым недугом, определенное число наверняка исцелилось бы.» Достигнутые в рассасывании рубцов результаты показывают, что врач-психотерапевт в состоянии воздействовать на иммунную систему и активизировать ее. Поэтому есть основания полагать, что аналогичное влияние можно оказывать и на иммунную систему пораженных этой болезнью людей. Подтверждением также служат три письма, полученные, по словам Анатолия Михайловича в Союзе, в которых бывшие больные СПИДом сообщают о своем исцелении.

«На мою деятельность в Америке запретов и ограничений нет,— сказал Кашпировский,— так как любые беседы и все, что делается дистанционно, по нормам США, врачеванием не является и в разрешении не нуждается. Врачевание начинается с прикосновения доктора, с лекарства, инъекции, массажа.»

Отношения с публикой у него такие же добрые, такие же теплые, как и в любом городе нашей страны. Отдельные пациенты успели прийти на встречу с ним по два и три раза. Общению даже не мешает языковой барьер. Ведь сеансы лечения посещают не только эмигранты из России и Советского Союза, но и коренные американцы.»

— Какое впечатление произвел на вас уровень американской медицины?

— Впечатление потрясающее. Человек на следующий день после операции по поводу аденомы простаты уходит домой на своих ногах.

Виртуозные операции, безупречный уход за больными и их обслуживание, тончайшие исследования — все это вызывает восхищение.

— А как американские специалисты отреагировали на вашу работу?

— Их заинтересовало многое из того, что я делаю. Было предложено сотрудничество, совместные исследования. Совместная работа мне тоже по душе: уж очень высок у американцев технический уровень обеспечения лабораторных исследований.

— Вы удовлетворены лечебным эффектом, которого достигли за рубежом?

— Вполне. Американцы, канадцы, израильтяне болеют теми же болезнями, что и советские люди. И излечение у них и у нас идет по одним и тем же законам. Я рад, что для психотерапии нет государственных границ.

Заполненными, а в отдельных случаях даже переполненными залами встретили американцы Кашпировского, В среднем по 2,5—3 тысячи больных и страждущих собиралось на его сеансы в Сан-Франциско. Лос-Анджелесе, Бостоне, Нью-Йорке...

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	2
Глаза в глаза	3
Похудеть по Кашпировскому.	14
Мне не больно!	24
Понять Кашпировского.	37
Феномен борьбы против Кашпировского.	53
Кашпировский говорит начистоту.	73

Вы хотите жить лучше?

Используйте свои скрытые возможности — это приятно и выгодно! Необходимую помощь окажет Школа практической психологии.

Чтобы **БЕСПЛАТНО ПОЛУЧИТЬ** дополнительную информацию, присылайте конверт со своим адресом: 113556, Москва, М-556, а/я 78, Школа практической психологии.